А.И. Клибанов

Встреча со скопцами

«Братец» Анисим Смирнов и его последователи

Поездка к меннонитам

Заметки о толстовцах

Последние христововеры

Страницы полевого дневника

Из мира религиозного сектантства

На собрании у молокан-прыгунов

Из путевых заметок. Молокане. Субботники

По следам исчезнувшей утопии

А. И. Клибанов

Из мира религиозного сектантства

Встречи
Беседы
Наблюдения

Издательство
политической
литературы
Москва 1974

293.5
К49

Клибанов А. И.
К 49 Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. М., Политиздат, 1974.
255 с.

Автор этой книги, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, известен своими работами в области истории русской общественной мысли и критики христианского сектантства. В своей новой книге, написанной в очерковом плане, он повествует о судьбах сект, которые некогда имели немалое число приверженцев, но под влиянием социального и научно-технического прогресса нашей эпохи в значительной степени утратили свои позиции. Перед читателями раскрываются те процессы, которые обусловливают отмирание сект в социалистическом обществе.

Книга рассчитана не только на специалистов, занимающихся проблемами научного атеизма, но и на самые широкие круги читателей.

К 10509—261 / 079(02)—74 Б3—27—127—74 293.5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Религиозное сектантство представляет собой сложное социальное явление, истоки которого уходят в далекие времена.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции численность последователей разных форм религиозного сектантства составляла на территории России более миллиона человек.

Ныне в нашей стране многие формы религиозного сектантства вообще прекратили свое существование, а общая численность последователей религиозных сект сократилась в несколько раз. Это результат великих социальных преобразований, следствие победоносной культурной революции.

В ряде своих исследований, привлекая разнообразные источники — документальные, литературные, этнографические, я проследил историю религиозных сект в России как в эпоху феодализма, так и в эпоху капитализма, их социальные корни, особенности идеологии, явления социального расслоения и классовой борьбы внутри сект, их классово-политическую роль.

С целью изучить эволюцию сектантства, нарастающие внутри религиозных сект противоречия, реакционное значение идеологии и практики сектантства и пути его преодоления в условиях социалистической действительности я неоднократно выезжал в специальные научные командировки, руководил экспедициями по исследованию религиозных сект.

Итогом этих исследований были мои книги: «Реформационные движения в России» (М., 1960), «История религиозного сектантства в России» (М., 1965), «Религиозное сектантство и современность» (М., 1969), «Проблемы изучения и критики религиозного сектантства» (М., 1971), «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем» (М., 1973).

Я стремился всегда, когда предоставлялась возможность, изучать интересующие меня явления в гуще самой жизни, в коллективных и индивидуальных встречах с верующими. Мне кажется, что материалы такого изучения процессов, происходящих в различных религиозных общинах, представляют значительный интерес, и поэтому я решился предложить их вниманию читателей в виде отдельной книги.

Книга эта — не исследование. Это рассказ о встречах, беседах, наблюдениях в мире религиозного сектантства, которое я изучал на протяжении многих лет. Мир замкнутый, «непосвященному» малодоступный. Чтобы дать понять, каким должен быть этот мир по замыслу его ревнителей, приведу слова из сочинения баптистского автора, писавшего в конце 50-х годов: «В наши дни больше, чем когда-либо раньше, истинный христианин должен прибегать к принципу своего рода духовного естественного отбора. Подобно тому, как слушающие радиопередачи из множества станций и программ отбирают то, что их лично больше всего интересует, и этому отдают все внимание, так и истинные чада божии во всем проводят свой духовный отбор...» И вот его общий и главный вывод: «Поднимите свой стяг с надписью на обеих сторонах: «Занят и отделен!»» Уже сам этот призыв выдает тревогу его автора за готовность и способность верующих стать робинзонами, живущими на островах своих религиозных убеждений.

И действительно, может быть, за исключением небольшого числа слепых фанатиков, не существует верующих, которые так или иначе, больше или меньше не были бы связаны с окружающей действительностью, с лежащим за порогом религии внешним миром. Я сказал: внешним миром, но в том-то и дело, что «внешний мир» проникает во внутренний мир верующего, приобщает его к себе и в конечном счете

выводит человека на путь духовной свободы. Вот почему апологеты религии так настаивают на своем лозунге: «Занят и отделен».

Путь исследователя, изучающего мир религиозного сектантства, и проходит как раз по тем мосткам, которые соединяют верующего с большим миром нашей многосторонней, богатой, кипучей социальной и культурной жизни.

А «мостки» бывают и узкими и шаткими, и ревнивые стражи вроде упомянутого баптиста бдительно охраняют доступ в запретные мирки. Это предъявляет к исследователю большие и строгие требования. Нужны конкретные знания в области мировоззрения, вероучения и истории сектантства. Психологические знания. Жизненный опыт. И, конечно, большой такт.

Я хочу взять с собой читателя в путь исследования с его трудностями, волнениями, удачами и неудачами. Путь петлистый, что обусловлено особенностями той или иной сектантской среды, разнообразием встреч и ситуаций. Есть — о них обязательно следует сказать — и искушения, подстерегающие здесь исследователя: если верующему вменяется, как показано выше, следовать «принципу своего рода духовного естественного отбора», то у исследователя может появиться соблазн не открывать перед верующим своих идейных позиций, даже искать с ним «общий язык» в сфере его религиозных убеждений. Это порочный путь.

Каков бы ни был отдельный, временный эффект, достигнутый на этом пути «наименьшего сопротивления», он компрометирует исследователя и самое дело научного исследования религиозных явлений. В доверие не «втираются». Доверие заслуживают, его завоевывают и оправдывают. У советского исследователя есть «общий язык» с верующими и вне религиозной сферы. Ведь большинство верующих как граждане нашей социалистической Родины участвуют в строительстве нашей жизни, а следовательно, и в решении многих общих для всего советского народа задач. Взаимопонимание и взаимодоверие между исследователем и верующим возникает на почве принадлежности к единому советскому народу, строя-

щему коммунистическое будущее, и сознание этого, последовательно проведенное по всем линиям общения с верующим, является залогом успеха исследователя в его научной деятельности.

Читателю предстоит столкнуться в этой книге с большим количеством фактов, с конкретными и живыми образами. Книга написана не в историческом, социологическом, а скорее, в социально-психологическом и этнографическом аспектах.

Не обо всем, что видел, узнал, не обо всех, с кем встречался, рассказываю я в этой книге. Чем же обусловлен выбор сюжетов, составивших ее?

Дело в том, что, восстанавливая в памяти виденное и слышанное, «перебирая бумаг пожелтевших листки», я, в какой-то степени и для самого себя неожиданно, сделал существенный, полагаю, вывод: ведь на моих глазах в условиях построения и развития социалистического общества происходит «гибель богов», насчитывавших долгие годы господства над разумом, чувствами и поступками людей. Согласитесь, что факт преодоления, отмирания и исчезновения в нашем обществе целого ряда форм религиозного сектантства заслуживает самостоятельного рассмотрения и имеет познавательную ценность и сам по себе и как предвестник исторических судеб тех форм религиозного сектантства, которые пока еще более или менее деятельно проявляют себя в нашей действительности. Именно эта мысль определила круг очерков, составляющих данную книгу.

Перед читателем книги пройдут образы сектантов — последователей адвентизма и меннонитства, трезвенничества, скопчества, христововерия («хлыстовства»), субботничества, толстовства, молоканства, духоборчества.

В веренице последователей религиозного сектантства, представленных в данной книге, решительно преобладают рядовые верующие. Это обусловлено тем, что именно с ними внутренне связан мотив «гибели богов», проходящий через книгу. Как это ни парадоксально звучит, но боги остро нуждаются в человеческом обществе, чахнут и гибнут, когда общество отворачивается от них. Отмирание и исчезновение тех или иных форм религиозного сектантства

происходит в результате отхода от него рядовых верующих.

После победы Великой Октябрьской революции идеологи, руководители и ревнители различных форм религиозного сектантства всеми силами и доступными средствами некоторое время продолжали отстаивать интересы экспроприированных классов. И если многие сектантские организации и общины перешли на позиции лояльного отношения к Советской власти и социалистическому строю, то это стало возможным потому, что подавляющее большинство рядовых верующих трудящихся увидели в Советском государстве ту общественную силу, которая выражала их коренные классовые интересы.

Теперь о «материальной базе» книги. Ее основу составляют записи, сделанные непосредственно по месту исследований, и полевые дневники. Но я использовал и письменные источники — архивный, газетный и журнальный материал, встречался с современниками и свидетелями описываемого, которые делились со мной не только своими взглядами и воспоминаниями, но и своими архивами.

В книге использован и метод научной реконструкции. Так, я не присутствовал ни на описываемых скопческих радениях, ни на беседах, которые скопцы вели друг с другом. Основываясь на ставшей мне доступной информации непосредственных участников этих радений и бесед, сверяя ее с известными данными, я пытался составить о них более или менее четкое представление.

Я не счел возможным во всех случаях приводить подлинные имена верующих, считаясь с выраженной ими волей и руководствуясь соображениями этики.

И последнее. Знакомясь с моими очерками, читатель может столкнуться с трудностями, обусловленными тем, что ему неизвестны мировоззрение и культ описываемых сект, имена их основоположников и крупных деятелей, основные вехи их истории. Преодолеть эти трудности помогут имеющиеся в книге примечания.

Труд исследователя, по существу, имеет коллективный характер. По ходу изложения я упоминаю имена моих учителей и старших товарищей, совета-

ми и помощью которых я пользовался на разных этапах своего исследовательского пути. Выражаю большую благодарность им и всем тем, кто делил со мной труд исследований религиозного сектантства в Закавказье,— А. Ф. Ахадову, К. Л. Даллакяну, Г. Я. Корытину, Ларисе и Василию Медведевым, З. И. Поракишвили, В. П. Сапрыкину, С. Л. Хлевовому.

ГЛАВА
ПЕРВАЯ

НАЧАЛО

Лето 1926 г. я провел в гостях у дяди, работавшего в Новгороде в Доме книги. Был в чудесном расположении духа, что объяснялось и весьма молодым возрастом, и тем, что время было каникулярное, и еще одной причиной: я стал корреспондентом газеты «Безбожник». Новенький корреспондентский билет за номером 188 сопровождал меня в моей поездке и наполнял гордостью. Я мечтал стать публицистом-антирелигиозником. Почему мне хотелось стать антирелигиозником — я знаю.

Вырос я в Ленинграде — колыбели Великой Октябрьской революции. Она входила в детский мир красными стягами, разливом манифестаций и демонстраций, победными звуками «Интернационала», скорбными звуками «Вы жертвою пали»... Было детство — и были сказки: пушкинские, и братьев Гримм, и волшебные сказки Перро, но за окном и дверьми жила, кипела, звала красочная, широкошумная, полноводная явь, одновременно сказочная и подлинная, в нее можно было войти, перешагнув порог дома...

Когда я подрос и стал юношей, обдумывающим «житье», то сделал свой выбор в жизни: поколениями отцов и старших братьев была свергнута власть «царей земных» — самодержавия, помещиков, капиталистов, но в сознании людей, традициях, обычаях, предрассудках сохранялась власть «царя небесного», без свержения которой не может быть подлинной духовной свободы.

Слова молодежной песни первой половины 20-х годов: «Долой, долой монахов, раввинов и попов, мы на небо залезем, разгоним всех богов» — были «криком души» — души восторженной, пылкой, стремящейся всю себя отдать революции. Что и говорить, много наивного в этом призыве: Долой, долой!.. «Лестница» на Олимп, назначенный к свержению, оказалась куда длиннее и круче, чем это нам тогда представлялось. Но за атеистическим максимализмом стояла непреходящая правда революционных чувств и убеждений, жаждавших деятельности.

Надо сказать, что и тогда, на первомайских и октябрьских празднествах, когда воодушевленно и дружно мы распевали: «Долой, долой!», мы не были столь просты и наивны, как может это на первый взгляд казаться. В меру возможного мы овладевали научными познаниями в области истории религии, естествознания, библейской критики.

С благодарностью вспоминаю Музей сравнительного изучения религии в Ленинграде, его руководителей и сотрудников: К. Н. Лукницкого, И. Я. Эльяшевича, А. М. Покровского, Р. В. Шмидт. Они привлекли меня для работы с экспозицией — и это явилось активной формой усвоения начальных знаний по истории религии. Музей сравнительного изучения религии стал первой школой моего научно-атеистического образования. Первой, но не единственной. Время от времени я посещал богослужебные собрания сектантов: баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, трезвенников. Вслушивался, всматривался, беседовал с верующими. Внимательно читал старую и новую атеистическую литературу.

Из первых атеистических изданий, которые я взял в руки, особенно запомнилась небольшая книга И. И. Скворцова-Степанова «Мысли о религии» — остроумная, безупречно логичная, чеканная по форме. Интереснейший и глубоко продуманный материал содержала книга Ем. Ярославского «Как родятся, живут и умирают боги и богини», перекликавшаяся в моем сознании с экспозицией в Музее сравнительного изучения религии. И, конечно, его же «Библия

для верующих и неверующих», снискавшая в то время огромную популярность.

Но вернусь к лету 1926 г. Это был первый приезд в Новгород. Жили мы на Софийской стороне, возле Кремля, и почти ежедневно я ходил на другую сторону города, а именно на Первомайскую улицу, где находился Дом книги. Там же помещалась почтово-телеграфная контора. Нередко на обратном пути я сворачивал к Летнему саду, чтобы отведать мороженое у некоего Василя Григорьевича, славившегося высоким качеством своего изделия.

Однажды я возвращался с почты, где получил очередной номер газеты «Безбожник». Ни одна из заметок, посланных уже месяца три назад, не появилась. Оставалось подсластить горечь разочарования, и с газетой в руке я оказался у тележки Василя Григорьевича. Он скосил глаза на заголовок газеты.

— Прочел, нет, газету?

— Прочел.

— Оставь до завтра,— и с усмешкой: — Ликвидирую неграмотность!

Назавтра я подошел к Василю Григорьевичу. Он вернул мне газету, аккуратно сложенной.

— На, спасибо, что-то еще не прозрел,— зачерпнул и протянул порцию мороженого.

Мы разговорились. Я отрекомендовал себя корреспондентом газеты, чем крайне удивил своего собеседника — выглядел я отнюдь не солидно.

— Все там у вас такие? — Но обижать меня ему не хотелось.

— Знаешь, я было и сам в боге разуверился. Чем в поповского бога, лучше в чучело огородное верить!

Так начались наши беседы и продолжались всякий раз, когда я подходил к Василю Григорьевичу.

Я узнал, что родом он из-под Полтавы, кончил церковноприходскую школу, крестьянствовал, потом перебрался в Полтаву, служил письмоносцем. В свободное от службы время занимался самообразованием. В бога верил, а церковь посещал редко.

В 1904 г. Василь Григорьевич женился. Во время родов скончалась жена, а через несколько дней — младенец. Василь Григорьевич разуверился в существовании бога. В Полтаве он познакомился с толстов-

цами. Ему дали сочинение Толстого «Царство божие внутри вас...», и оно произвело неотразимое впечатление. Он перечитал все сочинения Толстого, какие только удалось достать,— религиозно-философские, публицистические, художественные. Следуя толстовству, отказался от воинской повинности. Побывал в дисциплинарном батальоне. Когда началась мировая война, Василя Григорьевича определили санитаром в действующую армию. Он был ранен в начале 1915 г.: осколками снаряда разорвало левую голень. В сознание пришел в немецком госпитале. Этот госпиталь содержался на средства секты адвентистов седьмого дня. Врачи, сестры, весь обслуживающий персонал госпиталя были приверженцами этой секты. Здесь и началось обращение Василя Григорьевича из толстовства в адвентизм [1].

— Видишь ли, кой в чем адвентисты с учением

[1] *Адвентизм* (от лат. adventus — пришествие) возник в США в 30-х годах XIX в. Основатель адвентизма — У. Миллер (1782—1849). В 1833 г. он опубликовал книгу «Свидетельства из писания и истории о втором пришествии Христовом и его личном царстве в 1000 лет». Проповеди Миллера о близком пришествии Христа и его сочинение имели большой успех среди мелкого фермерства и социальных низов американского общества. Миллер «назначил» пришествие Христа на отрезок времени с 21 марта 1843 г. по 21 марта 1844 г. Потом срок второго пришествия был перенесен на 22 октября 1844 г. Неудача предсказаний вызвала оппозицию Миллеру в среде его последователей. Раскол привел к образованию многочисленных течений в адвентизме. На рубеже 80—90-х годов XIX в. наибольшее распространение получило течение адвентистов седьмого дня, почитающих в качестве «дня покоя» субботу вместо воскресенья. Оно сложилось в самостоятельную церковь протестантского типа. Высший орган церкви — «Генеральная конференция адвентистов седьмого дня» находится в Вашингтоне. Основные пункты вероучения: вера в близкое второе пришествие Христа, в «страшный суд», в тысячелетнее царство на небе для праведников и «огненную гибель» для грешников и др. Особое значение придается «моральному обновлению личности» как необходимому условию подготовки к встрече Христа.

По данным 1970 г., в мире насчитывается около 2 млн. приверженцев церкви адвентистов седьмого дня. Она располагает 494 высшими и средними учебными заведениями, имеет 4149 начальных школ, 281 медицинское учреждение, 46 издательств и др.

В России адвентисты седьмого дня появились в конце XIX в. Первыми распространителями адвентистского учения были немецкие и американские проповедники. Общины адвентистов существуют в нашей стране и в настоящее время.

Толстого сходятся. Не пьют, не курят, мясного не кушают, проповедуют оружия в руки не брать. Вот насчет второго пришествия, это не сходится. Я так считаю, пришел ко мне Христос, вот и пришествие. И все тут. Пошел в адвентисты. Маленько душою покривил. Как-никак, а они меня на ноги поставили...— деревяшкой постучал о булыжник.— Хоть и с лесу срублена, а нога.

Выписавшись из госпиталя, Василь Григорьевич устроился к немцу-хозяину, специалисту холодильного дела, летом державшему небольшую мастерскую по производству мороженого. Когда пришло время возвращаться на родину, хозяин подарил ему «фуллеровку» — аппарат для замораживания. Василь Григорьевич прибыл в Петроград. Отправился в адвентистскую общину. Дали рекомендательное письмо в Новгород. Приняли его местные адвентисты радушно, помогли материально...

Стал я бывать и в доме Василя Григорьевича. Дом был деревянный, одноэтажный, ветхий. Вкусно пахло ванилью. Пройдя через кухню, уставленную луженными цилиндрами разной величины, бидонами, ящиками с рыжей крупнозернистой солью, вы попадали в просторную, светлую, чистую комнату. Над постелью надпись в рамке: «Бог есть любовь». На столе стопка книг. Среди них Библия, томик «Круга чтения» Л. Н. Толстого, «Жизнь Иисуса» Ренана, «Библейские беседы...», «Христианство и социализм» Бебеля. Отдельно от книг — экземпляр журнала украинских адвентистов «Благовестник».

Однажды я попросил Василя Григорьевича свести меня на молитвенное собрание адвентистов. Он ответил: «Сам сходи. Я у них теперь вроде изгой».

Выяснилось, что в общину Василь Григорьевич давно не ходит, но среди адвентистов сохранил друзей, что они навещают его, советуются, помогают в хозяйстве,— все это несмотря на косые взгляды своих руководителей.

Я поинтересовался причиной этого. Оказалось, что Василя Григорьевича обвиняют в нарушении существующих у адвентистов правил под названием «санитарная реформа», которые возбраняют одновременное употребление молока и сахара, а также

употребление напитков, если их температура ниже температуры тела.

— Есть такие правила,— повторил Василь Григорьевич, растягивая слова.— Да не в них дело.

— В чем же дело?

— В том дело, что не на ту ногу хромаю. Кабы на правую, а я ведь на левую ногу хром.

Оказывается, вопреки запрету адвентистских руководителей, Василь Григорьевич 23 июля 1926 г. пришел на площадь «9-го января», где происходил революционный митинг.

Однажды вечером я застал у Василя Григорьевича двух пожилых мужчин. Мое появление их не смутило, не вызвало признаков любопытства. Было ясно, что заочно они уже знакомы со мной. Пригласили сесть. Речь шла о каком-то письме. В руках Василя Григорьевича находилась тетрадь, изрядно потрепанная,— это и было обсуждавшееся письмо. Собеседники единодушно осуждали тех верующих, которые отказывались от лояльного отношения к Советской власти, как и тех, кто ее признавал из лицемерия. Потом спорили об отношении к воинской обязанности и сошлись в конце на том, что каждый верующий должен поступать в согласии со своей совестью.

— Написать бы такое письмо,— предложил собеседник, которого называли Кондратом,— чтобы фарисеев отлучили от церкви всех до одного. Это первое. Считать истинными детьми божьими тех, кто принимает власть, данную богом трудящимся и обремененным. Это второе. И третье: чистым не иметь общения с нечистыми, как написано в евангелии: «...выйдите из среды их и отделитесь, и не прикасайтесь к нечистому...»

Василь Григорьевич с жаром возразил:

— Фарисеев отлучим, от нечистых отделимся, потом братья, что не возьмут оружия, себя назовут чистыми, а тех, которые возьмут,— нечистыми. Языками вертим, а толку что? Лучше пойти «фуллеровку» вертеть.

Наступила пауза. Третий участник беседы, лишь время от времени подававший реплики, резко поднялся из-за стола:

— Прости, господи, вразуми!

Он сказал это искренне и прочувствованно. Поднялись Василь Григорьевич и Кондрат. Помолились. Сели. И разговор возобновился, теперь уже сугубо житейский.

Как мне хотелось ознакомиться с этим письмом! Продолжая посещать Василя Григорьевича, я несколько раз возвращался к интриговавшему меня письму. Он отмалчивался. Как-то раз он сказал:

— Далось тебе это письмо. Корреспонденцию что ли о нем написать хочешь? Сор из избы выносить, да еще чтобы я сам тебе пособлял!

Я не стал скрывать от Василя Григорьевича намерения написать статью.

— Хорошо, парень, нет в тебе лукавства. А кто из нас двоих сектант, надобно еще рассудить. Помнишь Кондрата: отделим, мол, чистых от нечистых и прочее такое. Ответь по совести, ты же своих за чистых, а нас за нечистых признаешь?! Одни, стало быть, зерна пшеничные, а другие — ячменные, просяные? Так что ли? А по-моему, каждой былинке солнце равно светит.

Я обиделся.

— Что же, Василь Григорьевич, я к вам как чистый к нечистому хожу? Вы верите в бога. Я не верю. А ведь мы, еще не познакомившись, вместе были на площади «9-го января» на митинге. Значит, одно солнце нам светит.

Василь Григорьевич сказал:

— Мне говорят сектант, сектант, а какой я сектант? Кто я, Кондрат? Делю людей: чистые, нечистые... А газету брал у тебя. Мы, безбожники,— то, да мы, безбожники,— другое, мы, безбожники... Тьфу! Кондраты!

Вышел в сердцах на кухню. Что-то ворчал. Потом загремел посудой. Я ничего не стал отвечать. Сходил с ведрами в погреб, принес лед. Стали его мельчить, за работой разговорились о всякой всячине и простились, как всегда, по-хорошему.

В памяти сохранилась еще одна встреча, последняя. Накануне отъезда я пришел к Василю Григорьевичу с подарком. Это была книга «Мысли В. И. Ленина о религии», опубликованная издательством «Атеист». Я привез ее с собой и, по правде говоря,

мне нелегко было с ней расстаться. Несколько изданий этой книги мгновенно разошлось. Сумею ли ее достать в Ленинграде? Надписи на книге решил не делать, но в статье Ленина «Социализм и религия» обвел синим карандашом: «Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма». И следующие затем слова подчеркнул красным: «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе».

На полоске бумаги, заложенной в этом месте, написал: «Здесь ответ на ваши вопросы».

Василь Григорьевич благодарно принял книгу. Развернул заложенные страницы. Прочитал слова на закладке. Потом стал читать отчеркнутое.

— Надо сполна разобраться. Вопросов много.

Он положил мой подарок на Библию, увенчивавшую стопку книг на столе. Я это воспринял в символическом смысле.

Разговор в этот вечер был клочковатый, какой бывает на вокзальном перроне между отъезжающими и провожающими. Помню, сказал Василю Григорьевичу, что хотя еще мало и плохо знаком с адвентистами, но мне кажется, что он на них совсем не похож.

Он пошутил:

— Ты, брат, не плохо, а хорошо знаешь адвентистов. Они то же самое говорят.

Пришло время прощаться. Что же мне сказать Василю Григорьевичу? Я был полон добрых чувств к этому благожелательному, прямому человеку, недоумевал и жалел, что он еще не освободился от религиозного груза.

— Что притих? — обратился он ко мне.— Лес по дереву не скучает. А тебе спасибо, хлопец, ты не гордый.

И ласково провел рукой по моей голове. У меня защемило в груди. Деловито пожал руку Василю Григорьевичу, поблагодарил за хорошее отношение, пожелал здоровья, выразил надежду, что он не будет плохо думать о безбожниках. Написал ему свой ле-

нинградский адрес. Мы уже стояли у калитки, когда Василь Григорьевич сказал:

— Постой, провожу маленько.

Мы шли по Ильинской улице. Василь Григорьевич остановился. Ладно. Со мной далеко не уйдешь, да и работы полно.

Полез в карман пиджака:

— Возьми тетрадку, страсть как тебе ее хотелось. Ну бери же, бери!

Я держал тетрадь в руках, благодарный и растроганный.

— Василь Григорьевич, большое, большое спасибо...

Мысли и чувства, вызванные встречей с Василем Григорьевичем, ходуном ходили во мне, и, уже вернувшись в Ленинград, я много думал о ней.

* *
*

Моя первая научная находка представляла собой сочинение, озаглавленное «Письмо одному другу и брату». Это была машинопись через один интервал, на тонкой бумаге, смазанная, довольно слепая, словом, одна из многочисленных копий. Она состояла из тридцати страниц несколько меньшего формата, чем ученическая тетрадь. Один адвентист писал другому о внутреннем состоянии секты, писал так, как пишут «другу и брату», т. е. без расчета на гласность. В этом и заключалась ценность документа.

Что же выяснилось из письма? Автор его — руководитель новгородской общины адвентистов седьмого дня Нетович. «Друг и брат» — Тарасовский, видный ленинградский адвентист, проповедник, участник и секретарь V Всесоюзного съезда адвентистов седьмого дня, происходившего в Москве в августе 1924 г. Съезд этот принял «Декларацию», адресованную в ЦИК СССР. В ней утверждалось, что адвентисты «с момента возникновения Со́ветской власти... ни на минуту не сомневались, что лозунги, провозглашаемые Советской властью... являются магнитом, объединяющим всех здравомыслящих людей и народы в один крепкий Союз ССР». Участники съезда торжественно заявили, что принимают «Советскую власть, как

законную власть, имеющую право действовать в рамках данной ей богом силы...».

Когда сейчас я перечитываю опубликованную адвентистами «Декларацию», то вижу множество оговорок, расплывчатых формулировок, позволяющих толковать ее содержание многозначно. Были, однако, в ней такие выражения: «Адвентисты седьмого дня желают быть цветком в букете всех верующих граждан СССР», «Участие адвентистов седьмого дня в общем строительстве СССР» и т. д.

Но если «с момента возникновения Советской власти» адвентисты «ни на минуту не сомневались» в значении ее лозунгов и идеалов, если уж отсчет времени пошел в таких единицах, как «моменты» и «минуты», то почему «Декларация» появилась на седьмом году Октябрьской революции? Встают еще и другие вопросы. Я читаю опубликованный в 1925 г. адвентистами «Отчет пятого всесоюзного съезда...». Страница одиннадцатая. «Выслушав «Декларацию», предложенную комиссией для постановления на имя ЦИК СССР от имени съезда... съезд принял [ее] единогласно без обсуждений и прений...» Но, согласно тому же отчету, вопрос о «Декларации» уже стоял на съезде еще за два дня до ее принятия. Были ли тогда «обсуждения и прения»? Отчет молчит. И вообще, насколько полна информация, содержащаяся в отчете? Она неполна, и умолчания отнюдь небезынтересны.

«Письмо к одному другу и брату» — и в этом его интерес и значение — ведет за кулисы съезда и делает нас свидетелями происходившей на нем борьбы. Вот оценка Нетовича: «Фронт теперь прорван... Борцы просто отступили в великом кризисе... убоявшись больше сильных мира сего, нежели бога, пожертвовали своими убеждениями и ради своего временного земного благополучия пошли на уступки с совестью своею. Они лицемерили, льстили и заискивали...» Нетович открыто и решительно противопоставляет себя «отступившим борцам». Он «держит фронт». Какой? Непризнания социальной и политической действительности, утвержденной Октябрьской революцией! Тот же «фронт», который в течение ряда лет «держали» и проклинаемые им в письме единомышленники.

Нетович не был одинок. Принятие «Декларации» явилось результатом острой внутренней борьбы в адвентизме, но оно не решало проблемы. В общинах, на местах оставалась оппозиция сторонникам «курса на лояльность». Такова была реальная картина внутренней борьбы в адвентизме, достигшей к середине 20-х годов одной из критических точек. Однако эта картина была неполной. Оставался вопрос, как соотносились в адвентизме позиции «непримиримых» и глашатаев нового курса? На этот вопрос находим ответ в «Письме к одному другу и брату». Оказывается, «глашатаи нового курса» видели в принятии «Декларации» «не отступление, а хитрый дипломатический маневр, ловкий и мудрый выход из создавшегося положения». «Декларация» явилась лишь актом «дипломатического признания» сектой адвентистов седьмого дня советского общественного и государственного строя. Аналогичную позицию заняли секты евангельских христиан и баптистов на своих всесоюзных съездах в 1923 и 1926 гг.

Однако и после сказанного картина внутренних отношений в адвентизме остается неполной, если не ответить на вопрос об отношении к новой социальной действительности рядовых верующих. «Письмо к одному другу и брату» не содержит материала о настроениях рядовых верующих. Оно создает ложное впечатление о полной их солидарности с оппозицией курсу, провозглашенному пятым съездом адвентистов. Но совершенно ясно, что среди факторов, обусловивших переориентацию руководителей секты, сам созыв съезда и принятие на нем «Декларации», лояльные настроения рядовых верующих явились одним из важнейших.

Если и имело смысл утверждение «Декларации» о принятии адвентистами с самого начала лозунгов и идеалов Октябрьской революции, то только тот, что эти лозунги получили поддержку в среде рядовых верующих. Следует, однако, принять во внимание, что руководители секты делали все от них зависящее, чтобы нейтрализовать влияние Октябрьской революции на рядовых верующих и что эта деятельность вовсе не была безуспешной. Скажем прямо, в массе верующих адвентистов имелось немало забитых лю-

дей, шедших на поводу лидеров такого типа, как Нетович. Были и люди инертные, действовавшие по указке тех или иных руководителей, и достаточно бывало властного окрика, чтобы заглушить неугодные голоса.

Но имелись и такие верующие, которые не боялись окриков. Они-то полностью обойдены автором письма. Не знаю, много ли их было в то время среди рядовых адвентистов, но их суждения отличались самостоятельностью и определенностью. Конечно, фигура самого Василя Григорьевича в своем роде оригинальна, и его связь с адвентизмом обусловлена была обстоятельствами в какой-то степени случайными. Но он не является исключением: для сектантства первой половины 20-х годов довольно характерна фигура верующего, в значительной степени подверженного влияниям, интересам, событиям окружающей жизни, самоопределившегося в признании новой социальной действительности, хотя еще не решавшегося порвать со своими религиозными верованиями.

Но и адвентист Кондрат и его единомышленник, с которыми я встретился у Василя Григорьевича, так же, как и он, бескомпромиссно осуждали и «приспособленцев», которых называли «фарисеями», и Нетовичей, которых называли «нечистыми» и призывали отделиться от тех и других. Кондрат в сущности предлагал образовать секту из числа адвентистов, стоящих на платформе искреннего и полного признания Советской власти. Это предложение решительно отверг Василь Григорьевич, понимавший, что такое разделение верующих ни к чему хорошему не приведет и что, напротив, преодоление сепаратизма служит действительному объединению людей в интересах новой общественной жизни. Видимо, дух кастовости, которым Василю Григорьевичу на его жизненном пути пришлось немало дышать, опротивел ему: он сознавал, что это «дух смертный». Кондрат до этого сознания еще не дошел.

Покидая Новгород, я увозил добрую память о Василе Григорьевиче, но не понимал, что находкой, не меньшей чем «Письмо к одному другу и брату», явилось общение с ним самим и знакомство, пусть бег-

лое, с лицами, его окружавшими. Это я понял позднее. Как сложилась дальнейшая судьба Василя Григорьевича? Мы обменивались изредка письмами. Потом переписка прекратилась. В 1930 г. я послал ему экземпляр журнала «Антирелигиозник» со своей статьей «Несколько моментов из истории адвентизма». Журнал возвращен был почтой с извещением, что адресат по указанному адресу не проживает...

ГЛАВА
ВТОРАЯ

ВСТРЕЧИ СО СКОПЦАМИ [1]

Неожиданное знакомство

Готовясь поступить в 1929 г. на историко-филологический факультет Ленинградского университета, я стал собирать материалы по теме «Старообрядчество и сектантство в статистике Министерства внутренних дел за первую половину XIX века».

Помню день, когда впервые пришел в здание Центрархива. Процедура оформления в читатели архива продолжалась недолго — у меня было направление от издательства «Прибой». И вот уже выданы описи документов Министерства внутренних дел, толстые, от руки переписанные тома; тут я понял, что, прежде чем доберусь до необходимых мне источников, я должен буду посвятить долгие дни кропотливому и терпеливому изучению скучных, пугающих объемом описей. Начались систематические занятия в архиве.

Но пришла пора, когда на моем читательском столике стали появляться и выписанные

[1] *Скопцы* — религиозная секта, появившаяся в России в XVIII в. после разгрома крестьянских восстаний. Название утвердилось за сектой вследствие ритуальной операции оскопления, которой подвергаются ее последователи. Основатель секты — Кондратий Селиванов организовал первые скопческие «корабли» (общины). Крайний аскетизм, который проповедовался сектой, был логическим продолжением христианского вероучения, утверждающего, что источником греховности человека являются плотские, мирские желания. В процессе эволюции секты руководство общинами перешло в руки зажиточных слоев населения — кулаков, купцов, промышленников, которые использовали свое положение для эксплуатации рядовых верующих. В настоящее время имеются лишь отдельные последователи этой секты.

мной дела. Однако я сразу заметил, что требования на дела, относящиеся к секте скопцов, не удовлетворялись. И каждый отказ сопровождался разъяснением: «за читателем Меньшениным». Кто был Меньшенин, встретившийся на моем пути? Сотрудница архива посоветовала: обратитесь к Меньшенину, может быть, ему уже и не нужны эти дела — и указала на его рабочее место. Я испытывал чувство неловкости, но советом воспользовался. За стопками дел в темно-синих и серых обложках сидел очень старый человек. Он поднял голову, недружелюбно и как-то испуганно посмотрел на меня:

— Что вам угодно?

Я объяснил.

— Когда дела не будут мне надобны, я верну их.— И продолжал заниматься.

Я плохо запомнил его лицо, морщинистое, отечное. Меня поразили его белые, как из гипса, руки с дрожащим в них листом бумаги.

Ничего иного, как смириться, не оставалось. Дела о скопцах были Меньшенину постоянно «надобны», а так как появлялся в архиве он нерегулярно, то отодвигались и сроки моего доступа к ним. И вот, как-то направляясь в архив, я увидел Меньшенина, навалившегося грудью на каменный парапет набережной. Я подошел.

— Мне дурно. Помогите дойти до скамейки.

Я помог, а потом и проводил Меньшенина к дому. Жил он в центре, на Малой Подьяческой, довольно далеко от архива. Так мы познакомились. Выяснилось, что Меньшенин скопец, бóльшую часть жизни провел в Сибири, когда-то собрал и издал песни скопцов, а теперь занимается сбором материалов о преследованиях скопческой секты при царизме. Все это было в высшей степени неожиданно. Но удивлению моему (и интересу!) и вовсе не было границ, когда Меньшенин рассказал о знакомстве с Л. Н. Толстым, сперва заочном, путем переписки, а потом и личном, состоявшемся в Ясной Поляне в 1900 г.

— Гаврила Прокопьевич (так звали Меньшенина), расскажите, пожалуйста, о встрече с Толстым.

— Сперва, извольте вы, почтеннейший, рассказать, на какой предмет надобны вам дела о скопцах?

Я объяснил.

— Статистикой интересуетесь? А вы что о скопцах знаете? Или думаете, коли кусок мяса своего отрезал, то и враг отечества?

При всей определенности отношения своего к секте я решил обойти острые углы и тянул беседу к Толстому, что было не легко. Меньшенину явно хотелось выговориться.

Наконец дошло и до Толстого.

— У Толстого появился я ходатаем за единоверца, сосланного царским судом. Толстой посочувствовал, дал письмо к одному знаменитому адвокату. Расспрашивал о нашем братстве, поселенном в Якутии. Очень интересовался. Немного и поспорили, ну, сказать вернее, разномыслили с ним. Мы до того и в письмах мнением не сошлись. Что вам сказать? После смерти Льва Николаевича вошло только в мой разум, с кем говорил, переписывался. Да, в нашем якутском братстве братства не было. Лев Николаевич говорил: «Если вера к братству не ведет, эта вера не истинная». А я ему, дескать, вера истинная, а если братства у нас не было, в том вина самих братьев. Лев Николаевич рассуждал так: если уж, мол, скопцом быть, то по духу, а не по плоти. Об этом духовном скопчестве я тетради имел, Латышев написал. Я эти тетради... когда же? Году, наверно, в двенадцатом Бонч-Бруевичу [1] передал, очень он просил.

Еще неожиданность!

— Так вы были знакомы с Бонч-Бруевичем?

— Был. И сейчас знаком. И состою в переписке. Но доскажу: чуть было не поколебал меня Лев Николаевич. А потом, подумал я, были же и другие люди великие, ну, скажем, Ориген — христианский учитель [2]. Какого был разума человек, а скопец. Что

---

[1] *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, один из ближайших соратников В. И. Ленина, публицист, историк-исследователь религиозно-общественных движений в России.

[2] *Ориген* (185—254) — один из «отцов христианской церкви». Составил комментарии ко всем книгам Ветхого и Нового завета, стремился сблизить христианство с учениями грече-

же Ориген духовным скопцом не стал? А то, что не по силам человеческим природные признаки носить и в чистоте оставаться.

Вспоминается вечер. Мы на скамейке в Александровском саду. Меньшенин что-то рассказывает о лекарственных травах, произрастающих в Уфимской губернии. Потом переходит на доверительный тон:

— Вот смотрю на вас, юноша, вы кажетесь мне мыслящим. А я вам из личного наблюдения хочу сказать,— вот дотягиваю до восьмого десятка. Поро-ки как мухи на навоз слетаются. Поразмыслите, дорогá ли цена, чтобы раз навсегда от порока оборониться? Вошел, закрыл дверь, щелкнул замком — вот ты и в белой палате, а грехи за дверью. Раз и навсегда! Да, об этой науке вы не думаете, поди посмеиваетесь: «Ну и глупые люди эти скопцы!» А я вам скажу,— не глупые, а умные, трудовые, против другого населения зажиточные. И государству не в убыток, а в прибыль. А что до Советской власти, вам я как комсомольцу скажу, написал — тому четыре года — высшей власти, что скопцы призывают на нее благоденствие, мир, чтят законы ее и будут ей спо-спешниками во всех благих начинаниях. Вы не спорьте. Говорю не на прекословие, а на память.

Мне разговор не понравился.

— Гаврила Прокопьевич, это вы со мной сейчас спорили. Вы отвечали мне на вопросы, которые я не задавал. А если бы я стал задавать вопросы, пришлось бы вам говорить о другом. О скопцах-миллионерах и о скопцах-бедняках. И о многом другом, что было бы вам неприятно.

Меньшенин задумался:

— Нет, юноша, не вам отвечаю. А кому — узнаете, время не за горами.

Поднялся и тяжело побрел по аллее.

После этого разговора наши отношения разладились. Время от времени мы встречались в архиве. Меньшенин меня словно не замечал. Как-то раз в конце октября или в начале ноября неожиданно подошел:

ских философов, в частности Платона, в связи с чем обвинялся в ереси.

— Уделите несколько минут.

Мы вышли в коридор.

— Вот что. От властей над нами грянула буря. И мою голову не обойдет. У меня дома десятка три тетрадей с выписками из дел, собранные мной рукописи. Я это готовил не для себя, а для Бонч-Бруевича. Возьмите его адрес. Если что случится, напишите, чтоб походатайствовал, а материалы и тетради себе взял. Есть и книги по скопчеству. Немного. Их ни за какие деньги теперь не купишь. И книги ему отказываю. А на добро свое составил завещание, это все пойдет по закону... Ну простите.

Мы вернулись в читальный зал. Меньшенин собрал дела, сдал хранителю. Больше я не видел Меньшенина. Как я потом узнал, «буря» над ним не разразилась. Вскоре он заболел и в 1930 г. умер.

Будучи студентом Ленинградского университета, я познакомился с Николаем Волковым, студентом-этнографом, учившимся в то время на старшем курсе. Человек был он самобытный и яркий. Родом из костромских крестьян. Волков, до того как стал студентом, успел отслужить действительную службу в Красном Флоте. В нем полно и подкупающе выразились черты моряка — широта натуры, прямота в отношениях, юмор, большая добрая сила. Он обладал неотразимым даром общительности.

Занимался он лопарями, ездил в этнографические экспедиции и командировки, но едва ли не больше интересовался религиозными сектами. Особенно сектой скопцов. Со слов Волкова, мне стало известно об аресте еще в сентябре 1928 г. группы скопцов в деревне Волосове, что неподалеку от Ленинграда. Это и была «буря», о которой говорил мне Меньшенин. Волосовских скопцов судили в 1929 г. за оскопление нескольких юношей и девушек и за эксплуатацию единоверцев-бедняков. Нити от волосовских скопцов потянулись в Ленинград, где, как выяснилось, функционировала довольно большая скопческая община. Кто бы подумал!

Осенью 1929 г. по инициативе и под руководством Н. М. Маторина, профессора Ленинградского университета, создан был семинар по изучению истории и современного состояния религиозного сектант-

ства. Его участниками были студенты и аспиранты университета и политико-просветительного института им. Н. К. Крупской. Однажды Николай Волков привел на заседание семинара двух незнакомых молодых людей. Они выделялись среди участников семинара. Лица их были неподвижны как маски. Сидели напряженно. Среди нас, носивших косоворотки, гимнастерки, ковбойки, отличались они и одеждой — оба в темных костюмах, белых сорочках, «при галстуках». Были эти парни жертвами волосовских скопцов.

Завязать отношения с ними, мучительно переживавшими, как бы мы теперь сказали, комплекс неполноценности, было мне нелегко. Помог Волков. Мало-помалу несчастные мои сверстники раскрывались. Их прежние связи со скопцами, не только волосовскими — это само собой,— но и ленинградскими, оказались довольно широкими.

Один за другим проходили в их рассказах образы скопцов-крестьян, разнорабочих, лиц без определенных занятий, местных и приезжих, пожилых и молодых. Они рассказывали обо всем, что знали, обстоятельно, добросовестно и удивительно бесстрастно. Никаких эмоций, ни отрицательных, ни положительных, ни на лице, ни в жесте, ни в голосе. Сторонние свидетели собственной жизни, сами себе чужие — таково было тогда их внутреннее состояние, и стоило большого труда не выдать в беседах с ними удручающего и горестного впечатления от их душевного оцепенения. Так я заочно познакомился с многими представителями скопческой среды — их интересами, поступками, суждениями, обычаями.

Между тем назревало судебное дело скопческой общины в Ленинграде. Волков был приглашен в качестве эксперта. Это было оправданно: он готовил книгу о скопцах, посещал деревни, где проживали скопцы, непосредственно знакомился с их бытом и мировоззрением. Книга вышла в 1930 г. под названием «Секта скопцов». Состоявшийся судебный процесс раскрыл многие неизвестные черты в деятельности секты. Но об этом потом. Пока же мне хотелось бы ввести читателя в круг источников, послуживших основой для документальных очерков, которые следуют ниже.

Дом в Ковенском

Помните ли вы, читатель, как в рассказе «Степной король Лир» Тургенев описывает дом, где проживал последователь «хлыстовской» секты? В доме «было что-то таинственное, замкнутое, угрюмо-немое, что-то напоминавшее острог или больницу. Во всем заборе находились одни ворота и те казались наглухо запертыми; никакого звука не слышалось никогда за ними. Со всем тем вы чувствовали, что в этом доме непременно кто-нибудь обитает: он вовсе не являл вид заброшенного жилья. Напротив, все в нем было так прочно и плотно, и дюже, что хоть осаду выдерживай».

Вот такой дом под номером 8/10 находился в Ленинграде в Ковенском переулке. Прочное двухэтажное строение. Наполовину занавешены окна. Вход со двора. Ворота глухие, заложенные засовами изнутри и с массивными кольцами для замков снаружи. Дальше выше человеческого роста без единой щели ограда. Некогда дом принадлежал петербургскому миллионеру, скопцу Никифорову. Потом перешел к некоей Афанасьевой, а в 1927 г. домовладелицей стала Елизавета Яковлевна Тупикова, в прошлом ростовщица. Дом четырехквартирный, населенный двадцатью жильцами. Кроме домовладелицы в нем проживали носильщик Октябрьской железной дороги Степан Силин с семьей, дворник Василий Марков. Остальное население — работницы ленинградских фабрик.

Ворота дома открываются утром, чтобы выпустить, а вечером — впустить жильцов. В дневное время они открываются редко. Но странное дело, в этом отрешенном от мира доме к одному из окон прикреплено зеркало. В нем отражается все, чем живет Ковенский переулок. Прохожие. Проезжие. И те, кто остановился у ворот дома, чтобы в них постучаться.

Сегодня, 13 сентября 1929 г., Елизавета Яковлевна Тупикова ждет гостей. У потайного зеркальца посажен Степан Силин. Пусть смотрит да открывает ворота, кому положено. Гаврила Прокопьевич Меньшенин не придет, он в Томске. Носит же старика! Что

ни дает господь — к лучшему. Все равно не пришел бы. Сама же ему отказала от дому.

— Степан, все из-за тебя, нет, ты мне повтори, как было дело, когда ездил с Гаврилой Прокопьичем за пожитками брата Иевлева после похорон.

— Голубушка, Елизавета Яковлевна, истинно вам все пересказал, ни прибавить, ни убавить.

— Нет, заново перескажи, я тебя проверять буду. Да не зевай, в оба гляди, чтобы гостям у ворот не зажидаться.

— Ну, наняли мы с Гаврилой Прокопьевичем ломовых. Поехали к покойничку. Ты, говорит Гаврила Прокопьевич, грузи, ты, мол, носильщик, оно тебе и сподручно. Нагрузили две подводы. Я разумею, одна ваша, другая — Гаврилы Прокопьича, за хлопоты. А он возьми, прикажи: с богом! На Малую Подьяческую! Вижу, дело неправое. Стал хватать кое-чего с подводы. А Гаврила Прокопьич: не тронь, не тронь, погоди, это потом разберем, что дам, то и возьмешь.

Так с двумя подводами и уехал.

— Надоел. Все это уже слышала. Ты опиши, слово в слово, что на подводы грузил...

Но этого Степан не успел сделать. Сорвался с места, выбежал на двор. Воротился с невысоким пожилым человеком. Тот поклонился.

— Мир дому сему! Кланяюсь вашему здоровьицу, Елизавета Яковлевна.

— Здравствуй, здравствуй, Константин Алексеевич! Ты что же один? А что же Дмитрий Иванович на беседушку нашу не пожаловал?

— Простыл Дмитрий Иванович, изволили свое благословение передать.

Всякий раз, когда Константин Алексеевич Алексеев бывал в доме в Ковенском, он испытывал смешанное чувство тоски и раздражения. Тоски по былому хозяину — Никифорову, у которого он служил сидельцем в меняльной лавке. За рублем рубль — скопил пять тысчонок. Кое-что из драгоценностей. Стоит дом как стоял. И люди в нем — божьи. И все-таки пуст дом. А раздражение вызывала домовладелица. Как только достался ей этот дом? И духу ее здесь не было при Никифорове.

Между тем Елизавета Яковлевна послала Силина в другую часть дома, где еще с утра дожидались «беседушки» дворник Марков, ткачихи Татьяна Жаркова, Пелагея Бутинова, еще несколько других скопцов. И пока Силин выполняет поручение Елизаветы Яковлевны, мы обратимся к той, по-видимому, высокой особе, что заменила благословением личное присутствие в доме в Ковенском. Это Дмитрий Иванович Ломоносов, в прошлом биржевой маклер, владелец меняльной лавки в Москве с огромным денежным оборотом. В Ленинграде он бывает наездами и всегда останавливается на даче Алексеева в Лесном.

Он вовсе не простыл. Ему под шестьдесят, но, слава богу, здоровье не подводит. А на душе у Дмитрия Ивановича скверно. «Корабль» в Ковенском дал течь. Сын Пелагеи Бутиновой Николай, которого, по слезной просьбе матери, он собственноручно «убелил» наложением «большой печати», после дела волосовских скопцов порвал со скопцами. Подозрительно ведет себя и Высоцкий. Из баптистов. Неубеленный. Ломоносов всегда настороженно относился к нему. Высоцкого видели в обществе Николая Бутинова. Все же Ломоносову не хотелось верить, что Бутинов и Высоцкий предали огласке существование «корабля». Как-никак, Бутинов находился под большим влиянием матери, Высоцкий... у самого Высоцкого, как говорится, «рыльце в пушку». Какими-то судьбами после войны оказался в Польше. Тайно перебрался через советскую границу. Был судим. Жаль, что перестал посещать беседушки. Надо бы припугнуть.

Ломоносов перекладывал факты из стороны в сторону, как унции на чашах в меняльной лавке. Одно нарушало равновесие. Вера Исакова, молодая работница, несколько лет назад принятая в общину, была вызвана к следователю и во всем призналась ему. А спустя несколько дней бросилась в Неву. Ее вытащил милиционер. Придя в сознание, Исакова разрыдалась:

— Зачем меня вытащили? Все одно я пропала!

Ничего не скажешь. Факт веский. Исакову поместили в больницу для умалишенных. Какой вес мо-

гут иметь показания душевнобольной? Нет, Дмитрия Ивановича на кривой не объедешь.

В это утро 13 сентября Ломоносов отправил в дом в Ковенском Алексеева с поручением. Каким? Сейчас выяснится.

Просторная, почти пустая комната. Вдоль стен — лавки. Окна занавешены. Горят свечи. В углу икона. Справа от нее поясной портрет, с которого смотрит строгое лицо, окруженное нимбом. На груди кресты и медали. На голубом фоне порхают «райские птички». Это «искупитель» — обожествляемый основатель секты Кондратий Селиванов.

Сегодня встреча избранных. Присутствующих менее десятка. Помолились. Попели. К собранию обратился Алексеев:

— Братцы, сестрицы, сошлись мы на тайную беседушку. Туча встает, ветры северные подули, власти хотят разорить гнездышко, детушек порасхитить.

И без околичностей:

— Отказ да молчок!.. Спросят, о чем — знать, мол, не знаю. На очной ставке встретитесь — друг друга не признавайте: в первый раз вижу-де... Тайн корабля нашего не раскрывайте, где молимся, где богу радеем! Спросят о печати вашей — имен не сказывайте. Валите все на стариков умерших, на прохожего странничка, на цыгана в лесу... А главное, как на допрос поведут, смотри следователю прямо в глаза. Советую каждому подготовиться, пока время есть.

Слушали напряженно. Первым заговорил Марков. Недавний дворник в отделении милиции, он в своей среде слыл за знатока международного и внутреннего положения:

— В Балтийском море стоит английская эскадра... Воссядет царь со славой, с небесной державой, даст детинушкам волю, полную свободу, разрешит явную торговлю, а злых антихристов... посадит в неволю.

Собравшиеся перевели дух. Удовлетворенно прошамкала что-то старуха Жаркова, но слов никто не расслышал.

Кто-то из женщин затянул:

Благослови нас, государь,
Сударь-батюшка родной...

Подхватили:

Походить, погулять,
Поутешиться,
Духом полным святым
Поувериться...

Поют дружно. Плещут руками — отбивают такт:

Как у на-ше-го ца-ря,
Го-стя ба-тю-шки,
У ца-ря све-та,
У не-бес-но-го,
У не-го есть то-по-ры,
Да ле-жат до по-ры...

Тупикова встает и, чуть покачиваясь, с поднятыми руками выходит на «круг». Закружилась на пятке, отталкивается от пола носком другой ноги. Быстрее. Быстрее. Какая сила ее обуяла! Скрестила руки, прижала к груди, обхватила плечи. И уже не различишь ни черт лица, ни рук, ни ног, все сплелось, вытянулось, вот-вот взлетит, взовьется...

И разорвала круг. Повалилась на лавку. Забилась.

Тишина. Только сами собой плещут, «работают» руки у привставших с лавок людей.

Поднялся Силин. Поправил свечи. Снял с гвоздя полотенце, подал Тупиковой. Вскочила так резко, что Силин отпрянул. Вырвала полотенце, развернула на вытянутых руках перед собой, закинула голову:

— Помолитесь, праведные, господь с милостью, государь-батюшка с небесным покровом. А Советскую власть, как с панели грязь, бог пошлет метлу и выметет. А царская корона над Рассеюшкой так и золотится, скоро богу неугодная власть свалится...

И все хором:

— Богу слава, честь, держава, во веки веков. Аминь!

В саду, за чаем

Сказавшись больным и передав в Ковенский благословение, Дмитрий Иванович поступил так не только по соображениям осторожности. Он испытывал

чувство неприязни к этому «кораблю». Люди божьи? Какое там! Безлюдье! Серота! Но посещал же он прежде этот «корабль». Что сегодня так отвращает его от дома в Ковенском? В памяти Дмитрия Ивановича всплыл один из январских дней минувшего 1928 г. Утром этого дня он «убелил» сына Степана Силина — восемнадцатилетнего Александра. Еще за год до того Дмитрий Иванович «убелил» самого Степана. Но сына Степан не отдавал. Месяцы ухлопали — убеждали парня, а он, боюсь, мол, боюсь, батюшка не велит. Пришлось Дмитрию Ивановичу самолично приехать к Силину:

— Отпусти, Степан, отпусти со мной Александрушку, нужда мне есть побеседовать с ним. Отпусти!

И увел Александра. Поехали на станцию Сиверскую, на дачу огородника Василия Петрова — скопца. И привели новую овцу в стадо божие. Славу отцу небесному со серафимы и херувимы! Слава!..

Вернулся с Сиверской — и в Ковенский. Тупикова сама отворила ворота. Провела в покои. Вон из себя выходила, чтобы заслужить его благоволение. Радовалась новаку. И, незваный, на пороге вдруг появился Степан. Отдал поясной поклон.

— Здравствуй, здравствуй, голубь! — Степан приблизился.

— Да это ты чего так на меня воззрился?

— Сын,— прошептал Степан.

— Что? Сын? Александрушка!? Сподобился сын твой, сподобился...

Степан застонал, упал на колени, закрыл руками лицо.

Вот что вспомнилось Дмитрию Ивановичу среди окружавших его тревог, и это определило его окончательное решение не ехать в Ковенский. Он надел свою черную шляпу котелок, перекинул плащ через руку и отправился на вокзал. Надо съездить на Сиверскую, к Петрову.

Василий Петров рыхлил землю в огороде. Огород был гордостью Петрова. Но если бы попросили его перечислить «семь чудес» мира, начал бы он с земляных подвалов, в которых разводил шампиньоны. От покупателей отбоя нет. Жить можно, если жить правильно. Трезво. Чинно. Рачительно. А главное —

умственно. Сколько пережито было, когда после отхода с войсками Юденича вернулся на Сиверскую! Обошлось. Завел лавки: налогами замучили. Расстался с лавками. Тоже не пропал. А все потому, что жил умственно.

Петров с Ломоносовым сидят в саду. Их обслуживает немолодая женщина, «духовная сестра» Петрова. Пьют чай с липовым цветом. На столе крупнонарезанные ломти пористого белого хлеба. Мед. Яблоки. Ломоносов делится новостями, сомнениями. опасениями. Петров отвечает односложно, репликами, междометиями.

— Вот что, Василий, мы у тебя в бане «белили» Силина да кое-кого еще, как помнишь. Так вот, всему свое время. Время — радости, время — печали, время — лету, время — зиме.

Петров слушал и молчал.

— Не лучше бы тебе, Василий, месяц-другой погостить у братьев в Уфе или Томске? Хочешь, где потеплее,— в Нахичевани? А там видно будет.

У Петрова от этого предложения дух захватило. Бросить дачу, огород, сад, кладовые, чего ради? Он-то, Петров, чист от крови. «Белил» Ломоносов. Ему-то почем знать, как без его ведома гость распоряжался баней. Поднял глаза на собеседника:

— Чайку бы откушали, Дмитрий Иванович, медком попотчевались, собственный он у меня. Яблочками угощайтесь. Сортовые.

Пододвинул чашку с медом, вазу с яблоками.

— А речи ваши чудно́ слушать, мил человек. И лицезреть вас чудно́. Вы кто же будете, мил человек, какого роду-племени, кто по имени отчеству, забрели ко мне как, путем-непутем?

Опешил Ломоносов. «И змий же ты»,— подумал он, но виду не показал.

— Какие такие речи? — обратился к Петрову,— обманываетесь, сударь, обманываетесь орга́нами чувств ваших. Сами же с собой вы и беседовали. Нечистая сила вас водит.

Понимающе посмотрели друг на друга и простились.

Суд

В Ломанском переулке, 15, у здания Выборгского Дома культуры, толпятся люди. Огромный плакат.

«Сегодня, 13 января с. г., ровно в 6 часов состоится второе заседание окружного суда, разбирающего дело сектантов-скопцов (ЛОМОНОСОВ И К⁰) под председательством тов. Берегового. Третье заседание состоится 14 января с. г. в 6 час. в главном зале Выборгского Дома культуры. Вход свободный по профсоюзным и пригласительным билетам, распространяемым через фабзавкомы».

Первое заседание суда состоялось в субботу 11 января в здании окружного суда. Перед судом предстали тринадцать обвиняемых, среди них Ломоносов, Алексеев, Петров, Тупикова, Марков, Жаркова, Бутинова. Общественное обвинение поддерживает Н. М. Маторин. За столом защиты известные ленинградские адвокаты — Генкин, Баранцевич, Каракозов. В свидетельской комнате восемь человек, подвергнувшихся в течение недавних лет оскоплению.

Зачитывается обвинительное заключение. По данным расследования, в Ленинграде функционировали четыре скопческие группы. Одна — в Ковенском переулке, руководимая Тупиковой, другая — на Малом проспекте, состоявшая почти исключительно из работниц фабрики им. Желябова, руководимая Жарковой и бывшим старшим дворником Ковровым, третья — на Съезжинской улице, состоявшая также преимущественно из работниц фабрики им. Желябова, и четвертая — в Институтском переулке, руководимая Алексеевым.

Группы эти связаны были между собой, а также с общинами скопцов в Москве и нескольких городах Сибири. Культовые собрания скопцов были проникнуты монархическими контрреволюционными мотивами. При аресте обвиняемых у них нашли портреты лиц бывшего царствующего дома и разного рода предметы, связанные с юбилейными датами царствовавшей династии. В группах практиковалось оскопление, производившееся в доме Петрова на Сиверской, доме Казаковой на Съезжинской, а также в Москве по месту жительства Ломоносова. У обвиняе-

мых Алексеева, Коврова и Петрова обнаружили орудия оскопления. На основании изложенного обвиняемые привлекались к уголовной ответственности за контрреволюционную пропаганду и причинение физического увечья, мотивируемого требованиями религиозного культа.

После оглашения обвинительного заключения первым допрашивался Ломоносов. Это заняло шесть часов. Около часа ночи председательствовавший объявил перерыв.

Я не присутствовал на первом заседании. Следующее заседание, 13 января, возобновилось допросом Ломоносова.

Зал полон. Собралось около двух тысяч человек — рабочие «Красного Путиловца», «Красного треугольника», завода «Большевик», фабрик «Веретено», им. Желябова, «Красная нить» и др. Среди присутствующих несколько десятков сектантов. Они выделяются внешне, и особенно по реакции на ход судебного разбирательства. Идет допрос Ломоносова. Он отдает себе ясный отчет, что ни он, ни лица из его ближайшего окружения не уйдут от ответственности перед законом. «Корабль» тонет, но «кормчий» сойдет последним. Он еще в последний раз подымет флаг «корабля».

Ломоносов излагает религиозное учение скопчества:

— Наши корабли,— говорит он,— плыли только к царству небесному. Мы лишь старались приобщить народ к богу.

Ломоносову предъявлены конкретные обвинения. Свидетели показывают, что он являлся вдохновителем скопческой организации и направлял ее деятельность, что он собственноручно оскопил до двадцати человек, в том числе трех своих родных братьев,— Ломоносов оставляет это без внимания. А среди свидетелей его прямые жертвы — Александр Силин, Николай Бутинов, Степан Силин. Позиция, избранная Ломоносовым на суде,— принять ответственность за религиозные верования и культ скопчества.

— Скопцы — лучшие люди! — восклицает он.— Оскопление, кроме пользы, ничего не приносит!

И, чтобы подтвердить сказанное, Ломоносов ри-

сует образ скопца, проходящего узкой, но прямой дорогой сквозь пороки и соблазны, стяжающего трудом и честностью земное благополучие и тем обретающего «спасение в жизни вечной».

Поскольку в обвинительном заключении, свидетельских показаниях, в выступлениях судей и прокурора постоянно всплывает вопрос о социальном составе руководителей скопчества в прошлом и настоящем, Ломоносов считает нужным дать на это ответ. Он ставит знак равенства между трудящимся и торговцем:

— Торговец — несчастное теперь лицо! Если же честно торговать, то торговля не есть презренное занятие. Торговец трудится не меньше рабочего, он является образцом трудящегося и идеального человека.

В зале шум. Ломоносов пережидает. В руках белый платок. Он его выставляет вперед. Это так называемый покров — символ чистоты, защиты от искушений и происков сатаны.

— Мы не занимались никакой недозволенной и организованной деятельностью.

Это Ломоносов произносит, чеканя каждое слово, и, повернув лицо к скамье, на которой сидят подсудимые, восклицает:

— Мы соединены обетом, промыслом божиим и верой в него.

Судья спрашивает:

— Ну а если кто-либо из сектантов нарушит данный обет, тогда что?

Как ответит на этот вопрос Ломоносов? На судебном заседании упоминали о трагической судьбе Веры Исаковой. Он медлит. Судья повторяет вопрос. Ломоносов сжимает «покров»:

— Так же, как оголенные электрические провода грозят смертью, так и у нас: каждый кто нарушит обет, или искупит вину, или головой в Неву...

Гул прокатывается по залу.

Звенит колокольчик судьи. Ломоносов, наконец, обращается к собственной личности. Да, он собственноручно проводил оскопление, он не отрицает, гордится этим, но никого он не оскопил насильно. Как производится оскопление,— таинство, он об этом не

собирается говорить. Вину, вменяемую обвинительным заключением, отрицает. Он не приверженец монархизма. Ему, оказывается, даже близка идея коллективизации: сам собирался создать среди скопцов колхоз.

Суд переходит к допросу Алексеева. Тот не знает, где и как производились оскопления. Сам он оскопился по доброй воле еще до революции «малой печатью», потом принял и «большую печать». Рассказывает о времени, когда служил в меняльной лавке, «воздержанием» и «рвением» сколотил капиталец. При этом воспоминании его лицо светлеет. Ему вменяют, что он был руководителем общины, склонял к оскоплению, поминал царя. Боже праведный, какая напраслина!

Третий день суда. Кажется, собравшихся еще больше, чем накануне. В фойе открыта выставка вещественных доказательств. На стенде под стягом с надписью «Боже, царя храни» орудия оскопления. Слева портрет Кондратия Селиванова, справа — еще одна скопческая картина. На полке банка с коллодием, применявшимся для покрытия ран, склянки с каким-то содержимым, бинты, бандаж для поддержания повязок, накладываемых оскопленному мужчине, царские денежные знаки, фотографии скопцов, домов, служивших им для молитвенных собраний. Стенд пользуется огромным вниманием. Судебное заседание уже началось, а у стенда еще теснятся люди.

Один за другим сменяются свидетели. Расчеты Ломоносова не оправдались. Дали показания Бутинов и Высоцкий — и они разоблачительны. И Вера Исакова незримо присутствует в зале суда, фактом своей трагедии свидетельствует против обвиняемых.

Выступает Павел Григорьев. В прошлом крестьянин-бедняк со станции Суйда, он был оскоплен еще в 1904 г. Вздыхает. Волнуется. С трудом подбирает слова, чтобы отвечать на вопросы. И вот махнул рукой, простосердечно обратился к судьям:

— Раз я такой, горе-неволя заставляет меня держать связь со скопцами: для меня нет другой среды, а одиночкой жить — не под силу.

Суд переходит к допросу Василия Петрова. Отпирается от всех обвинений. Оскопления на Сиверской? Понятия не имеет. Баня? Баня есть баня, только и всего. Тупикова? Никогда у нее не бывал, знать не знает.

Прокурор: Обвиняемый Григорьев, вы бывали у Тупиковой?

Григорьев: Да.

Прокурор: А Петров там был?

Григорьев: Был.

«Не знает» Петров и Александра Силина.

— Как же не знаете,— спрашивает прокурор,— если свидетель Силин утверждает, что его оскопляли на вашей квартире? — Петров пожимает плечами.

Елизавета Тупикова держится бойко. Никаких обвинений не признает. Ее просят объяснить, какими путями достались ей обнаруженные у нее в большом количестве царские деньги, восемь меховых шуб, целый склад часов.

— Что ж такого? Сберегла от трудов своих. Деньга деньгу родит!

Идет допрос обвиняемых Ивана Коврова, Татьяны Жарковой и Пелагеи Бутиновой. Эта группа скопцов избрала отраслью своей деятельности привлечение в секту женщин и молодежи. Среди ткачих-работниц, в частности фабрики им. Желябова, имелось несколько десятков скопчих. Некоторые из них были уже оскоплены, других готовили к этому. Воображение своих жертв Жаркова поражала тем, что наизусть знала едва ли не все евангелие. Летом, в отпускное время, Жаркова приводила поддавшихся ее влиянию работниц к Коврову и его «духовной сестре» Бутиновой. Ковров, убедившись, что новообращенные «созрели», отвозил их на станцию Вруда к некоей Христине Петровне, специализировавшейся на оскоплении женщин.

Ковров, Жаркова, Бутинова ото всего отпирались. Кто такая Христина Петровна, ни следствию, ни суду узнать так и не удалось. Жаркова и Бутинова производили впечатление фанатичек, слепо преданных секте, поражали нелепостью представлений, умственной ограниченностью. Ковров был иным. Скопец-фанатик, он по-своему отлично оценивал ситуацию,

показания свидетелей, маневрировал, был скуп на слова.

На вечернем заседании выступили адвокаты. Они охарактеризовали многих своих подзащитных как темных, отсталых людей, чья психология формировалась еще в условиях эксплуатации и нищеты, существовавших в царской России. После речей прокурора и общественного обвинителя подсудимым предоставлено было последнее слово. Виновным никто себя не признал.

Суд удаляется на совещание.

Объявляется приговор. Ломоносов осужден на 10 лет лишения свободы, Алексеев и Петров — на 8 лет, Ковров — на 7 лет, Тупикова, Жаркова, Бутинова, Марков — на 2 года. Пятеро подсудимых оправданы.

Но общественное значение процесса выходило далеко за рамки судебного приговора. Оно было ярко стражено в речи общественного обвинителя Н. М. Маторина.

«Собравшиеся здесь трудящиеся, рабочие и крестьяне,— сказал общественный обвинитель,— не могут не задать себе вопроса, за что же и почему судят здесь скопцов... Вы знаете, товарищи, из истории, что скопцов судили и при старом режиме. Их преследовали, ссылали в Сибирь. Почему же при Советской власти мы видим представителей скопческой секты на скамье подсудимых? Судит ли советский суд за веру, за определенные религиозные убеждения? Нет. Мы знаем, в Конституции Советского Союза написано, что Советская власть признает свободу религиозных убеждений за каждым гражданином. В таком случае, что же вменяется в вину этим людям, которые служат предметом внимания советского суда и приковывают взгляд всей общественности?

Мы слышали показания подсудимых, которые говорили, что они оскопились сами и никого насильно операции не подвергали. Но, учтя все показания свидетелей, и особенно откровенные разоблачения тех представителей секты, которые отказались от всех религиозных взглядов и ушли из этой секты, мы установили, что пред нами люди, которые оскопили целый ряд новых лиц, и прежде всего немало моло-

дежи. Из всего этого можно сделать вывод, что перед нами, с советской точки зрения, преступные люди, которые, калеча молодые жизни, привлекали новых приверженцев в свою секту.

Мы в данном случае обвиняем подсудимых не в том, что они скопцы, а в том, что они создали определенную организацию и вовлекали в свои ряды новых приверженцев, калеча физически и нравственно трудящихся. Быть может, попытаются сделать возражения, говоря, что Советская власть установила веротерпимость, что она не преследует за сектантство. Да, это правильно, и об этом записано в Конституции.

Царский суд преследовал скопцов, исходя из интересов прежде всего господствующей церкви, той православной церкви, для которой всякая иная религиозная организация казалась опасной. Для нас этих мотивов не существует. Для нас не существует и тех мотивов, которыми руководились народники, защищая скопцов как обиженных и гонимых, рассматривая их с внеклассовой точки зрения. Скопчество есть неоднородная масса. Его верхушкой руководил определенный класс. Посмотрите, перед нами на скамье подсудимых торговец-лишенец Ломоносов, потерявший капиталы благодаря революции. Перед нами процентщица-ростовщица Тупикова. Бывшие торговцы Алексеев и Петров. Перед нами есть и крестьянин Григорьев, который без слез не может вспомнить о том, как он сделался орудием в руках своего оскопителя. Классовое чувство проснулось в нем. Здесь, на скамье подсудимых, есть трудящиеся люди, вышедшие из среды пролетариата. У них пролетарское чувство проснется, и они увидят, где их друзья, а где классовые враги. С кем по дороге Григорьеву, с крестьянами, которые идут к социализму под руководством Коммунистической партии, строя новую коллективную деревню, или по дороге с лишенцем-торговцем и старой процентщицей? Конечно, ему по дороге с новой, Советской страной, с Советской властью.

Если мы рассмотрим идеологию скопчества, мировоззрение скопца, то и здесь нужно отметить несколько классовых моментов: жадность и скопидом-

ство характеризуют скопческое мировоззрение. Недаром Петров, кулак и торговец, говорит: скопец будет достигать лучшей жизни. Недаром Алексеев и Ломоносов выставляют тружеником старого менялу, который с восьми утра до восьми часов вечера сидел в лавке. Торговца ставят скопцы на одну точку с пролетарием и даже выше, потому что пролетарий работает только восемь, а иногда и семь часов. Скопцы не договаривают, но мы понимаем, что они хотят сказать: вы — лодыри, а вот настоящий идеал труженика — торговец. Такая труженица, как Тупикова, сумела накопить тридцать тысяч капитала. Спросите работницу Жаркову, которая тоже была «пророчицей», можно ли за двадцать — тридцать лет каторжного труда на фабрике старого хозяина скопить такие деньги?!

Вы послушайте, с каким благоговением относятся эти скопцы к деньгам, к капиталу, к золоту. Вы помните, как Алексеев говорил, что сумел в меняльной лавке нажить себе постепенно пять тысяч рублей золотом и серебром. Деньги свои он берег в валюте и в годы революции. Какое скопидомство, какая бешеная любовь к золоту и серебру, чтобы все эти годы трястись над ними! В свое время он получил по заслугам: был выслан за скупку и спекуляцию золотом.

Если в годы гражданской войны сектанты шли с оружием против нас, то в годы нэпа они занимают другую позицию, и теперь перед нами определенная вредительская деятельность церковников и сектантов в изменившейся обстановке. Они видят, что Советская власть укрепилась, а поэтому надо к ней приспособиться. Они думают, а не выйдет ли у нас при Советской власти реставрации капитализма, мы откроем торговлю, как Ломоносов, с оборотом в несколько тысяч и приспособимся к существующей обстановке.

С другой стороны, симпатии трудящихся масс определенно на стороне Советской власти. Как привлечь эти трудящиеся массы в секту, как сохранить свое влияние на рабочих и крестьян? Как удержать Григорьева и работниц фабрики Желябова под своим влиянием? Поэтому мы слышим лицемерные заявле-

ния мудрых Соломонов, вроде Ломоносова, о желании организовать совхоз и коммуну...

Для этой группы людей современное социалистическое строительство, которое совершенно исключает кулака из экономической жизни, совершенно чуждо и враждебно. Поэтому их действительное отношение к Советской власти выражается в бешеной злобе, поэтому они называют Советскую власть властью антихриста.

Это не случайно. Об антихристе, о конце мира, о светопреставлении говорят многие секты. Гибель кулачества как класса, выкорчевывание остатков капитализма в нашей стране эти гибнущие религиозные группировки объявляют концом мира, считают наше строительство делом антихриста. Идеология скопчества — одна из разновидностей идеологии капиталистической буржуазии. Таков моральный облик тех «христовых воинов», которые сидят на скамье подсудимых.

Ломоносов говорит о том непонимании и ненависти, которые их преследуют, выдает себя за праведника и последователя Христа. Это ложь. Недаром сказано в евангелии — будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи. Перед нами мудрый змий, который долго упирался, пока мы не получили откровенных свидетельских показаний. Конечно, для него ложь во спасение. Но эта лживость разве согласуется с евангельскими словами даже с точки зрения верующего человека? Разве эта ложь не говорит об истинной нравственной физиономии тех, кто изображает себя христами и богородицами и ссылается на евангельские слова? Вы чувствуете лицемерие Ломоносова, когда он с этой трибуны говорит: мы чувствуем себя беззащитными.

— Подсудимый Ломоносов, вы не жалели юношу, которого оскопили, у вас не было чувства жалости к молодому существу, которое доверилось вам? Вы хвастались тем, что уже надели около двадцати «белых риз»,— разве это не лицемерие, разве это не гнусность, достойная беспощадного пролетарского презрения? Сколько молодых жизней вы сломали, сколько молодых жизней пустили на ту дорогу, с которой трудно вернуться! Когда перед вами ребенок

шести-семи лет, вы его терроризируете, систематически травите, угрожаете оскопить сонного и в конце концов доводите до того, что он отдается в жертву своему оскопителю. Разве это не величайшее лицемерие, не величайшее преступление, не величайшая безнравственность с точки зрения современной пролетарской общественности?

Посмотрите, какая бешеная злоба скрывается в этих скопческих руководителях по отношению к тем, кто пытается выйти из секты. Припомните судьбу Веры Исаковой, которая пыталась топиться! На основании всех этих фактов можно представить себе образ скопца, этого мелкого скопидома, ревнителя и жреца капиталистического общества, гнусный и презренный образ религиозного изувера...»

С того времени, когда была произнесена эта речь, прошло более сорока лет, но она произвела на меня незабываемое впечатление. Вот оратору предоставили слово. Подымается, протирает пенсне. Надел. В руке листки небольшого формата. Обратился в зал. Какое внимание! Контакт с аудиторией? Не то слово. Единение! Оно растет. Кончена речь, а в наступившей паузе продолжает звучать: «...образ скопца, этого мелкого скопидома, ревнителя и жреца капиталистического общества, гнусный и презренный образ религиозного изувера...» Аплодисменты. Убежденное, гневное, бурное слово аудитории.

Беда и радость Евдокии Бариновой

Между общинами одних и тех же религиозных сект — это особенно относится к секте скопцов — существуют и устойчиво держатся многосторонние связи. Именно их наличие привело к тому, что раскрытие деятельности волосовских скопцов привело к обнаружению скопческих групп в Ленинграде и других городах и сельских местностях. Скопческие группы имелись также в пригородах Москвы. Еще на ленинградском процессе Николай Бутинов, давая суду показания, сказал: «Там, в этих подмосковных дачках и «садочках», кустари — скопцы и скопчихи раскинули целую сеть чулочных мастерских, в которых

жестоко эксплуатируют девушек-работниц, вербуемых ими в рязанских и орловских деревнях... Многие девушки уже оскоплены, другие находятся на пути к тому же».

Это соответствовало действительности. Так, в Черкизовском районе проживало в конце 20-х годов до пятисот скопцов. Многие из них держали кустарные мастерские с числом работниц в шесть — двенадцать человек. Практиковались оскопления. Были оскоплены, например, сестры Елизавета, Федосья и Евдокия Шмелевы в возрасте от 25 до 39 лет. В 1928 г. там же оскоплен был Алексей Митрофанов в возрасте 19 лет. Случай оскопления установлен был и в 1930 г. Волосовский и последующие процессы дали толчок расследованию деятельности скопческих общин в Подмосковье. Насколько я знаю, судебного преследования против подмосковных скопцов не возбуждалось, но их деятельность была прекращена. Закрыты были и кустарные предприятия, содержавшиеся скопцами.

С одной страничкой деятельности черкизовских скопцов в 20-х годах мне удалось познакомиться. Вот как это произошло.

Дело было в 1944 г., когда я заведовал кафедрой истории в педагогическом институте в Красноярске. Однажды я выступил с лекцией в Доме культуры в г. Абакане. А на следующий день получил приглашение посмотреть спектакль хакасского народного драматического ансамбля. После спектакля артисты устроили товарищеский ужин — «той». Пригласили и меня. «Той» был скромен и прост, а беседа получилась дружная и веселая.

Заговорили о шаманах — по ходу пьесы выступал такой персонаж,— и тут я проговорился о своих исследованиях в области религии. Заинтересовались. Попросили рассказать о встречах с верующими. Я рассказал о доме в Ковенском.

— Послушайте,— обратился ко мне «шаман»,— а в Усть-Абакане вы были?

— Не был.

— Вам обязательно надо поехать, поговорить с Дусей-скопчихой.

— Что за Дуся-скопчиха?

И я узнал о женщине, приехавшей свыше десяти

лет назад в Хакасию, работавшей на одной из строек, вышедшей замуж за местного жителя-рабочего. Знали ее и другие участники беседы.

На следующее утро с одним из актеров мы отправились в Усть-Абакан. Хозяйку дома застали одну. Мой провожатый заговорил с ней по-хакасски, по-видимому, сообщив о цели нашего приезда, представил меня. Хозяйка оказалась гостеприимной и общительной. Это была рослая, сильная женщина с правильными чертами лица, прямым взглядом. Дуся, Евдокия Гавриловна Баринова, действительно приехала в Хакасию из Подмосковья в 1932 г. по организованному набору рабочей силы на стройки Восточной Сибири. В Усть-Абакан попала не сразу. Работала до появления второго ребенка. Хотела продолжать работать, но воспротивился муж. О муже говорила с гордостью. Вообще производила впечатление человека жизнерадостного, чувствующего крепкую почву под ногами. Она рассказала историю своей жизни. Я с ее согласия записал.

— Родом я из Рязанской губернии. Отец и мать крестьянствовали. Отца не помню. Знаю, что призвали на германскую войну и пропал без вести. У матери нас было четверо, двое померло. Жили в нужде. В двадцать втором приехал к нам в Тарасовку дядя Гриша, он из материной родни был, сам московский. «Хочешь,— матери говорит,— девку твою в Москву свезу? Есть там люди хорошие, будут за работу кормить, одевать, мастерскую держат». Мать в слезы, а что делать, кормить-то ей нас нечем. Мне было тогда двенадцать. Приехали в Москву. Дядя Гриша отвел к хозяевам. Стала жить в Черкизове не с хозяевами, а с девушками, вчетвером в отдельном домике — тут и мастерская. Купили мне вязальную машину, поучили, и пошла я чулки вязать.

Неплохо жила, а против деревни, то и говорить нечего. Кормили, одевали, а платить не платили. Знала я, что хозяева — скопцы, в Черкизове полно их. А что за скопцы — не знала. Много всякого говорили, не очень-то слушала, а что и слушала — не понимала. Молода была, малограмотна. Так шесть лет прожила, а на седьмой хозяйка, Степанида Андреевна, стала заговаривать: «Ты, Евдокеюшка, в пору

вошла, соблазн тебя уловляет, время и о спасении думать. Спастись хочешь-то?» Я говорю: хочу, а как спастись? «Замуж не ходить»,— отвечает.

Насчет того, чтобы замуж пойти, я и не помышляла. Все-таки спросила: кто замуж пойдет, не спасется? «Нет,— говорит Степанида Андреевна,— тому спасения нет! Кто замуж пойдет, тому черви душу съедят».

Стала меня и на собрания брать. Я худого там не видала. Пели, господа поминали, да так душевно все, а то и веселую споют. А там за стол сядут, чай пьют, угощаются, беседуют, кто о чем, и разойдутся. Стали уже со мной скопцы как со своей обращаться. То гостинцев дадут, то ботинки купят, шаль подарили, шелко́вую, белую с кистями. С год походила на собрания. Стала хозяйка и деньги платить. Немного, но каждый месяц. Все обыкновенно, живу, как жила. Раз приходит Степанида Андреевна и говорит: «Евдокеюшка, птаха ты райская, нынче буду тебя в ризу белую одевать». Повела меня. Приходим в баню.

«Разбирайся,— говорит,— ложись на лавку, мыть тебя будем». Я разобралась, легла. Тут еще старушка вошла, кто такая, не знаю. Лежу, а Степанида Андреевна со старушкой той возьмись ноги и руки мои вязать, к лавке прикручивать. Страшно мне стало. Вскричала, вскочила. А старушка ко мне: «Не бойся, не бойся, касатушка, натко выпей»,— и чашечку мне подает. Выпила я, сладко, а в голове помутилось, обмякла вся. Уложили на лавку, привязали, платком лицо закрыли. И порезали меня. Состав мой женский. Да на грудях соски расщепили. Беспамятная была, а боль слышала. Долго еще болело. Степанида Андреевна припарками лечила, бинты с маслом прикладывала, сок давала пить... месяца три невмоготу было, а после прошло.

Евдокия Гавриловна говорила неторопливо, спокойно, как бы вспоминала вслух нечто, не с ней случившееся.

— А дальше так. Отболела я. Телом то есть. А душа тоскует. Ведь всему я белому свету теперь сиротя. Потеряно — не воротишь. Смирилась. Стала ближе скопцов держаться. Они мне семья, они и дом. И вдруг все перевернулось. Стали наших черкизов-

ских прижимать: у Марфы Петровны да у Козыревой Анны мастерские позакрывали, а Пономарева Антона — он у черкизовских главный был — на допрос потянули. Беспокойство пошло. Сидят — дожидаются, что-то будет? Кто дожидается, а кто посноровистей — узлы вязать. Степанида Андреевна нажитие свое собрала, приходит и говорит: «Прощайте, детушки, враг лютует, я отбываю». И отбыла. Что теперь делать? Узнала, в Москве рабочих на строительство набирают. В Сибирь, край света. А мне он-то и нужен, край. Я записалась. Вот и все. А как с Василием Ивановичем, мужем моим, встретилась, тоже рассказывать?

— А как же, Евдокия Гавриловна, пора и о хорошем.

— Я сперва работала в Абазе. Знаете — нет? Поселок под Абаканом. Там повстречалась с Василием Ивановичем. Он вдовец, лет ему было за пятьдесят. С полгода прошло, стал ко мне свататься. «Я,— говорит,— одинокий, непьющий, заработок имею хороший, давайте одним домом жить. Буду вас уважать, а на старость мою не смотрите, я еще крепкий».

Заметалась я. Как быть? Он-то не знает, что я уродованная. Время идет, он не отступается, обижается на меня. Я туда-сюда, собралась с духом и во всем открылась. Задумался Василий Иванович. А потом подошел, обнял. И тихо так: «Согласитесь за меня, Евдокия Гавриловна:

Молчу, сама слезами задыхаюсь. Справилась. Отвечаю: подождите, Василий Иванович. Спасибо вам, дайте еще подумаю. А сама на следующий день отпросилась в Абакан — и в больницу. Рассказала доктору, какая я есть, совета прошу. Ну, доктор свое дело знает, советы дает, а насчет замужества, говорит, выходи, не сомневайся, и дети у тебя пойдут хорошие...

И тут голос ее оборвался. Вытерла слезы, смущенно посмотрела, улыбнулась:

— Приходите к нам ужинать. Познакомитесь с Василием Ивановичем...

Я делюсь воспоминаниями, имеющими большую давность. Без малого тридцать лет минуло с тех пор, как случай привел меня к знакомству с Евдокией

Гавриловной Бариновой. Что я отвечу читателю, если он спросит меня: скажите, скопчество относится к области только воспоминаний? Чтобы дать ответ, отправлюсь-ка я в поездку по местам исторического распространения скопчества. Например, в области Центральночерноземной зоны и Северного Кавказа. Почему именно в эти области? Потому, что там представлены и другие интересующие меня секты, и если окажется, что я не обнаружу скопцов, то поездка все же не будет безрезультатной.

«Умеющий ходить не оставляет следов»

2 сентября 1971 г. Поездка в Тамбовскую область закончена. Возвращаюсь обогащенный новыми наблюдениями. Только не о скопцах. Собранная у старожилов информация указывает на то, что в городе проживает до нескольких десятков, может быть и до полусотни, лиц, некогда принадлежавших к секте скопцов. Но никто не может назвать ни местожительства кого-нибудь из них, ни фамилии. К 15 часам я позван на обед к моему тамбовскому товарищу, Ивану Григорьевичу, деятельному участнику экспедиции по изучению религиозного сектантства в области, которую Институт истории АН СССР проводил в 1959 г. Меня ожидают с нетерпением. Иван Григорьевич раздобыл адрес скопца, назовем его Владимиром Акимовичем Тверским.

И вот мы на одной из окраинных улиц Тамбова, у невзрачного выкрашенного темно-рыжей краской дома. Появляется хозяин. Здоровается. Выносит табуретки: садитесь. Разговор предложен возле порога. Это знак, что хозяин дома не склонен пускать нежданных гостей за порог внутреннего своего мира. Усаживаемся. Но хозяин вдруг приглашает в комнату. Проходим полутемную комнату, впереди дверь, ведущая в другую, светлую. В полумраке проходной комнаты, заставленной всякой утварью, глаз выхватывает репродукцию: Михаил Илларионович Кутузов в полупрофиль с подзорной трубой в руке. В данном случае репродукция — культовая принадлежность: в скопческих легендах, отозвавшихся на Оте-

чественную войну 1812 г., фельдмаршал фигурирует как «тайный скопец», спаситель родины и ближайший советчик Александра Первого.

Входим в комнату. Присаживаемся. Занимаю место у стола, спиной к окну. Хозяин усаживается напротив. Лицо с молочным оттенком кожи, в сетке мелких морщин. Глаза живые, проницательные. Густая серебряная седина. Тверскому — это выясняется потом — 64 года. Выглядит для своих лет моложаво.

Рекомендуюсь, предъявляю удостоверение, выданное институтом, представляю Ивана Григорьевича. Удостоверение хозяина не интересует, он его оставляет без внимания.

Первые минуты встречи, всегда внутренне напряженные, ответственные. О чем же думает мой собеседник? Он думает, что я буду расспрашивать о его собственной причастности к скопческому культу, об окружающей среде единоверцев, о его связях с ней. Ему наконец небезразличен самый факт появления в его доме человека, интересующегося скопчеством. Раз его сознание тревожат такие вопросы, он постарается получить ответы на них и пойдет на разговор, в котором информация, идущая от него, будет минимальной, а информация, идущая от меня, должна либо рассеять его подозрения, либо их подтвердить.

Сидя напротив нас, хозяин немного склонил голову, смотрит не на меня, а на стол, словно перед ним шахматная доска, на которой предстоит разыграть и выиграть партию.

Конечно, моя цель узнать о современной действительности скопчества. Но и рассеять беспокойство собеседника — тоже цель. Я не имею ни морального, ни иного права собирать нужную мне информацию, причиняя собеседнику душевную травму, и должен убедить Тверского в том, что перед ним действительно человек, которого в его дом привели интересы науки.

— Владимир Акимович, не согласитесь ли рассказать о жизни первоучителя скопцов Кондратия Селиванова? Не посчитаете ли возможным познакомить меня с песнями, распеваемыми скопцами? Мне нужно это для моих исследований.

— Посмотрите в архивах и книгах. Там больше узнаете. Например, в Казанском архиве — там много для себя найдете.

— Вы правы, Владимир Акимович. Немало архивных дел я уже пересмотрел. Кстати, вот какой был случай. Именно с архива началось мое первое знакомство со скопцом.

И я рассказал о встрече с Меньшениным. Слушает сосредоточенно. Не подтверждает и не отрицает, знакома ли ему фамилия Меньшенина. Я не пытаюсь уточнять. Явно, что беседа ему интересна.

— Видите ли, Владимир Акимович, одно дело архивы, книги. Источник знаний, что и говорить, важный. Другое дело народная память. Каким сохранился Селиванов в памяти своих последователей? Тут бы вы могли рассказать то, о чем ни из каких книг и архивов я не узнаю. А что касается песен, то и подавно. Еще вам скажу, скопцов, сами понимаете, осталось очень мало и с каждым годом становится меньше. Мне нечего вам объяснять, я исследователь, смотрю на мир своими глазами, по науке, а не по вере. Вы, как и я, хорошо знаете, что среди скопцов было много богатеев, но много больше было среди них простых мужиков — орловских, курских, тамбовских... Все, что пожелаете рассказать, я запишу, слово в слово за вами, а записи отдам в Государственную библиотеку в Москве на вечное хранение.

Тверской слушал с вниманием и интересом. Был момент, сочувственно, понимающе поднял на меня глаза, казалось, отзовется на предложение. Но как бы одернул себя:

— Нет, я ничего не знаю, чего бы не знали вы сами. Справьтесь в книгах.

И уставился в стол.

Наступила пауза. Момент в собеседованиях крайне нежелательный, так как бывает, что вслед за этим разговор обрывается, собеседник встает, благодарит (или не благодарит) за посещение — и делу конец.

— Владимир Акимович, вы советуете поискать на мои вопросы ответы в книгах. Я так понимаю, что и сами вы интересуетесь книгами. Вон сколько их у вас!

Я повернул голову к полке с книгами и журналами. Тверской живо отозвался, познакомил с кругом своего чтения, оказавшимся пестрым. Тут были книги по древней восточной философии, медицинские справочники, брошюры с описанием лекарственных растений, журнал «Наука и жизнь». Это не единственный журнал, находящийся в поле внимания Тверского. Так, в разговоре он бросил фразу: «Что же вы нами интересуетесь, мы — обломки разбитого корабля». И мне вспомнилась опубликованная несколько лет назад в журнале «Наука и религия» статья о скопцах. Она называлась «Обломки затонувших кораблей».

Не без гордости библиофила предупредив, что это не его собственность, Тверской продемонстрировал хорошо сохранившуюся книгу, изданную в первой половине или середине XIX в.,— перевод сочинения какого-то религиозного мистика. Мое внимание привлекли «Индийская философия» и «Древнекитайский философ Лао Цзы и его учение». Обе с заложенными страницами. Обстоятельства позволяли и я полистал книги. Первая заложена была на главах «Философия упанишад» и «Эстетический идеализм раннего буддизма». Вторая на отдельных страницах самого сочинения Лао Цзы. Тверской, ссылаясь на журнал «Наука и жизнь», говорил о «расширяющейся вселенной», о жизни в других мирах, рассуждал о возрождении одних и тех же душ в сменяющихся поколениях людей, своеобразном круговороте одного и того же душевного фонда. Смысл его рассуждений сводился к утверждению однозначности научных выводов и религиозных понятий с той лишь разницей, что последние даны людям с самого начала как откровение, а первые — результат веков поиска, к тому же менее совершенный. Затем он говорил о своей практике лечения травами, особом рационе питания.

Мы расстались по-хорошему, и я предложил ему вступить в переписку. Ответ последовал уклончивый. Спутник мой, Иван Григорьевич, оставил Тверскому свой домашний тамбовский адрес.

Какие впечатления я уносил от этой встречи? Человек предприимчивый. По мировоззрению мистик, как мистично от начала до конца мировоззрение

скопчества. Долгие годы жизни, а были среди них трудные и сложные, не поколебали его убеждений. Во всем, что касается его религиозной веры, замкнутый. И не только в этом. Его стремление выработать индивидуальный ассортимент питания, ограничить себя столь же индивидуальными средствами лечения и обеспечить свой быт всем необходимым, не прибегая к посторонней помощи, обходясь, где это возможно, собственными силами,— все это, на мой взгляд, комплекс социального обособления, в основе которого лежат его религиозные убеждения.

Что касается самих убеждений Тверского, то это уже не тот простонародный мистицизм, каким являлось историческое скопчество. Здесь имеет место «довооружение» с привлечением аргументов, почерпнутых в древних философских и религиозно-философских учениях, и с перетолкованием современных научных космологических понятий и представлений.

Я получил письмо от Ивана Григорьевича, из которого узнал, что Тверской посетил его на дому, взял для чтения мою книгу «Религиозное сектантство и современность». Тогда я написал письмо Тверскому с интересовавшими меня вопросами о скопчестве. Ответа не последовало.

В конце декабря 1971 г.— еще письмо от Ивана Григорьевича: «Тверской был у меня, начал с того, что получил от вас письмо, в котором задаете ему вопросы. Но, говорит, все, о чем он меня спрашивает, он знает лучше меня. А письмо — это ведь документ, поэтому отвечать не буду... И еще Тверской сказал, что с большим желанием поговорил бы с вами, но так, чтобы вы рассказывали, а он слушал. И все сожалеет, что не мог при встрече с вами показать свои похвальные грамоты, что он-де самый полезный человек в обществе, все может смастерить (сшил сам пальто, обувь и т. п.)... Берет у меня книги. В этот раз взял Бонч-Бруевича. Как-то на мой прямой вопрос, какие же должны быть слова, чтобы убедить молодого человека решиться на такое тяжелое увечье, он ответил: «...я решился на это сам, никто меня не уговаривал, решился и сделал, и не жалею об этом. Мои убеждения не разошлись с делом». Наверное, после Нового года придет».

Я просматриваю трактат Лао Цзы на страницах, которые были заложены Тверским. Страница 115-я. Речь идет у китайского философа о понятии «дао» — «небесном пути», в котором заключены «начала всех вещей». Страница 130-я. Она начинается словами: «Умеющий ходить не оставляет следов».

Тайны Иосифа Васецкого

Ноябрь 1971 г. Мой путь лежит в Ростов-на-Дону и в другие города Северного Кавказа. Собираю информацию о сектах, в частности о секте скопцов. Мои информаторы — краеведы, учителя, лекторы, пропагандисты научного атеизма и научные работники, занимающиеся проблемами изучения религии. Не раз мысленно возвращаюсь к встрече с Тверским. Кто он, одиночка, придерживающийся скопческого вероучения? Член общины? Догадок строить не хочу. Но совершенно ясно, что если существуют подобные убежденные скопцы, то и возможности существования скопческих общин нельзя исключить.

Информация, собранная во время поездки на Северный Кавказ, все же весьма неожиданна для меня. Правда, материал получен мной из «вторых рук». И все же... По крайней мере в трех крупных городах Северного Кавказа существуют скопческие общины. В двух случаях небольшие, в составе 15—20 человек. В третьем случае община в составе 50—60 человек, подразделенная на два «корабля»: мужской и женский. Общину возглавляет некий Иван Артамонович, но подлинное ли это имя — никто не знает. Не знают и фамилии. Об Иване Артамоновиче говорят как о признанном авторитете для всех скопцов Северного Кавказа. Время от времени он объезжает свою «митрополию», но это лишь по особенно торжественным случаям, например при приеме в общину «новака»,— операции оскопления производит только он.

Так ли это? Не миф ли Иван Артамонович? Неужели где-то в какой-то форме возобновился и действует очаг скопческой секты? Продолжаю сбор информации. Удалось узнать несколько адресов, по которым проживают скопцы. Пытаюсь встретиться,

поговорить. Но все безрезультатно. Несколько раз повторяю обход домов, никого не застаю. Может быть, лица, с которыми я хочу встретиться, находятся сейчас в одном общем месте?

Вечером телефонный звонок ко мне в гостиницу. Называет себя один из ветеранов антирелигиозной работы, активный деятель Союза воинствующих безбожников в Ставрополе и Майкопе в начале 30-х годов. Можно ли ко мне? Ну конечно же — и поскорее!

Мой гость старше меня лет на десять — пятнадцать. Подтянутый, собранный человек. Разговариваем как давние знакомые. Он персональный пенсионер. Много ездит по городам и сельским районам Северного Кавказа и край знает, иначе не скажешь, как свои пять пальцев. Готовит книгу «Воспоминания старого безбожника».

Наступает и мой черед обратиться с вопросами к нему. Скопцы? Да, кое-что у него собрано. Охотно поделится. Могу воспользоваться его информацией — будет рад. Шутит: «Я не собственник!»

Выслушиваю и записываю интереснейший рассказ о местных скопцах. У меня вырывается:

— Как только вы все это узнали!

— Как узнал? От самих скопцов. Только не местных, а майкопских, изредка приезжают. Давние мои знакомые. Кстати, в Майкопе был случай оскопления еще далеко не старого мужчины. Несколько лет назад.

Понедельник, 22 ноября. Вновь иду по одному из вчерашних адресов. Постучал в оконное стекло. Лязгнул засов. Открывают. Дверь изнутри обита железом. Передо мной массивная сутулая фигура. Я знаю, что хозяин дома — Иосиф Герасимович Васецкий, восьмидесяти лет. Это, несомненно, он. Не успеваю отрекомендоваться, он жестом указывает на ступеньки внутренней лестницы — их немного,— идет впереди, волочит ноги. Входим в комнату, хозяин усаживается, приглашает сесть. Слева у печки, возле двери в другую комнату, сидит женщина лет пятидесяти пяти. Она в фартуке и белом платке. Встала, поклонилась, опять села, руки скрестила на груди. Рекомендуюсь, объясняю цель своего посещения. Хозяин слушает безучастно.

— О вере хотите со мной беседовать? — обращается он, узнав, что меня к нему привело.— О какой вере? — И с надрывом: — Труд — моя вера! До революции работал. После революции работал. В «Маслопроме». И сейчас по мере сил-возможностей тружусь, то по дому, то на пасеке. Время есть, читаю. Спросите что? «Правду» выписываю, журналы «Здоровье», «Работницу». Есть у меня воспоминания маршала Жукова. Покажи, Клавдия Владимировна.

Все ищу подходов к интересующей меня теме. Справляюсь, не встречалась ли изданная несколько лет назад книга Бонч-Бруевича «О религии, церкви, религиозном сектантстве». Нет, книг этих не знает, ими не интересуется, а вот с Бонч-Бруевичем был когда-то знаком. Рассказываю о годах своего знакомства и сотрудничества с В. Д. Бонч-Бруевичем. Слушает внимательно. Волнуется. На глазах слезы.

Я прошу Иосифа Герасимовича рассказать о встрече с Бонч-Бруевичем. Неподвижно сидящая, все также со скрещенными руками, Клавдия Владимировна пытается вмешаться в разговор, чтобы помешать ему. Но слух у собеседника ослаблен и поданный сигнал до него не доходит.

— Познакомился с Бонч-Бруевичем в Москве, в 1911 году. Еще встречался с ним в 1932 году. Снова в Москве. Бонч-Бруевич заведовал тогда кооперативным издательством. Принял хорошо. Справился о здоровье. Подарил книгу. Сочинения Григория Сковороды [1].

— Скажите, пожалуйста, вероятно, Бонч-Бруевич с вами беседовал о вере? Он ведь был большим ученым, изучавшим религиозные секты...

— Все он вам рассказал,— громко вмешалась Клавдия Владимировна,— что тут еще расспрашивать! — Окрик был на этот раз услышан.

— Клавдия Владимировна,— обращаюсь я к «ангелу-хранителю» хозяина дома,— я разговариваю с человеком, который много старше вас годами, вы что хотите сказать, что у него собственного разума нет?

---

[1] *Сковорода Григорий Саввич* (1722—1794) — украинский философ, поэт, гуманист, демократ и просветитель.

«Ангел-хранитель» кинул на меня недобрый взгляд, но промолчал.

Я сказал, что хотел бы записать распевцы, которые поют «люди божьи», послушать рассказы об «искупителе» — Селиванове.

— Искупитель? Селиванов? — с деланным удивлением повторил за мной Иосиф Герасимович, а Клавдия Владимировна добавила: «Распевцы? Что мы певчие? Песен не поем!»

Да, трудно дается разговор, и мне непонятно, за-чем мой собеседник выбрал линию голого отрицания всего, что связывает его со скопчеством. Опять вспомнился Тверской, его слова: «Я ничего не знаю, чего бы не знали вы сами». Это была по-своему оправданная позиция. А тут что?

— Вы сказали, что труд — ваша вера. Если можно, то вспомните немного о вашем трудовом пути, когда, с чего он начался?

Иосиф Герасимович рассказал:

— Путь начался с малолетства. Я родился в деревне Старинке Могилевской губернии. Подрос, отдали меня в народную школу. Кончил четыре класса. Хорошо учился. Должен был поступить в городское училище. Но семья была бедная. Было нас одиннадцать человек детей. А меня знал помещик. Я грибки собирал, ему носил. Раз-другой принесешь — дадут полтинник. Фамилия помещику тому — Василевский. Я ему понравился. Стал помещик просить, чтобы отец мой ему меня отдал: буду учить, одевать, кормить. Своих детей не было у него. Прожил у помещика год. Полы натирал...

Рассказ оборвался. Послышалось глухое рыдание, перешедшее в неудержимый плач. Клавдия Владимировна вскочила с места, прикрикнула: «Ну довольно!» Прозвучало это как: убирайтесь вон! Не очень-то обращая внимание на взъярившегося «ангела», я попытался унять старика. Он поуспокоился и даже возобновил свое повествование. Однако «ангел» оказался неумолимым: «Что надо вам, никого не видим, нас не видят, живем взаперти в наших трех комнатах, вот и весь разговор!»

На гневных словах Клавдии Владимировны прерву изложенное и обращусь к рассказу о скопцах, ус-

лышанном мной в гостинице. Дело в том, что местом действия этого рассказа является как раз дом Иосифа Герасимовича.

Я попрошу читателя мысленно перенестись в один из зимних вечеров, ну скажем, 1970 г. В комнате, где мы с вами сидим, в той, в которой происходил мой разговор с Васецким, темно. Комната, что напротив, освещена лампадой, зажженной у образа «Спасителя». Оттуда доносится говор. Слов неслышно. Постепенно наши глаза осваиваются с полумраком, и мы различаем лавку и сидящих справа от образа мужчин. Их трое. Они в белых до пят рубахах: ничем не приметный старичок, хозяин дома Иосиф Герасимович, и немного поодаль от него еще мужчина, но не старый. Он сидит очень прямо и так же прямо держит лысую голову с глубоко посаженными глазами, с выдвинутым вперед подбородком. В руке белый платок, сложенный уголком. Это Иван Артамонович. Он приехал по торжественному случаю принятия в общину сразу двоих новообращенных. На лавке, слева от образа,— женщины. Их семь. В белых кофтах, головы повязаны платками. Узнаем среди них Клавдию Владимировну.

Но вот встает Иван Артамонович. В руке связка свечей. Все стихли.

— Вам ведомо, праведные братья и сестры, что дожидается нас душа, ищущая спасения. Будет ли ей ваше согласие и благословение?

В один голос ответили:

— Будет!

Иван Артамонович вручает каждому из присутствующих свечу, зажигает их. Сразу посветлело. Троекратный стук. Все повернулись направо. Иван Артамонович:

— Кто идет?

В ответ мужской голос:

— Овца божия...

И в комнате, что напротив, справа открываются двери. Итак, в доме есть и четвертая комната. Из нее выходит немолодой мужчина в белой рубахе, босой. Его поддерживают под руки двое мужчин, тоже в белых рубахах. Выводят на середину комнаты и оставляют. К нему обращается Иосиф Герасимович:

— Для чего пришел?

Ответ:

— Хочу послужить богу.

Следующий вопрос:

— Будешь ли ходить в чистоте, служить верой и правдой и, кроме братьев и сестер, ни с кем о вере не говорить?

Ответ:

— Господи! Ныне пришел на путь твой спасения доброй волей, не понуждением, ни отцу с матерью, ни родству, ни приятелю, ни явной власти, пусть муки — напасти, не объявлю великую сию тайну.

К поклявшемуся подходит Иван Артамонович, вручает ему белый платок, свечу и отводит на лавку. Общее пение.

Снова поднялся Иван Артамонович.

— Ведомо ли вам, праведные, братья и сестры, что дожидается здесь еще душа, ищущая спасения?

Троекратный стук слева. В доме существует и пятая комната. Из нее двое женщин в белых рубахах выводят под руки босую старуху. До чего же она ветха, новообращаемая «овца божия»! Ее оставляют между лавками. Она переминается с ноги на ногу. На первый вопрос отвечает, как полагается. Следует второй вопрос. Формула ответа на него длинна. Сбиваясь, клянется не выдавать «великую тайну» никому, в том числе «ни отцу с матерью», в чем этой прабабушке, конечно, нельзя не поверить. Вот и ей вручены «покров» — белый платок, свеча; она бережно усажена с другими сестрами на лавку. Все поют.

Ну, а нам с вами, читатель, пора уходить. Потому что в комнате сейчас накроют стол и начнется общее чаепитие с яблоками, конфетами, медом...

Дом, из которого мы только что вышли,— собственность Иосифа Герасимовича Васецкого, руководителя местной общины скопцов. В ее составе 13—15 верующих. Трое из них — мужчины. Самые молодые на седьмом десятке лет. И все же община деятельная. Имеет связи с другими общинами, принимает иногородних гостей и, как уже говорилось, сравнительно недавно пополнилась двумя обращенными. Они оказались столь дряхлы и слабы, что от их оскопления пришлось отказаться.

Из известных мне попыток нынешних ревнителей скопчества завлечь молодых людей не удалась ни одна. Но попытки делались. Одна из участниц общины выписала из деревни племянницу — двадцатилетнюю девушку. Поселила у себя, помогла устроиться на работу, окружила заботой. По прошествии нескольких лет посулила составить в пользу племянницы завещание. Дом, имущество, наличные деньги — отписывала все, что имела. А была завещательница стара и хвора, и вступление в права наследования вряд ли заставило бы себя долго ждать. Одно условие ставилось перед будущей наследницей: «убелиться». Девушка с ужасом покинула «благодетельницу».

Другой случай. Ученику ремесленного училища, не сразу устроившемуся в общежитие, предоставила квартиру одна из местных скопчих. Обращалась с жильцом, как «мать родная». А спустя немалое время предложила оскопиться, обещав материальное вознаграждение. Юноша немедленно съехал с квартиры.

Я узнал и о других случаях, когда скопцы покушались на души, а вместе с тем и на тела людей молодого и среднего возраста. И вырисовывалась определенная схема в усилиях скопцов привлечь в секту новых последователей. Стимул выдвигается всегда один: обещание сделать наследником. Этот стимул практиковался в скопчестве уже с середины XVIII в. Но что действительно впечатляет — это долготерпеливое, неприметное плетение сети, предназначенной для поимки новой души.

Прежде чем остановить выбор на том или ином лице, скопцы изучают его материальное положение, наличие родственных и общественных связей, особенности характера. Если набор этих признаков оценивается как перспективный и для вербовщика безопасный, с данным лицом завязывается знакомство. В течение двух-трех лет отношения поддерживаются исключительно на внерелигиозной почве. На протяжении этого времени намеченное лицо осыпается благодеяниями вербовщика. Не только материальными. Тут и вовремя поданный совет, и услуга, и знаки сочувствия и внимания.

Между тем в процесс «приближения» кроме вер-

бовщика невидимо включаются и другие скопцы и скопчихи. Под разными, порой весьма хитроумными предлогами они посещают избранное лицо на дому — утром, днем, вечером. Визитеры каждый раз новые. Это идет изучение режима жизни, быта и поведения избранного, его знакомств и связей. Наконец, годам общения с «приближаемым» и наблюдения за ним коллективно подводится итог. Если итог вписывается в шкалу идейно-нравственных ценностей скопчества, а вербуемый преисполнен доверия к вербовщику, его приводят к Иосифу Герасимовичу. Начинаются собеседования. Они ведутся исподволь с целью раскрыть «приближаемому» предельно идеализированный мир «людей божьих».

Если почва оказывается благодатной, Иосиф Герасимович выбирает момент для решающего разговора. Допустим, согласие дано, «приближенный» готов оскопиться и клятвенно заверяет, что нигде, никогда, ни перед кем, ни в каких обстоятельствах не выдаст учение и своих единоверцев. Это еще не все. Последнее слово останется за Иваном Артамоновичем; это исключительно в его воле признать достаточными или недостаточными основания для приема данного лица в секту. И только когда Иван Артамонович даст свое «добро», вопрос считается окончательно решенным...

Я поделился с читателем наблюдениями, почерпнутыми во время поездок 1971 г. Выяснилось, что скопцы живут не только в имеющих почтенную давность воспоминаниях, но составляют клочок (хоть и ничтожный) современной религиозной действительности. Поразительно то изощренное упорство, с которым самые невероятные пережитки прошлого цепляются за свое существование. Но и самые дикие пережитки все же не суть фантомы, привидения — они существуют в живых и реальных носителях, и некоторые из них прошли перед нашими глазами. Пример скопчества, именно по своей противоестественности, особенно показателен для понимания одной из причин существования религиозных явлений — индивидуальной истории личности.

Время, когда скопчество имело социальную базу,— в далеком прошлом. Но конкретные носители

этого прошлого еще существуют и в настоящем. На известных нам примерах мы видели, что представители молодого поколения с отвращением и негодованием отвергают скопческие «соблазны». Видели мы и то, что в далекие уже годы представители молодого поколения скопцов, такие, как Евдокия Баринова и др., нашли в себе силы, вопреки пережитой катастрофе, порвать со скопческой средой и определиться на новых жизненных путях. Конечно, нельзя поручиться за то, что в том или ином исключительном случае проповедь ревнителей скопчества не достигнет цели. Тем уместнее напомнить о скопчестве, о применяемых его последователями способах воздействия на людей. Эти последователи как раз тем и отличаются, что не ищут в себе нравственных и умственных сил, чтобы пересмотреть однажды принятый образ жизни. Их сознание и самосознание определяется своеобразием индивидуального опыта, их собственный жизненный путь выступает в качестве критерия и мерила всего их жизнеотношения и жизнедействия.

В связи с этим мне хочется вернуться к восьмидесятилетнему скопцу, о котором я только что рассказал. Дело в том, что меня ожидала еще одна встреча с ним, на этот раз в Москве, но заочная. Я, конечно, отнесся с большим вниманием к сообщению Васецкого о знакомстве с В. Д. Бонч-Бруевичем. Но почему он так разволновался, рассказывая об этом? Естественно было предположить, что знакомство с Бонч-Бруевичем связано было с каким-то волнующим событием в жизни рассказчика. Вернувшись в Москву, я обратился к материалам богатейшего архива В. Д. Бонч-Бруевича в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

И вот в моих руках письмо (единственное), позволяющее восполнить факты биографии моего недавнего собеседника. А именно биография меня сейчас и интересует. Письмо отправлено Бонч-Бруевичу из Уфы и датировано 26 декабря 1912 г. В это время его автору был 21 год. Чтобы было понятно письмо, скажу о подготовлявшемся с начала 1911 г. процессе против уфимских скопцов, затеянном православной церковью и органами царской власти.

Почему царизм преследовал скопцов? По тем же

причинам, по которым он преследовал все религиозные течения, оппозиционные православию. Иными словами, царизм стоял на страже интересов православия как казенной, господствующей религии. Конечно, расправа с отступниками от православия преподносилась как мера «защиты» государства от элементов, посягавших на основы гражданского устройства, и облекалась в форму законности. Не затрудняя себя поисками «криминала», церковь обвиняла, например, так называемых «хлыстов» в «свальном грехе», вообще представляла сектантов как нравственных уродов или же, если дело шло о баптистах, евангелистах [1], изображала их в качестве иностранных (немецких по преимуществу) наемников.

Расправляться со скопцами было проще, поскольку их культ был изуверским в самом точном смысле слова. Но менее всего царский суд стоял на страже здоровья злополучных последователей тех или иных изуверских культов. Причастные к секте скопцов денежные воротилы, вроде купцов Плотицыных, Солодовниковых и многие другие, не только не подвергались судебным преследованиям, но были у царских властей «в чести» и даже получали правительственные награды. Основная тяжесть гонений падала на рядовых участников скопческой секты, а само скопчество служило удобным предлогом для расправы с ними за то, что они «посмели» отвергнуть господствующую церковь. В. Д. Бонч-Бруевич принял участие в судьбах уфимских скопцов. Он приезжал в Уфу, встречался со скопцами, как научный эксперт знако-

---

[1] *Баптисты* — последователи баптизма (от греч. baptizo — погружаю в воду) одной из распространенных протестантских сект. Основана в XVII в. английскими религиозными эмигрантами в Голландии, спасавшимися от преследований англиканской церкви. В вероучении более последовательно, чем другие протестанты, придерживаются принципа спасения лишь личной верой, придают большое значение учению о предопределении, проповеди религиозной морали, верят в возможность мистического «общения с богом». Крещение совершают над взрослыми. Имеется Всемирный союз баптистов (штаб-квартира в США).

В России баптизм распространился во второй половине XIX в. в крестьянской и мещанской среде.

Евангелисты — последователи родственной баптизму протестантской секты. В 1944 г. вместе с баптистами образовали церковь евангельских христиан-баптистов.

мился с обстоятельствами и материалами дела. Поскольку основным пунктом обвинения, возводимого на скопцов, являлась «измена» православию, Бонч-Бруевич квалифицировал обвинение как пример грубого насилия над свободой совести. Процесс был сорван.

После этой справки приведу в извлечениях и с исправлением орфографии письмо Васецкого Бонч-Бруевичу:

«Глубокоуважаемый
Владимир Дмитриевич!

Только что пришел из магазина и неожиданно получил ваше письмецо... Простите, что я немножко замедлил Вам отписать. Причина была та, [что] нам обещали из Окружного суда выдать некоторые вещи... но между тем получилось иначе, вместо вещественных доказательств мы 22 декабря с. г. получили только один залог... Наше дело прошло в полном благополучии, со стороны прокуратуры протеста нет, чему мы все очень радовались. Теперь мимолетно хочу перейти к своей жизни: жизнь наша улучшается, живем вместе 7 человек... Живем в той маленькой уютной квартирке, где Вам, по произволу бога, 5 ноября пришлось побывать и снять с груди нашей ту тяжелую плиту, которая давила нас 22 месяца. Жизнь наша немножко устроилась, мы с братом служим у прежнего хозяина, а остальные трое служат у другого... Теперь перейдем к книгам, но прежде всего позвольте Вас поблагодарить за Ваши труды и аккуратное исполнение заказа. Книги: 4 и 5 т[ома][1] получил давно и прежде взялся читать 4-й том, но прочитал очень мало и потому изложить свое мнение о нем ясно не могу. Но все-таки хочу сказать Вам несколько слов, что книга мне очень нравится и я прочитал до 4-й главы, и все остальные, живущие вместе, вполне солидарны. Что же касается дальнейшего ее содержания, то я постараюсь Вам сообщить после немного, когда прочтем всю или половину ее...

---

[1] Речь идет о «Материалах к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества» В. Д. Бонч-Бруевича. Том четвертый — «Новый Израиль» и том пятый — «Сковорода Г. С. Сочинения».

Остаюсь с совершенным почтением к Вам... Простите, одно выпустил из виду. Если нам возвратят из окружного суда вещественные доказательства, то тогда мы Вам постараемся выслать, а также портрет Селиванова».

В письме Васецкий предстает как убежденный последователь скопчества. К своим 21—22 годам он окончательно в этом качестве утвердился. Ему грозил царский суд за принадлежность к скопчеству. Он готов был принять лавры мученика. «Чаша сия» миновала его, и вполне понятны чувства, выраженные им Бонч-Бруевичу.

Меня в письме Васецкого интересует прежде всего его жизненный выбор. На алтарь скопчества он некогда положил все, что имел,— общественные связи, молодость, перспективы, наконец свободу, поскольку ей постоянно угрожали и законы самодержавия, и его произвол. Страшная «цена», в которую ему обошлось его скопчество, теперь перевешивала в его сознании все ценности мира. Индивидуальная его история — история отречения от жизни и волей-неволей обособления в кружке ему подобных с их мышиной возней вокруг накопления и дележа материальных благ. Сперва приказчик у хозяина, потом, быть может, сам хозяин с прислуживающими ему приказчиками, тоже скопцами. А потом... Но «потом» не случилось — революция изменила все, и Васецкий остался лишь при своем скопчестве. От двадцатилетнего Васецкого, одаренного силой и красотой (я видел его портрет в молодости), к зловещему старцу в доме с потайными комнатами — прямая линия.

Есть еще вопрос, который ставит письмо Васецкого. Чем объяснить контраст между его готовностью передать исследователю культовые принадлежности, и даже портрет «самого» искупителя — Селиванова в 1912 г., и неприязнью по отношению к исследователю, посетившему его в году 1971? Не будем уклоняться от ответа на этот вопрос, тем более что мне приходилось слышать, правда, не от скопцов, а от баптистов, еще точнее от так называемых инициативников[1], что в прошлом коммунисты защищали сек-

[1] *«Инициативники»* — баптистские общины и отдельные верующие, отколовшиеся в 60-х годах от церкви евангельских

тантов, а теперь якобы преследуют. Васецкий этого не говорил, но его поведение было достаточно красноречивым.

С другими верующими беседы бывали более откровенными или менее, лучше удавались или хуже, они все же не являлись, как в данном случае, перекличкой с противоположных берегов. Был ли моим собеседником адвентист Василь Григорьевич или меннонит Генрих Корнеевич, духоборец Петр Николаевич, субботник Иона Яковлевич (о них в последующих очерках) и многие-многие другие верующие, мы беседовали на равных основаниях, как труженики нашей великой страны, делающие, каждый на своем месте, общее дело. Наши собеседования протекали в атмосфере взаимного уважения и доверия при понимании разногласий в отношении к религиозной вере. Замечу, что верующие и не требовали от исследователя каких-либо компромиссов в этом вопросе, как и сами не склонны бывали к компромиссам.

А теперь к «вопросу». Защита сектантов от преследований царизма и господствовавшей церкви была одним из участков борьбы революционной социал-демократии за свободу совести. Это была борьба принципиальная и последовательная, но она никогда не имела ничего общего с защитой вероучения и культа сектантов или представителей других существовавших в царской России религий. В частности, таковой была и позиция В. Д. Бонч-Бруевича.

Программное положение Коммунистической партии о свободе совести было связано и подчинено задаче классового сплочения всех трудящихся, атеистов и верующих, в борьбе за свержение власти самодержавия, помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата. Установление подлинной свободы совести можно было обеспечить только в результате победы социалистической революции.

Это и было сделано законодательными актами Великого Октября. Ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», приня-

---

христиан-баптистов и последовавшие за так называемой «инициативной группой», которая пыталась захватить руководство в церкви. Проповедь «инициативников» и действия некоторых из них отличаются антиобщественной направленностью.

тый 23 января 1918 г., установил в нашей стране свободу совести. Церковь была отделена от государства, школа от церкви, религия стала частным делом каждого верующего, все религиозные организации были объявлены равными перед законом. Было провозглашено и закреплено законодательно равенство всех граждан в правах, независимо от того, являются ли они атеистами или верующими. Запрещалось всякое посягательство на права граждан или уклонение от исполнения гражданских обязанностей в связи с религиозными воззрениями.

Осуществление свободы совести в нашей стране включило в себя обеспечение пропаганды научного атеизма, цель которого сделать совесть человека свободной от религиозных суеверий.

Именно научно-атеистическую пропаганду наиболее фанатичные апологеты сектантства стали приравнивать в послеоктябрьское время к нарушению свободы совести, объявлять «преследованием за веру» и т. д.

Как выяснилось из беседы с Васецким, он в 1932 г. посетил в Москве Бонч-Бруевича. Более чем глухо сказал он о цели этого посещения. В архиве Бонч-Бруевича не обнаружилось следов этой встречи. Но я имею право на гипотезу и им воспользуюсь. В конце 20-х — начале 30-х годов происходил ряд судебных процессов над организаторами скопческих общин. Не с хлопотами ли за единоверцев явился Васецкий к Бонч-Бруевичу в 1932 г.? Что ему мог ответить Бонч-Бруевич, если мое предположение основательно?

Он мог ему ответить: «...если те или иные скопцы стали проявлять свою практику над другими людьми, тем более малолетними или несовершеннолетними, то, несомненно, этот род их деяний советские законы будут рассматривать в уголовном порядке, как членовредительство других лиц». И дальше: «...в 20-м веке пора бы прекращать пропаганду всевозможного членовредительства из так называемых религиозных побуждений, так как тех обстоятельств, которые возбуждали подобную идею в 18-м и 19-м веке, того тяжелого житья-бытья, которое создавало самодержавное правительство и господствовавшая

воинствовавшая православная церковь среди народа, теперь нет. А есть так много интересного, важного и нужного, на что необходимо было бы тратить свои силы, энергию, волю, а не заниматься пустяками: заманиванием людей в фантастическое «царство божие» всевозможными способами, которые были придуманы непросвещенными людьми 17-го и 18-го века».

Я привел подлинные слова В. Д. Бонч-Бруевича из хранящегося в отделе рукописей библиотеки им. В. И. Ленина его письма к Г. П. Меньшенину от 6 ноября 1928 г. Это был ответ Меньшенину, который сообщал о процессе волосовских скопцов и просил Бонч-Бруевича о заступничестве за них. Этими словами я и закончу очерк о скопцах.

ГЛАВА
ТРЕТЬЯ

«БРАТЕЦ» АНИСИМ СМИРНОВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В конце 1965 г. Ученый совет философского факультета Ленинградского государственного университета пригласил меня выступить официальным оппонентом по диссертации «Критика религиозно-этических воззрений и реакционной деятельности сектантов трезвенников» [1]. Тема интересовала меня, и я согласился. Для меня, принадлежащего к старшему поколению, трезвенничество было не только историческим воспоминанием, но и действительностью, прошедшей перед глазами. Помню чуриковщину и другие подразделения трезвенничества в «разгар» их успехов. Скажу хотя бы, что ленинградские баптисты, евангельские христиане, адвентисты, вместе взятые, не составляли и трети того числа верующих, которые в середине 20-х годов шли на поводу у «братцев».

Готовясь к выступлению, я привел в порядок записи и воспоминания, относящиеся к деятельности трезвенников в Ленинграде и его пригородах. Так получилось, что мой опыт наблюдений касался не столько Ивана Чурикова и его последователей, сколько «братца» Анисима Смирнова, порвавшего с Чуриковым и основавшего собственное направление трез-

[1] *Трезвенники* — религиозные группировки, возникшие в России в конце XIX — начале XX в. Главное в вероучении — проповедь спасения людей путем религиозно-нравственного самоусовершенствования и избавления их от пороков (алкоголизма, распущенности и т. п.). Верят в особую «благодатную силу» своих «братцев» (руководителей), в их способность исцелять людей от нравственных и физических недугов.

веннического движения. Почему Смирнов и его общество вызвали мой интерес? Потому, что оригинальны были воззрения этих сектантов, любопытны фигуры их, наконец, и потому, что в литературе второй половины 20-х годов, не говоря уже о более позднем времени, Смирнову и его последователям уделялось мало внимания.

Начинаю знакомиться с анисимовцами

— Что такое религиозная организация трезвенников? «Смесь поповства, знахарства, колдовства и юродства, а основа — плутовство и вымогательство!» — отвечает корреспондент одной из ленинградских газет в заметке, опубликованной в 1925 г. Верен ли ответ?..

Так примерно начал свой доклад о трезвенниках Василий Ершов, аспирант Ленинградского университета, на заседании сотрудников Ленинградского антирелигиозного музея, располагавшегося в Исаакиевском соборе. К сожалению, я не записал даты доклада. Дело, по-видимому, происходило в начале 1928 г.

Докладчик, обстоятельно изучивший религиозное трезвенничество, сначала приводил факты, подтверждавшие правильность характеристики, которую дал трезвенническому «братству» ленинградский корреспондент.

— Но, товарищи,— продолжал Ершов,— считать основой трезвенничества плутовство и вымогательство — значит стоять на позициях буржуазного просветительства XVIII в., ибо в таком случае получается, что религия, как писал Вольтер,— это сеть, которою мошенники опутывали глупцов. Мы должны изучить социальные корни, политическое лицо трезвенничества и уделить внимание психологическим мотивам, которые притягивают к религии представителей трудящихся слоев.

В моей записи дальше фигурируют факты торговли волосками и ногтями «братца» Чурикова, почитавшимися его последователями в качестве священных реликвий; суммы, израсходованные «братцем»

на покупку лампадного и еще какого-то растительного масла, каковому приписывались целебные свойства; упоминается письмо «трем апостолам» некоего Михаила Горбачева. Затем идут приводившиеся докладчиком ссылки на выступления депутатов III Государственной думы Каменского и Жданова, публично аттестовавших трезвеннических вожаков как противников революции.

Особенно большое впечатление произвело на меня зачитанное докладчиком письмо Горбачева. Я попросил позволения снять копию.

Михаил Горбачев, один из ближайших сотрудников Анисима Смирнова, ведал при жизни своего шефа проповедью среди детей. На улице Марата, в помещении бывшего ресторана, арендованного «анисимовцами», каждый вторник проводились детские собрания, довольно многолюдные. Трудно сказать, какое отношение имел Горбачев к детской аудитории. По профессии он был столяром. После смерти Анисима Смирнова в 1925 г. Горбачев некоторое время возглавлял трезвенническую общину, но совершил какое-то уголовное преступление и был осужден. Во главе «анисимовцев» стали приближенные Горбачева — трое его «апостолов», которые, по случайному совпадению, имели одинаковые имена (Иваны). Сначала они поддерживали сосланного, потом помощь прекратилась. После значительного перерыва Горбачев, уже не ожидая того, получил от «апостолов» посылку. Скромную. И пришел в ярость. Вот его ответ «апостолам»:

«Дорогие мои и проклятые Иваны! Душою и кровью благодарю за то, что в первый раз за полтора года откликнулись посылкой, которую я получил полностью в количестве пяти рублей прямо в руки собственные, а чужих у меня нет рук. Иваны мои, я уже многожды раз писал на адрес Алексея Горшкова, чтобы вы бросили выдуманные вами шарлатанства: говорите народу, якобы я велел вам славить меня как Христа. Это ложь, обман простодушного народа не ради славы божьей и имени дорогого отца (Анисима Смирнова.— *А. К.*), а ради скоромного брюха своего... Посудите сами, какой я к черту Христос! Я простой столяр, человек грешный, подобен

вам духом и плотью... А ваши россказни (три Ивана) для меня это великая каторга души и мытарство для моего сердца. Иваны! Иваны! Иваны! Братьев и сестер вы сумели так ослепить, что откормили вас каждого по девять пудов и обули и одели. А вы говорите, что можете духом жить и хлеб вам не нужен и одежда. Вот пускай прогонят вас от себя, поживите духом, и хлеба пускай вам не несут... Вот весь мой вам наказ и вся моя заповедь».

Я воспринимал в то время письмо Горбачева прежде всего как прекрасный агитационный материал, подлежащий широкому использованию в антирелигиозных лекциях. Помню, по окончании лекции в клубе завода «Красный выборжец» меня попросили еще раз прочитать письмо Горбачева. Его вторично выслушали с большим интересом, прерывали чтение негодующими возгласами, смехом. Но вот встал один из рабочих и спросил: сам Горбачев — верующий или неверующий? И, предварив мой ответ, высказался в том смысле, что Горбачев верующий. Он сравнил его письмо с письмом запорожцев к турецкому султану, имея, конечно, в виду особенности языка и необуздданность чувства.

— Да,— сказал он,— крепко обиделся Горбачев на своих подручных. Тут ему вожжа под хвост попала. Только не конь везет, а бог несет — вот что по письму видно.

Аудитория зашумела, встала на мою «защиту», по-видимому, симпатизировала молодости докладчика. «Защитой» я не воспользовался и поблагодарил рабочего за то, что он помог углубить содержание моей лекции. Я согласился с тем, что Горбачев, судя по его письму, оставался верующим, и добавил, что разочаровать религиозных людей в таких деятелях, как Горбачев, труднее, чем разоблачить его «девятипудовых Иванов».

Случай в клубе «Красного выборжца» относится уже к 1929 г. К этому времени у меня был и некоторый опыт наблюдений над собраниями трезвенников, последователей Чурикова. Знал о Чурикове и чуриковцах и по брошюре ленинградского антирелигиозника Иосифа Яковлевича Элиашевича, с которым был знаком лично. Еще раньше (в 1927 г.) присутст-

вовал на диспуте Элиашевича с чуриковским «златоустом» — Фроловым. Диспут был организован «Красной газетой» и прошел с большим успехом для Элиашевича. А вот анисимовскую ветвь трезвенничества я знал весьма поверхностно. Как-то осенью 1929 г. Элиашевич заговорил со мной о трезвенниках. Он посоветовал поближе познакомиться с деятельностью анисимовцев.

— Послушай, сегодня же понедельник! На Волковом кладбище, у могилы Анисима, ты наверняка застанешь его почитателей. Отправляйся. Еще не поздно.

Могилу Анисима Смирнова разыскал я на кладбище без труда. Туда цепочкой тянулись женщины в белых платках, у некоторых на груди нацеплена была круглая брошь с изображением Анисима.

У ничем не украшенной могилы толпилось десятка три верующих. Дело в том, что в среде последователей Анисима существовало поверье, будто он должен воскреснуть в день своего рождения, приходившийся на понедельник. Могилу посещали ежедневно, но по названной причине понедельник собирал у могилы Анисима наибольшее число посетителей...

Припадали к могиле, к земле возле нее, лежали ничком, молились. Какая-то не старая еще женщина с поднятым к небу лицом, воздетыми руками ползала могилу:

— Отец! Отец! Отец!..

Ее взяли за руки. Она умолкла. Как правило, молящиеся не задерживались у могилы подолгу. Каждый забирал с собой щепотку земли.

Я подошел к пожилой женщине с туго набитым мешочком в руках:

— Зачем вам столько земли?

Посмотрела недоверчиво, но, убедившись, что вопрос задан серьезно, объяснила:

— Я не для себя, у нас в Коломягах две семьи больные, сами к отцу Анисиму прийти не могут, вот и попросили меня.

— Помогает?

— Землица-то? А как же! Пользует, только с верой, а без веры пользы нет.

— И вам помогало?

— Я не болею. А прежде, еще когда отец милостивый с нами был, сильно головой мучилась. Ходила к отцу. Он меня на весь мой век исцелил.

Я поинтересовался, не посещала ли моя собеседница и «братца» Ивана Чурикова. Вопрос оказался в высшей степени неудачным:

— Что вы, что вы! Чуриковцы те же попы. Племя иродово! Христоубийцы! Они и отца дорогого (Анисима.— *А. К.*) на голгофу послали!

Мы с собеседницей направились к выходу с кладбища. Я стал расспрашивать о различии между учениями Чурикова и Смирнова. Вразумительного ответа не получил:

— Я верю в отца Анисима и буду верить, а Чуриков поповского дурману придерживается, а больше хотите знать — пойдите к Егору Матвеевичу, к Родионову. Он все вам скажет. Просит посылать к нему тех, кто в спячке ходит.

И дала мне адрес...

Охтенский философ

Дом, в который я пришел, всем видом своим говорит о давнем прошлом Ленинграда, как и вся почти часть города, именуемая Охтой. Дом деревянный, рубленый, одноэтажный, с тремя оконцами на фасаде.

Постучал в окно.

— Входите!

Вот и хозяин дома, лет ему за пятьдесят, лицо в морщинах, небольшие светлые глаза, густые сизые волосы, переходящие в бороду. Худой, сутулый, руки держит «по швам» длинной бумазейной рубахи.

— Вы ко мне? Проходите!

Не спросил, кто я, зачем пришел, и мне не дал сказать, усадил на табурет:

— Вот отец Онисим.

Указал головой на портрет старца с копной седых волос, широкой и длинной бородой — ни дать ни взять ветхозаветный патриарх. А рядом... Рядом на стене портрет В. И. Ленина. Над портретами лента с вышитыми словами: «Свет истинного учения».

— Отец Онисим, соделатель нашего вождя Владимира Ильича. На одной ниве трудились.

У Егора Матвеевича окающий говор, он потомственный плотник из числа давно поселившихся в этой части города вологодских крестьян-ремесленников.

— Отец Онисим,— продолжает он рассказ,— принадлежал к низшему классу. Сорок лет проработал на Николаевской дороге. Выполнял разные работы, а последнее время был сторожем. Книжному учению прилежал мало, а любую вещь мог рассудить по силе разума. Темному люду он как свет светил, ну и называли... богом-то поди и не называли, а Христом: Христос наш, спаситель, отец дорогой, братец Онисимушка. Великую любовь к народу имел. Учил так: бог наш — труд. Сила живоначальная. Думаете, говорил, бог на облаках сидит, как царь на престоле, а ему небесные чины прислуживают да ангельский хор поет, не умолкает? Нет, такого бога не было, нет и не будет. Это бог поповский да господский. Не тот безбожник, кто в бога поповского не верит, а кто не трудится и не от рук своих питается, истинно есть тот безбожник. Так что, кто отца дорогого богом звал, не знал истинного учения. А что с ним поделаешь, с темным людом?

Я заметил:

— Вы, Егор Матвеевич, не спросили меня, кто я, откуда, зачем пришел.

— А мне это ни к чему, человек к человеку пришел — вот и весь тебе паспорт. С добром пришли, с тем и уйдете, а ежели пришли со злом, да с ним уйдете, не ваша это вина, а моя будет. Только как звать вас по имени-отчеству, это скажите.

Я назвался.

— Вы говорите, Егор Матвеевич, что богом называете труд. Но труд — дело ума и рук человеческих. При чем же здесь бог?

— А вот как: труд — дело ума и рук — ваши слова. Рукотворение — сила видимая, а умотворение — оно тоже сила, но невидимая. Бог — это сила умная, ею все живое и неживое живет. Ветер песок наносит, песчинку к песчинке лепит, глядишь — гора. Это труд. Земля вокруг себя ходит, еще вокруг солнца, а солнце — оно тоже на месте не стоит. Труд! А еще

солнце светит и греет. Труд. Куда ни глянь — все труд. Вот и поется: «Владыкой мира будет труд». Сие есть хвала и честь владыке. Мы и говорим: свет истинного учения,— Егор Матвеевич поднял глаза к настенной надписи над портретами.— А за название мы не держимся, зовите силу ту богом, господом, владыкой, как там хотите, как люди говорят, хоть горшком зовите, только в печь не ставьте. Вот оно как.

— Если за название вы не держитесь, Егор Матвеевич, то почему не зовете вашу живоначальную силу материей, природой? Значит, одной природы вам мало, еще что-то прибавляете к ней и вот это «что-то» и есть бог. А какой же может быть еще бог, если не сверхъестественный, всемогущий, всеведущий, а в общем такой, в которого учит верить любая церковь?

Он слушал. Дал сполна высказаться. И ответил:

— Материя... А что значит материя? Матерь значит! Или ее, все одно, природой назовем. А как же матерь да без отца? Кто ей силу ту живоначальную подаст? Уже сохнет, бедная, томится природа та: ни вдова, ни мужняя жена. Никак нельзя без отца, но вкупе отец и матерь. И жизнь — дитя полюбовное их. Троица. Ну вот по кругу разума обошли и на переднее возвратились: живоначальная сила природы — бог наш благой.

Я возразил:

— То, что вы называете живоначальной силой, на самом деле является движением. Оно свойственно самой материи. В природе происходит постоянное изменение, обновление, умирание, возникновение нового...

Егор Матвеевич задумчиво поглаживал бороду:

— Веру я вашу не хулю. Но нуждающемуся в молоке другая пища будет тверда. Ну, вас взять, к нам придете, за столик. А перед вами кто? Прохор Кусиков — калека, да Мария Калинычева — вдовица бездетная, да Кругликова Татьяна, ее муж бросил и в нети ушел, а с ней четверо, прокорми, попробуй, а еще Анна Маркова, старушка, сирота она, Степан Шерстобитов, что в ресторане служил, да по пьяному делу и воровству изгнан, и еще и еще всего душ с двенадцать будет. И то, что мне сказали, то и им ска-

жете: дескать, материя, а к ней движение припряжено, так и катают вдвоем без конца, без начала. Послушают, почтение окажут... на том вам начало, на том и конец. Они же слова доброго за всю жизнь не слыхали. А я величаю: образ вы божий. А почему так? Может, я, Егор Родионов, вздор мелю? Может, и о себе, Егоре, мужике конопатом мечтаю: образ ты божий! Истинно так. Егор плотник сколько за свой век домов срубил — счет потерял. Нынче прошла моя сила, так на кладбище нашем Охтенском поделки всякие делаю, опять же по плотницкой части. Плотник я — вот уже во мне образ божий. Потому что сила трудовая живоначальная, вот кто он такой есть бог-господь наш...

Вскоре я снова пришел к Егору Матвеевичу. Он пригласил меня присутствовать на собрании группы верующих, которой руководил. Я застал человек десять. Они сидели, кто где хотел, на лавке, на табуретках. Все это не имело вида организованного собрания. Люди пожилые, скромно, но чисто одетые. Они встали и поклонились, когда я появился, чем вызвали крайнее мое смущение. Но когда вслед за мной в комнате появились опоздавшие к началу мужчина и женщина, точно так же все поднялись с мест и отдали поясной поклон. Это своего рода обряд, как у духоборцев, люди кланяются «образу божию» друг в друге. Кажется, этот обряд отличал группку верующих, собиравшихся у Родионова, от других последователей «братца» Анисима Смирнова.

— Дорогие мои! — обратился Родионов к собравшимся.— Среди нас присутствует гость. Я уже с ним беседовал, он без худого умысла пришел к нам, хочет знать, кто мы, чему учим, как живем. Вот я буду говорить, гость послушает, а вы проверяйте, так ли точно я говорю с вами сегодня, как всегда, как в другие дни, когда мы встречаемся.

— Просим, говори,.братец!

— Вот перед вами на стене Владимир Ильич, вождь наш незабвенный, а справа отец Онисим, учитель наш дорогой. Может гость подумать: «Сдуру что ли старик портреты поместил друг возле дружки?»

— Бог в помощь, братец! — послышались голоса.

— Не сдуру. А по духовному разумению. Влади-

мир Ильич полем широким шел, пахал, сеял, вырастил урожай, своим трудом собрал в-в-во богатство какое! А Онисимушка следом, по жнитве той идет, глядит, колосков ли где не осталось? Видит — есть! Стоят сиротинушки, стужа их знобит, дожди поливают, гниют уже и никому до них нет думы-заботы. А что же они? Ни богу, ни людям не надобны?!

— Надобны, братец, надобны! Спасибо, братец!

— Отец дорогой подбирал их: мне до вас дело. Умою души и тела ваши от гноя смрадного — пьянства, распутства, воровства, отгоню от вас дурман поповский. Отмою. Тогда и в коммуну трезвую вас отдам. Так ли учил, милые мои, отец дорогой наш Онисимушка?

— Истинно, истинно так, братец!

Родионов не ограничился изложенным, но моя запись его речи на этом оканчивается. По-видимому, записал то, что считал главным.

Третье посещение Е. М. Родионова. Тема беседы — религиозное врачевание. Мой собеседник отводит ему второстепенное место. Считает его побочным продуктом учения Смирнова о трудовой, трезвенной, солидарной жизни с верой в «живоначальную силу природы» — бога. Но соглашается, что для массы последователей Смирнова (в начале 20-х годов, по его словам, их было не менее 10 тыс.) главным все же являлось религиозное врачевание. Он уточняет: целение пьяниц. Он прекрасно знает, что Смирнов «целил» и от других всевозможных болезней, что в ходу у него было, как и у Чурикова, мазание маслом болящих, что верующие считали целительной землю с могилы Анисима. По его словам, Смирнов занимался врачеванием из снисхождения к темноте народной. Так же объяснял и практику «маслопомазания». Впрочем, Родионов утверждал, что врачевания, как такового, и не было. Смирнов назначал пост, призывал к молитве, смазывал маслом — вот и все врачевание. Спрашиваю Родионова о результатах целебной практики Смирнова. Отвечает:

— Исцелял, не всегда, но и нередко.

— Что же это,— продолжаю интересоваться,— чудо?

Родионов: если в человеке дух раздуть, он и пло-

ти собственной хозяин будет. Может так быть? Может. Так вы лучше не о том спрашивайте, чудо ли, не чудо, а о том, как отец дорогой наш в любом человеке, в убогом и сиром, умел дух разжечь. Вот оно как...

То и дело возвращался Егор Матвеевич к личности Анисима Смирнова, оказавшей на него большое влияние. Он называл Смирнова добрым, доверчивым, отзывчивым и простодушным человеком, чем злоупотребляли многие из лично ему близких лиц, занимавших в общине то или иное положение. Родионов возмущался тем, в частности, что лица эти организовали торговлю брошками с изображением Смирнова и нажили на этом большие деньги, что брали они деньги за допуск к Смирнову. Рассказал, что приближенные Смирнова эксплуатировали труд верующих, работавших на общественном огороде, заведенном общиной где-то под Ленинградом. Знал ли об этих злоупотреблениях Анисим? Причастен к ним не был, по категорическому заявлению Родионова, а знать — знал, а о чем не знал, догадывался. В таком случае почему не покончил со злоупотреблениями?

— Дело прошлое, а так вам скажу, по своему пониманию, конечно. Отец Онисим стар был, не так и стар, лет семьдесят имел, как слаб. А силы на что уходили? На проповедь? На людей? Кабы только на это! Он ведь отрекся от Чурикова, от его дурману, вот уж кто всамделишно колдуном был — Чуриков! Так тот братца преследовал, клеветал, самой власти на него доносы писал. Разумеете? Ничем не гнушался. Вот тут и получилась у братца нашего дорогого слабинка. Рассуждал, если сам же я да обличу злодеев своих, то одно — достанет ли сил моих обличить, а второе — оно-то самая делу главизна — как бы своими же руками дом свой не порушить. Скажут вертеп, не собрание. Выходит, что и прав был Чуриков и власть ему веру поимеет. Да, не погнал братец наш, как Христос, бичом торгашей из храма...

Егор Матвеевич достал из шкафчика книгу.

— Песни вам покажу, у нас сложены.

Книга представляла собой бухгалтерский журнал, расчерченный на «дебет» и «кредит». Песни были вписаны красными чернилами, рукой, не слиш-

ком привыкшей к письму. Я переписал ту, на которую обратил мое внимание Егор Матвеевич:

Был Ленин вождь народа,
Рабочих и крестьян,
Любил он нас безмерно,
За нас он жертвой стал.
Он всем внушал презренье
К богам, попам, царям,
Простым дал просвещенье,
Глаза открыл всем нам.
И серп и молот вместе
Соединил трудом.
Рабочий и крестьянин
Назвал его отцом.

Беседы с Егором Матвеевичем вызывали немало размышлений. Дело в том, что в работах 20-х годов довольно четко были выделены два периода в истории политической ориентации религиозного сектантства: 1) период открытого сопротивления диктатуре пролетариата и 2) период приспособленчества к новому общественному и государственному строю, начинавшийся примерно с середины 20-х годов. Имелось в виду, что руководители религиозных сект изменили свою тактику, надеясь, что в конечном счете переход к нэпу приведет к реставрации капитализма в нашей стране.

Эта периодизация у меня не вызывала сомнений. Должен заметить, в литературе 20-х годов неизменно указывалось, что приспособленчество руководителей сект вызвано не одними собственными их соображениями, но и реальным влиянием, которое оказывали рядовые верующие, стоявшие на позициях лояльного отношения к советскому социальному и политическому строю. Однако что собой конкретно представляло это влияние массы на руководителей, какие формы оно принимало, на каких путях осуществлялось, что, наконец, представляли собой в плане их общественного развития рядовые участники религиозных сект,— все это было (и пока остается) мало изучено.

Но я вернусь к своим размышлениям под непосредственным влиянием моей встречи с анисимовцами в 1929 г. Чем были речи Родионова? Приспособ-

ленчеством? Я так не думал. Здесь не хитрили ни в том, что относилось к верованиям, ни в том, что выражало отношение к новому общественному строю! Но между верованиями и сознательной солидарностью с новым общественным строем в конечном счете существовало противоречие. И в этом я отдавал себе полный отчет. Это был вопрос большой сложности, и разобраться в нем в те годы я как следует не умел, недоставало материалов. К тому же наиболее броским в трезвенничестве, привлекавшем, а вместе с тем и отвлекавшем в то время мое внимание, было религиозное врачевание. Что это? Обман? Надувательство? Гипноз? Явление массового психоза? Я не наблюдал сеансов религиозного врачевания, как они происходили на собраниях анисимовцев. Но сцены религиозного врачевания у чуриковцев стояли перед глазами, когда я беседовал с Родионовым. Я наблюдал их в Вырице в 1927—1928 гг. В отступление от рассказа об анисимовцах, к которому еще вернусь, я познакомлю читателя с собраниями последователей Ивана Чурикова.

Сеанс религиозного врачевания

Среди собравшихся преобладают женщины. Большинство — люди среднего возраста, встречаются и молодые, и дети, совсем мало стариков. Одеты просто, даже бедно, но опрятно: женщины в белых платках, мужчины в косоворотках, блузах, поверх которых пиджаки, жилетки. Вид многих мужчин нездоровый: одутловатые лица, припухшие веки, красные склеры глаз — прямые результаты алкоголизма. Здесь и там, опершись на костыли, стоят калеки, нервнобольные с трясущимися головами, перекошенными лицами. Их безотказно пропускают вперед, поближе к месту, на котором появится «братец». В ожидании выхода Чурикова говорят вполголоса, одергивают суетящихся детей. «Братец» не торопится. Вероятно, выгадывает время, чтобы дать нетерпению охватить толпу богомольцев. Вот в первых рядах какой-то шум, движение. Это передается задним рядам, и все смолкает. Чуриков! Он проходит неторопливо

к своего рода «амвону», сопровождаемый небольшой свитой, держащейся почтительно, несколько поодаль. На нем длинная синяя рубаха, перепоясанная белым шнурком. Блестят лакированной поверхностью сапоги. Волосы расчесаны, вероятно, смазаны маслом, тоже блестят. В руке книга. Он ставит ее на ребро, обложкой к собравшимся. Золотое тиснение: «Евангелие», а под ним крест. Послышались приветственные возгласы:

— Здравствуй, дорогой братец!

Тихим, мерным голосом Чуриков начал:

— Братья, помните ли, как хромой, охромевший в утробе матерней, просил у апостолов Петра и Павла подаяния? Так и вы пришли за подаянием, бедные мои хромцы, душевные и телесные.

В толпе:

— Спасибо, дорогой братец!

— Злато ли дали апостолы калеке? Они сказали: встань и ходи! А вы? Вы за чем, за златом сюда пришли или за исцелением?

Толпа громыхнула:

— Прости, дорогой братец!

Чуриков выждал паузу.

— Коли за златом — нет вам здесь места, ступайте вон, пьяницы нераскаянные, свиньи беснова-тые, марайтесь в своем дерьме!

Люди, запрудившие двор, обмерли. Голос Чурикова гремел, и рупор разносил его далеко за ограду двора, к которой лепились опоздавшие почитатели «братца» и просто любопытствующий люд. Всего слушателей было человек 400—500.

— Братья, не в свое имя апостолы укрепили колена хромого, а во имя Христа распятого,— голос Чурикова потеплел, стал задушевным.— Распните свои грехи. Бодрствуйте и трезвитесь. Идите ко мне, ныне благословлю вас во имя господа бога нашего Иисуса Христа...

Толпа дрогнула. Люди вереницей потянулись к «братцу», припадая к его протянутой в благословляющем жесте руке. А Чуриков что-то шептал, раздавал кусочки сахара и пузырьки с маслом...

Видел я и такую сцену: из толпы вышла и подошла к Чурикову женщина, ведя за руку дочь, девоч-

ку лет восьми — десяти. Чуриков пошептал, смазал маслом девочке лоб, наложил руки на ее голову. Прошло минуты две. Кругом было так тихо, что шепот Чурикова слышен был и в задних рядах. Девочка зашаталась. Двое из свиты «братца» подбежали к ней, подхватили, бережно опустили на землю, подложили под голову свернутое в рулон пальто. Девочка лежала неподвижно. Чуриков продолжал шептать. Женщины из его свиты запели. Пение подхватили в толпе. Так продолжалось с четверть часа. Девочку подняли, поставили на ноги. Она уже очнулась, пошла шатающейся походкой, села на скамью. Благодарная родительница бросилась к Чурикову, целовала край его рубахи. Потом ушла. Считалось, что «братец» исцелил припадочную.

Темная и властная сила исходила от «братца». Что-то во всем этом было патологическое и вызывало смешанное чувство жути и отвращения. Поневоле чувство это переносилось и на восхищенных последовательниц и последователей «братца», слово которого проникало в какие-то неведомые тайники психики, вызывало мгновенную ответную реакцию — рыдание, вопли, судорожные жесты. Так же легко, как Чуриков вызывал у своих слушателей проявления экстаза, он умел их пресечь и возвратить своих обожателей в состояние покоя, по крайней мере внешнего. Нечто «сатанинское» было в этом дирижировании волей и чувствами людей.

Мир тесен

Глубже вникнуть в факты, которым посвящены предшествующие страницы, мне довелось много лет спустя и вот при каких обстоятельствах.

В Музей истории религии Академии наук СССР в Москве, где я работал, обратилась молодая женщина, предлагавшая приобрести рукописи, оставшиеся от деда. Речь шла о религиозных сочинениях, каких именно, она сказать не могла. Дед был богомолом — вот все, что она знала. Это было в 1947 г. Посетительница захватила с собой кое-какие материалы. Ли-

стаю материалы. Среди них — стихи. Кажется мне, что когда-то уже держал их в руках. Где? Когда?

Вот оно! Песни, написанные красными чернилами на бумаге, разграфленной под «дебет» и «кредит». Дом на Охте! Егор Матвеевич Родионов. Но фамилия деда посетительницы — Пантелеев, и, как выясняю, фамилия Родионов ничего ей не говорит. В ходе беседы узнаю, что моя посетительница в прошлом ленинградка. В 1942 г. в возрасте 17 лет эвакуировалась в Челябинск, где работала на заводе. Недавно вышла замуж и поселилась в Москве. Родители и дед погибли в блокаду, а бабка выжила.

— Она с нами, втроем в одной комнате, и так повернуться негде, а тут еще мешок с бумагами да книги дедовы кое-какие.— Отвечаю, что я сам в прошлом ленинградец, что встреча с земляками всегда радует и волнует.

— Ну, мы-то не с самого Ленинграда. Мы с Коломяг, может быть, знаете, а как война началась, переехали в Ленинград, мама с папой да дед навечно ленинградцами стали...

— С К-о-л-о-м-я-г... Да-а... Второй раз за время нашего долгого разговора возвращаюсь мысленно к домику на Охте, куда я попал по рекомендации женщины, проживавшей как раз в Коломягах.

Оставляю дела, еду к посетительнице, чтобы на месте ознакомиться с рукописным наследием ее деда. Скромная, заставленная дешевой мебелью, перегороженная занавеской комната. Хозяйка выволакивает мешок с рукописями и книгами. Из-за занавески слышен взвизгивающий на высокой ноте кашель.

Просматриваю бумаги. Они об общине Анисима Смирнова! Устав общины, пояснительная записка к уставу, записи проповедей Смирнова, песни.

— Не припомните ли, кто же был ваш дед по религиозной принадлежности?

Не помнит, не знает, никогда не интересовалась.

— Погодите, бабку спрошу.

Уходит за занавеску и громко:

— Бабуся! Дед кто по вере был?

Бабка что-то отвечает, но мне слышен только кашель, в котором пропадают слова. Внучка выходит и предлагает мне самому поговорить с бабкой.

— Не втолкую ей, что мне от нее нужно. Только простите нас, не ждали, что придете, не убрала я бабушку.

Пошел. Угол был прибранный, чистый. На постели старая женщина. Лицо желтое. Не отрывает от рта платок. Мучительно кашляет. Она поняла так, что я оценщик, пришедший назначить цену за оставшиеся от покойного мужа рукописи. Старуха жаловалась на болезни, просила не скупиться. Сказал, что оценка рукописей зависит не от меня, что это дело закупочной комиссии.

— Ну да, не от вас, да вы уж похлопочите за меня, видите, какая я бедная.

Обещал похлопотать и спросил, бывает ли у нее врач, не помочь ли получить квалифицированную консультацию. Но в ответ сквозь кашель и слезы: «Землицы бы мне, с могилушки... Отец дорогой...»

Старуха была последовательницей Анисима. Я рассказал ей, что в давнее время был знаком и беседовал в доме на Охте с анисимовцем, неким Егором Матвеевичем Родионовым. Видели бы вы, как преобразилась больная! По старческому лицу стекали слезы, это были слезы умиления.

— Егор Матвеевич! Как же не знать? Знала, знала... Подтянулась, удобнее пристроилась на подушках, а когда мой рассказ кончился, нашла в себе силы рассказать о судьбе Егора Матвеевича. Она была горестной, но и сам Егор Матвеевич не захотел бы иной. Да, в сущности, сам он ее и выбирал. Сперва мастерил санки, в которых в блокадные годы так нуждались ленинградцы. Затем рыл могилы. Днем, а больше ночью, когда никто не видит. Предавал земле ленинградцев — жертв блокады. Как-то утром его и самого нашли мертвым у недорытой могилы.

— Мы с покойным дедом, жив был он еще, похоронили Егора Матвеевича, а пожитков не было у него никаких. Только что тетрадочки. Их мы забрали...

Что показали рукописи

При изучении полученных рукописей стало очевидным, что суждения Е. М. Родионова совпадали с содержанием документов. В них провозглашалось

лояльное отношение к Советской власти, «как подлинной власти трудящихся, уважительное к ней отношение и полное безоговорочное подчинение всем ее распоряжениям, включая и ее распоряжение о призыве в войска». Утверждалось, что община «интернациональна» по составу и что для нее «все религии одинаковы, поскольку, не принижая людей, не культивируя в них рабов, они ведут человечество к доброму на земле и братскому сожительству всех народов». Оговорка «поскольку» означала, что религии, обслуживавшие в прошлом интересы эксплуататорских классов, община осуждает и отвергает.

Община Смирнова исходила из иллюзии, будто возможны какие-то народные религии, служащие трудящимся классам. Декларировалось и понимание бога как живоначальной силы природы: «Союз чтит бога как живоначальную силу природы. В то же время он не признает бога-мстителя, не признает такого бога, который будто бы ежесекундно вмешивается в жизнь людей и наполняет ее то горем, то радостью, то злом, то добром. Ежесекундная перемена жизни не от бога, а всецело от людей, от их поведения».

Итак, Егор Матвеевич не «философ» одиночка. Но все-таки, кого же он представлял? Ведь документы, о которых идет речь, явно написаны кем-то из образованных участников общины, конечно, не самим Анисимом Смирновым, человеком малограмотным. Мы вполне вправе подумать, что автором цитируемых документов был какой-нибудь интеллигент-богостроитель. Не может не насторожить исследователя и то, что указанные документы предназначались к представлению в правительственные инстанции. Авторы их, конечно, стремились представить свою общину в лучшем свете, а может быть, и ввести в заблуждение относительно своих подлинных убеждений и взглядов. Кого же представлял Егор Матвеевич? Не был ли он, сам того не сознавая, рупором верхушки религиозной общины, ловко прибегающей к социальной мимикрии?

Я ничего не могу сказать о подлинных взглядах и убеждениях этой «верхушки», тем более что в ней имелись элементы, у которых вообще отсутствовали

убеждения, за исключением того, что с доверчивых верующих следует «стричь шерсть». Но нет оснований считать, что община выставляла «напоказ» одни идеи, а в своем внутреннем обиходе исповедовала иные. Это подтверждает обращение к другим документам, в частности к проповедям Смирнова. Я познакомлю читателя с отрывком проповеди Смирнова, произнесенной 10 марта 1924 г.:

«...Христос торгующих всех выгнал из храма и разбросал их казну. Теперь вполне получают они по заслугам награду свою и презрение в народе. Неужели, братья и сестры, вам еще непонятно, что они этим обогащались. Цари, министры на ваши деньги пировали в роскошных дворцах, у них всегда был праздник, а у вас вечно великий пост... Но и теперь скажу, долго они держали бы и нас впотьмах, как слепых, если не было бы сердца, за нас обливающегося кровью, которое ждало удобного момента, чтобы поднять клич и вас всех против этих деспотов, и это сердце — Ленин. Он жертвовал всю жизнь для этого, чтобы нас освободить от мертвой спячки и от верования в обряды и дать нам истинный свет учения».

Необходимо напомнить, что в сектах баптистов, евангельских христиан, адвентистов в это время, да и еще несколько лет спустя, царил дух враждебного нейтралитета, глухой, а порой и явной оппозиции экономическому, социальному и культурному строительству нашей страны.

Конечно, свои егоры матвеевичи встречались и в баптистской и родственных ей сектах. С одним из них — адвентистом Василем Григорьевичем мы уже познакомились. Несомненно и то, что, как ни затыкали руководители этих сект рты рядовым последователям, тянувшимся к новой жизни, голос верующих низов был слышен и влиял так или иначе на позиции руководителей.

Ничего определенного не берусь сказать об идейных позициях Смирнова. Однако не исключено, что Смирнов думал так же, как говорил, что он и сам проникался настроениями окружавшей его среды, стремился в меру своих возможностей выразить их, придать им известную стройность, что он в публичных выступлениях перед единомышленниками оста-

вался таким же, как и в официальных декларациях, подававшихся от его имени. И фактом остается, что рядовым верующим, почитавшим Смирнова, нужно было именно то слово, которое они от него слышали: слово о вере, но о такой вере, которая стремится к самоопределению на почве поддержки и участия в строительстве новых форм социальной жизни.

Почему же в общине Смирнова верующие жили не по тем идейным стандартам, которые в это же время господствовали в баптизме, евангелизме, адвентизме? Полагаю потому, что они принадлежали к иным социальным кругам. Среди последователей Смирнова (за небольшим исключением) не было мелких хозяйчиков, деревенских спекулянтов, торговцев. Последователи Смирнова принадлежали к социальным низам города, тем их элементам, у которых были ослаблены, а зачастую и вовсе оборваны связи с рабочим классом. Таковы были те, по выражению Егора Матвеевича, «колоски», которые подбирал Смирнов в свою трезвенническую общину.

Это были социальные элементы, оппозиционные образу жизни эксплуататорских классов, и вербовались они в трезвенничество не просто из городского населения, а из населения крупнейшего пролетарского центра, колыбели Октябрьской революции — Ленинграда. Это и есть особенность состава общины Смирнова, обусловившая идейное своеобразие его проповеди. И у Чурикова в его проповеди можно обнаружить мотивы своего рода «социального евангелия». Смирнов же сделал их ведущими в своей проповеди.

Что же касается Егора Матвеевича, то он представлял религиозную среду, к которой принадлежал и в которой выделялся как раз умением аргументировать свои взгляды, придать им связанный, более или менее четкий характер. И это повышает интерес к его фигуре.

Из области размышлений

Историк-исследователь имеет дело с архивами. В богатейших рукописных собраниях страны он ищет материалы, позволяющие ему понять и реконструи-

ровать страницы прошлого. Это относится и к исследованию духовной жизни, культуры минувшего времени. Но в последнем случае историк, особенно же историк религии, располагает и дополнительными возможностями обогатить необходимый ему материал. Что это за возможность?

Начну с примера. Вот я читаю проповедь Анисима Смирнова, с извлечениями из которой читатель уже знаком. Проповедник критикует поклонение иконам, которого требует церковь, и оснащает критику ссылкой на ветхозаветного пророка: «Он (пророк.— *А. К.*) ясно говорит, что плотник пошел в лес, срубил дерево и выстругал доску, красками нарисовал изображение по фантазии художника, обложил золотом и серебром и вы на плечах понесли их, называя богами, молитесь и кланяетесь им, изделию рук человеческих».

В 1947 г., когда ко мне попали сочинения трезвенников, я уделял много времени и внимания архивным розыскам сочинений русских еретиков второй половины XV — начала XVI вв. Я обнаружил, в частности, книгу библейских пророчеств — рукопись конца XV в., на полях которой делал отметки знаменитый еретик своего времени Иван Черный, служивший писцом у великого князя Ивана III. Иван Черный, как и другие еретики его круга, критиковал православную церковь, между прочим, и за ее учение о поклонении иконам.

И вот на листе 89 рукописи читаю отмеченный Иваном Черным текст (даю его в переводе на современный русский язык): «Плотник, выбрав дерево, протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделывает его резцом, и округляет его, и выделяет из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме. Он рубит себе кедры, берет сосну и дуб, которые выберет между деревьями в лесу, садит ясень, а дождь возращает его. И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из этого же делает бога и поклоняется ему, делает идола и повергается перед ним».

Как близки друг другу по мысли оказались рели-

гиозные проповедники, разделенные по времени пятьюстами лет! Число подобных примеров нетрудно умножить. Но сильны примеры эти не числом, а тем, что они «ниточки» одной и той же идеологической ткани. В практике конкретных исследований религиозного сектантства открывается интереснейший феномен: верующие собеседники нередко мыслят понятиями, принадлежащими эпохам, давно ушедшим. В людях второй и третьей четверти XX в., с которыми я общался, жил «ветхий Адам» отдаленных эпох идеологического развития.

Я позволял себе своего рода социологические эксперименты — говорил с моими собеседниками в соответствующем конкретному случаю понятийном ключе и убеждался, что ход их мысли, внутренняя логика их рассуждений бывала именно такой, какой того требовал образ мышления рационалиста, пантеиста, деиста и т. д. Религия в силу своей консервативности играет роль «заповедника» пережиточных форм общественного сознания, идейных систем, психических структур. Конечно, в современном религиозном сознании эти системы и структуры не существуют в «чистом виде». Они и осложнены, и деформированы, и полустерты под влиянием действительности. Но и такие, какие они есть, они поддаются обнаружению и исследованию, что важно и актуально, даже если эти пережиточные системы и структуры сознания действуют «вполсилы» или в еще меньшую долю.

Но не слишком ли в сторону ушел автор, обещавший вернуться к фигуре Егора Матвеевича Родионова? Да ведь это о нем и говорится, правда, в общей форме. Я только что назвал религию «заповедником» пережиточных форм идеологии и психологии. Но это не гербарий, в котором «формы» наколоты в раз навсегда отведенном для них месте. В «заповеднике» происходит движение, особенно же на крутых исторических перевалах. Егор Матвеевич сперва был православным, потом стал последователем Чурикова, наконец, когда Анисим Смирнов увел часть сторонников Чурикова, Егор Матвеевич ушел с ним и уверовал в «живоначальную силу природы». Октябрьская революция сорвала с «мертвой точки» дремавших на своих религиозных якорях верующих, осво-

бодив многих от пут религии, а других побудила критически посмотреть на привычные верования.

Плеханов писал когда-то в статье о Глебе Успенском, что мысль крестьянина, порабощенного «властью земли», может дойти до создания какой-нибудь рационалистической секты, но никогда не сумеет подняться до материалистических взглядов на природу. Егор Матвеевич был не крестьянином, а ремесленником, жил не в деревне, а в столице. Но, предоставленный в умственном развитии себе самому, он не вышел за пределы религиозной формы сознания. Однако, поверив в правду Октября, Егор Матвеевич поднялся на ступеньку выше того крестьянина, о котором писал Плеханов.

Мысль Егора Матвеевича хотя и не дошла до материализма, но в стремлении к идеалам, провозглашенным Октябрем, к участию в борьбе за них, по существу, приперла бога «к стенке». Она вращалась в сфере пантеистических и деистических представлений. Да, в среде религиозных руководителей немало было в 20-х годах приспособленцев. Но ни Егор Матвеевич, ни знакомый читателю Василь Григорьевич, ни некоторые другие персонажи этой книги, встреча с которыми читателю еще предстоит, приспособленцами не были. Никакие исторически сложившиеся «заповедники» не остались вне воздействия и влияния Великой Октябрьской революции, открывшей путь к социализму стране и миру.

Однако отклик со стороны верующих на Октябрьскую революцию, поскольку они оставались верующими, выражался на языке понятий и представлений, которым они владели. С помощью этого языка они пытались выразить новые мысли и чувства, идейно самоопределиться, не выходя при этом за религиозные рубежи. И вот что любопытно: люди, о которых я пишу, в своих идейных исканиях не просто плодили те или иные религиозные фантазии, носились без руля и ветрил в море мысли. Сами того не подозревая, они невольно повторяли путь, пройденный в прогрессивном историческом развитии общественной мыслью.

Они говорили на языке понятий рационализма, пантеизма, деизма. И, предоставленные собственно-

му своему развитию, дальше пойти не могли, застревали на определенной ступени.

В моем опыте социологических исследований я уделял наибольшее внимание этим «застрявшим». К ним, «застрявшим», особенно относится совет Ленина о распространении атеистической литературы конца XVIII в., его предупреждение о том, что глубоко ошибочным было бы думать, будто широкие массы верующих, особенно крестьянские и ремесленные, «могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения» [1].

Но как же важно, имея в виду плодотворность научно-атеистического просвещения и воспитания, знать, на какой именно ступени общественно-идейного развития «застряли» те или иные верующие!..

Читатель, вероятно, поинтересуется современным состоянием трезвенничества. Пользуясь данными, содержащимися в диссертации, о которой шла речь в начале главы, можно сказать, что трезвенничество хотя и не исчезло совсем, однако потерпело крах. Уже не десятки тысяч последователей, как это было в первой половине 20-х годов, а несколько тысяч насчитывает оно. Район их деятельности — прежний. Существуют (в Ленинграде) две группы анисимовцев в составе примерно двухсот человек.

И, что показательно, давно уже нет в трезвеннической среде фигур, подобных Егору Матвеевичу с его идейными исканиями и социальными интересами. Они стояли на пути отхода от религии и под влиянием нашего социального и культурного развития давно перешли на позиции научного материализма и атеизма. У нынешних анисимовцев и проповедь «трезвенности» сходит на нет, уступив место откровенному знахарству.

Трезвенничество и в чуриковской, и в анисимовской его ветвях, как ни сократилось число его последователей, остается объектом научно-атеистической пропаганды. Это актуальная воспитательная задача.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЕЗДКА К МЕННОНИТАМ [1]

Конец июня и бóльшую часть июля 1930 г. я провел в Запорожье, в Хортицком районе, где еще в 1790 г. появились колонии меннонитов. В течение первой четверти XIX в. в этом районе возникло еще десять колоний. Таким образом, я посетил один из старых и крупнейших очагов меннонитской секты в России, намереваясь написать книгу по истории секты.

Накануне Октябрьской революции в России имелось до 80 тыс. меннонитов. Это составляло приблизительно четвертую часть последователей секты меннонитов во всем мире. Само собой понятно, что для историка было заманчиво разобраться в материалах, характеризующих экономическое состояние, общественные отношения, сложившиеся в меннонитских колониях, изучить их политическую роль, особенности этой религиозной секты.

Между тем в 1929 и 1930 гг. развернулись события, показавшие, что книга, ограниченная историческим прошлым секты, никак не сможет удовлетворить запросы читателя.

---

[1] *Меннониты* — протестантская секта, названная по имени ее основателя Менно Симонса (1496—1561) — голландского проповедника, порвавшего с католицизмом и примкнувшего к буржуазному крылу реформационного движения в Нидерландах. Преследуемые католической реакцией, меннониты эмигрировали из Нидерландов в Северную Германию, Пруссию и Польшу, а с конца XVIII в. начали поселяться в России. Характерной чертой меннонитства является отказ от воинской службы, проповедь «ненасилия», общественная самоизоляция при одновременном признании «священной» частной собственности, требовании прилежания и трудолюбия в сфере материально-имущественной жизни. У меннонитов имеется институт дьяконов и священников. Обряд крещения совершается над взрослыми.

В эти годы в религиозном сектантстве произошла поляризация социальных сил, вплетавшаяся в общую картину острой классовой борьбы в ходе социалистической реконструкции деревни. Социально-классовое размежевание, обострение противоречий между верхами и низами в сектах, разрыв с религией части верующих, а с другой стороны, всевозможные экстремистские акции имели место в те годы во всех религиозных сектах.

Что касается меннонитов, то по почину их кулацкой прослойки поднята была широкая кампания за эмиграцию из Советского Союза. В силу специфических особенностей меннонитства эта эмиграционная акция получила поддержку в среде рядовых верующих, хотя и далеко не столь широкую, а главное, не столь устойчивую, как хотелось инициаторам кампании за эмиграцию.

Кампания была быстро подхвачена зарубежными меннонитскими организациями, возникли специальные объединения, назначение которых состояло в мобилизации финансовых средств и разработке практических мероприятий для придания планомерного и массового характера выезду меннонитов за пределы СССР. Все это сопровождалось шумихой в западноевропейской религиозной и нерелигиозной печати, проведением на Западе собраний и митингов в поддержку меннонитов, якобы преследуемых в СССР за свои религиозные убеждения. Внутренней пружиной шумихи за рубежом являлось стремление буржуазной пропаганды мобилизовать общественное мнение против СССР как страны, строящей социализм.

В ноябре 1929 г. несколько тысяч меннонитов из Запорожья, с юга Украины, Поволожья съехалось в Подмосковье, чтобы затем продолжить путь за пределы Советского Союза. Это была крупная антиобщественная демонстрация. Подобного рода акции имели место не в одной меннонитской секте. Так, к осени 1929 г. руководители духоборческих и молоканских общин, связавшись со своими единоверцами за рубежом, заявили Советскому правительству о намерении нескольких тысяч духоборцев и молокан выехать в США и Канаду. Среди молоканского населения Сальского округа Северо-Кавказского края начал функ-

ционировать «Переселенческий комитет» — антиобщественная организация, состоявшая в основном из кулацких элементов. Она угрожала осуществить эмиграцию из СССР явочным порядком.

Мотивы? «Среди нас нет кулаков»,— заявляли духоборческие руководители. «Мы не можем пойти в предлагаемые нам государственные совхозы и колхозы»,— заявляли руководители молокан. Само собой разумеется, что молоканско-духоборческая эмиграционная акция в 1929—1930 гг., подобно менонитской, была широко использована буржуазной печатью в США и Западной Европе.

Эти выступления использовались как доказательство существования «религиозных гонений» в СССР деятелями многочисленных религиозных организаций в капиталистических странах — католических, протестантских, иудейских и др. Дело кончилось объявлением пресловутого «крестового похода» против «религиозных преследований в СССР», провозглашенного папой Пием XI 2 февраля 1930 г. Все средства печатной и устной религиозной агитации во многих капиталистических странах были мобилизованы в поддержку «крестового похода».

Это была попытка со стороны реакционных кругов настроить против Советского Союза широкие массы трудящихся в странах Запада. Но «крестовый поход» явился и «живой» реакцией империалистической буржуазии на успешное строительство основ социализма в нашей стране, прокладывавшей в неимоверно сложных и тяжелых условиях столбовую дорогу всему человечеству к светлому новому миру.

В середине марта 1930 г. я на несколько дней приехал в Москву. Конечно, зашел на Сретенку, 10, где помещался Центральный Совет Союза воинствующих безбожников, и был направлен в Колонный зал Дома Союзов. Там 19 марта 1930 г. проходил митинг протеста московской интеллигенции против клеветнического «крестового похода», объявленного римским папой. Зал полон. Здесь собрались представители всех отраслей науки, искусства, литературы. С речью выступил Е. М. Ярославский.

...Какая сила убеждения исходит от оратора и передается залу, то и дело откликающемуся аплоди-

сментами! Живая, полная прямых обращений к аудитории речь! Речь, нацеленная и далеко за пределы зала, к трудящимся и интеллигенции СССР и всех стран мира, взывающая к союзу науки и социалистического труда. Ярославский вспоминает якутского учителя, сказавшего в феврале 1917 г.: «Разве вы когда-нибудь видели, чтобы духовенство шло впереди живых, оно идет только впереди мертвых». И ассоциация: «И вот этот поход, который сейчас во всей Европе, во всем мире разворачивается,— разве это не есть поход церкви впереди умирающего капиталистического мира?..»

Ярославский говорит о «Коммунистическом манифесте» и статье Ленина «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», об «обезьяньем процессе» в Америке и преследовании художника Георга Гросса в Германии, сочными мазками рисует лицо инициаторов «крестового похода», приводит интереснейшие справки из истории спекуляций церковными реликвиями, информирует слушателей о выступлениях прогрессивного духовенства на Западе...

История и современность, прошлое и настоящее — многопланова, разнообразна, остра эта агитационная речь! Я рассказываю об этом, стремясь передать ту горячую атмосферу, в которой рядовые антирелигиозники, делая свое скромное дело, ощущали себя участниками всемирной борьбы между капиталом и пролетариатом.

Да, в будущую книгу о меннонитах я должен вписать главу, посвященную их сегодняшнему дню, событиям их жизни за 13 лет Октябрьской революции. Но для этого необходимо окунуться в действительность меннонитства, все увидеть собственными глазами, поговорить с меннонитами.

Встречи и впечатления

Итак, я в Запорожье. Первый путь в организацию Союза воинствующих безбожников. Принимает меня заместитель председателя организации А. Новицкий. Очень положительно относится к целям поездки. Зна-

комит с обстановкой в хортицкой организации Союза воинствующих безбожников. Рассказывает о деятельности меннонитских проповедников.

Следующим утром я выезжаю в Хортицкий район. Мне советуют обратиться к работникам народного образования, они могут рассказать об обстановке, познакомить с интересными людьми. И вот в Хортице я встретился с Николаем Максимовичем. Он был работником просвещения, в недавном прошлом — жителем Днепропетровска.

Судя по его информации, обстановка была сложная: среди меннонитов-учителей еще имелись лица, препятствовавшие участию своих учеников в работе школьных общественных организаций, в помощи колхозникам. Они пытались организовать бойкот родителей, которые не мешали детям участвовать в общественной жизни, вступать в пионеры и в комсомол. Это были учителя, заявившие на педагогической конференции, что считают предосудительным пение «Интернационала», поскольку в нем есть слова: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь, и не герой», отказывавшиеся выполнять учебный план на уроках истории в той его части, которая отводилась урокам по истории Октябрьской революции. Они и слышать не хотели об антирелигиозном воспитании в школе; были случаи, когда на уроках естествознания, ссылаясь на какие-то якобы современные работы, такие учителя утверждали, что учение Дарвина опровергнуто и что сам Дарвин на смертном одре якобы отказался от своего учения.

В Хортице и в меннонитских колониях района, как рассказал Николай Максимович, продолжалась агитация за выезд из СССР. Несколько меннонитов отказались по религиозным убеждениям служить в Красной Армии.

Среди тех меннонитских элементов, которые в 1929—1930 гг. активно противодействовали коллективизации, особенно выделялся проповедник Зименс, привлеченный к ответственности за провокационную деятельность. Он систематически пропагандировал среди верующих идею эмиграции из СССР, пользовался своим влиянием, чтобы внедрять в сознание верующих мысли о том, что Советская власть стре-

мится запретить меннонитам придерживаться их вероучения.

Я спросил, знал ли, встречался ли лично Николай Максимович с Зименсом?

— Да, встречался, разговаривал, был настолько наивен, что пытался его образумить.

Меня интересовали впечатления Николая Максимовича об учащихся в здешних школах. «Впечатление хорошее,— ответил он,— тянутся к новой жизни. Участвуют в самодеятельных театральных кружках, у нас в школах есть свои «синеблузники». К общественным поручениям относятся ответственно. Дисциплинированны. Отстающих по учебе мало. Пожалуй, слишком для своего возраста серьезны. Здешняя детвора то ли немного скованная, то ли это у них нрав такой. Вот еще особенность: по всем предметам учатся прилежно, но арифметике, алгебре, геометрии, физике отдают предпочтение. Эти предметы, считают они, полезны для жизни. Польза у них — главное мерило. Практическая польза. История, география, литература, ну, как бы это сказать, отношение к этим предметам вежливое. Не больше. Много ли верующих? Увы, много. Безбожников среди учеников если будет процентов двадцать, то хорошо. И то — скрытых безбожников. И все же для нас сейчас «трудновоспитуемые» не дети, а их родители».

Далее Николай Максимович рассказал о событии, происшедшем незадолго до моего приезда в Хортицкий район. В селе Широком намечено было раскулачивание 12 семейств. Накануне в доме кулака Энса собрались те, кого наметили раскулачивать. Пришли и проповедники — Гисбрехт, Нейфельдт. Чтобы привлечь на свою сторону симпатии населения в Широком, Розенбахе и других селениях, кулаки Бергман, Дик раздарили беднякам скот. После Энс и проповедники разошлись по селам и стали будоражить: «Большевики выселяют все Широкое!» Часть жителей поддалась панике. Многие на повозках, кое-кто и верхом отправились в Широкое, предводительствуемые проповедниками. Кричали: «Верните мучеников!» (имелись в виду раскулаченные). Некоторые кричали: «Притесняют веру!» Местным властям стоило огромных усилий успокоить людей,

поддавшихся на провокацию кулаков и меннонитских проповедников.

Я решил скорее поехать в Широкое, чтобы по свежим следам события, о котором узнал, собрать дополнительный материал.

Николай Максимович меня попридержал:

— Успеете еще съездить. Хочу предложить вам сопровождать меня в бывшую колонию Розенгарт. Я туда на два дня в командировку. Вы увидите там совсем не тех меннонитов, о которых мы сейчас говорили. Увидите меннонитов-колхозников, о которых идет слава по всему Запорожью. Есть там и весьма для вас интересный собеседник, бывший учитель начальной школы, старик лет восьмидесяти. Он слывет у меннонитов за «живую историю». С проповедниками не ладит или они с ним не ладят, не знаю. В общем-то, умница. Держит себя просто и независимо.

Я согласился. Поездка с Николаем Максимовичем, во время которой состоялось мое знакомство со старым меннонитом-учителем, оказалась самой богатой и разносторонней по полученной информации. Но расскажу сперва о Широком, а потом вернусь к виденному и слышанному в Розенгарте.

В Широком я сразу же отправился в сельсовет. Выяснилось, что раскулаченные семейства держали под своим влиянием многих жителей села, что выступавшим против них местным активисткам Вейс и Заводской угрожали физической расправой, что бывший председатель сельсовета Петерс, боровшийся с влиянием кулаков, вынужден был оставить свой пост. Меня познакомили с несколькими молодыми людьми из меннонитских семей, которые порвали с религиозными традициями и вступили в комсомол. В разговорах опять всплыли имена кулаков и проповедников Зименса, Нейфельдта, Энса.

Во время голода 1921—1922 гг. эти лица ведали распределением продовольственных и вещевых посылок, приходивших от американских благотворительных организаций, в частности и от американских меннонитов. Они присваивали львиную долю посылок себе, а остальные продукты и вещи использовали как орудие влияния, отказывая одним и наделяя по

произволу других. Они при этом третировали бедноту, приходившую за помощью: «Уходите с пустыми руками, они не чисто у вас вымыты».

Комсомолка В. с головой, повязанной красной косынкой — в те дни в меннонитской среде это было вызовом,— собранная, живая, всем своим внешним и внутренним складом — комсомолка, поведала об одном драматическом случае: «В селе Широком... голод 1921 года сказался сильней, чем в других колониях. Однако кулаки не голодали. Присвоив посылки из Америки, отобрав у бедноты последние крохи, они составили себе большие запасы хлеба, мяса и прочих продуктов. В наиболее тяжелые дни голода кулаки Берген, Зименс, Энс и другие выставили в просторных окнах своих домов напоказ караваи хлеба, окорока и т. д. Они со злорадством посмеивались, когда проходившие мимо истощенные люди, у которых пухли от недоедания дети, останавливались и с завистью смотрели на выставленную в этих «витринах» снедь.

Однажды несколько голодных женщин — Дергсен, Тиссен и другие — разбили стекла и вынули хлеб. Кулацкая расправа была жестокой. Кулаки Николай Берген, Крекер с помощью нескольких других избили до полусмерти несчастных женщин, посягнувших на кулацкое добро, а когда те немного оправились, заставили их ползти на коленях по грязным проселкам Широкого и кланяться в ноги каждому встречному с возгласом: «Простите нас, мы украли». Одна из этих женщин на всю жизнь осталась калекой».

В день моего приезда в Широкое с дома одного из раскулаченных работники сельсовета снимали печати. Я подошел к ним.

Ну и дом! Гостиная, столовая, детская комната, спальня. Две комнаты для сезонных рабочих и батраков. Зимняя кухня (во дворе есть и летняя кухня). Гардеробы, комоды, шкафы — пусты. Личные вещи хозяева при отъезде забрали.

Сельсоветская комиссия составляет опись имущества, после чего переходит в коровник и конюшню.

Да, переворачивать социальный быт, так характерно запечатлевшийся вот в этой усадьбе, было не-

легко. Ведь кулацкие усадьбы выступали в сознании других меннонитов как пример, достойный всяческого подражания.

Мой знакомый Генрих Корнеевич

Розенгарт — село небольшое, живописное и оправдывает свое название — Розовый сад. Здесь любят цветы и умеют за ними ухаживать. Цветы в каждом дворе, и, несмотря на жару, они свежи и крепки.

В селе тихо, безлюдно. В разгаре сельскохозяйственные работы, и люди в поле.

Знакомлюсь с одним из руководителей сельскохозяйственной артели, образовавшейся здесь в прошлом году. Он рассказывает, как организован труд в артели, какие виды работ определяют ее хозяйственное лицо. Плановые задания артель ведет с перевыполнением. Запорожские организации представили трудовой рапорт артели XVI партийному съезду и ходатайствуют о награждении ее орденом.

— Вы говорите,— обращается он к Николаю Максимовичу,— что у нас везде следы напряженного труда. Спасибо за похвалу. Да, план перевыполняем, но не благодаря рекордам отдельных работников, а потому, что все работают добросовестно, усердно. А ведь нелегко было раскачать людей на коллективное хозяйство, хотя до образования артели у нас уже существовало товарищество по совместной обработке земли. Одного собрания я никогда не забуду. Понимаете, кончил товарищ из округа свою речь, все сидят, как воды в рот набрали. «Что же,— говорит докладчик,— молчите?» Тишина. Он опять обращается: «Может быть, непонятно вам, что я сказал? Давайте, спрашивайте!» Тишина. Докладчик стал терять терпение: «Это,— говорит,— у вас круговая порука?» Что за «круговая порука», никто не понял, но ясно было, что это что-то обидное. Стали поодиночке выходить из конторы. Председатель тоза призывает к порядку, но люди не слушают, выходят. И вдруг поднялся старик, Генрих Корнеевич, бывший учитель — я вас с ним познакомлю,— и обратился к собранию. Тут кто поднялся было со скамеек, при-

сели, а кто направился к двери — остановились. Генрих Корнеевич сказал так: «Колесо жизни повернулось. Оно повернулось, хотите вы этого или нет. Но знайте, те, кто не хочет, и вы будете поворачиваться с ним, но только как грязь, налипающая на колесо. Нам говорят, колесо повернулось вперед. Может быть. Этого не знаю я, не знаете вы, но и те, кто говорят: оно покатилось в канаву — тоже не знают. Ведомы богу от вечности все дела его. Но вот что мы знаем: поступать до́лжно так, чтобы колесо кружилось передним ходом, раз оно кружится. Это наш долг перед богом и миром. И перед самими собой. Я говорю как меннонит. И как учитель, который многих сидящих здесь учил грамоте и называл «дети»». Так вот с каким сознанием, называйте его как хотите, наши селяне пошли в колхоз. А как они трудятся, я уже говорил. Поживете у нас — увидите сами.

Мы с Николаем Максимовичем походили по селу, выехали в поле, во вторую половину дня посетили животноводческое хозяйство, насчитывавшее около трехсот голов крупного рогатого скота. Хозяйством ведал опытнейший животновод, местный житель, одним из первых вступивший в колхоз. Перевалило ему за семьдесят, но видно было, что это человек крепкого здоровья и увлеченный своим делом. Продемонстрировал лучшую из своих подопечных, дававшую ежедневно около 28 литров молока.

Меня устроили на ночевку к старому учителю, с которым мне не терпелось свести знакомство. Генрих Корнеевич — так звали учителя — увидел нас издалека и ожидал у ограды двора. Приветливо поздоровался, позвал в дом, провел в комнату, в которой стояли два массивных шкафа, набитых папками и книгами, усадил на диван. Не помню, о чем был разговор в первые минуты, но обмен общеобязательными любезностями, ничего не значащими фразами был сведен к минимуму.

— Я хотел бы подготовиться к ответам,— сказал он.— Назовите вопросы, которые вас интересуют. Буду стараться быть вам полезным.

В свои 78 лет он был юношески строен и худ, что подчеркивал его длинный, темный сюртук. У него было выразительное, запоминающееся крупными и

резкими чертами лицо, загорелое, с выдающимися скулами. Из-под густых белесых бровей смотрели светлые, полные мысли глаза. Большие, красные, натруженные руки. И голос был запоминающийся — низкий, небогатый модуляциями, пожалуй резкий.

Самое интересное состояло в том, что Генрих Корнеевич сам в течение ряда лет собирал материалы и писал очерки по истории меннонитов в России. Он задумал свой труд как историю одной меннонитской семьи, начиная с первых лет ее поселения в России и кончая нашими днями. Это была семья самого Генриха Корнеевича. Он показал вычерченное на большом листе ватмана высокое и ветвистое генеалогическое древо с округленными номерками на его корнях, ветвях и чем выше, тем на более пышной кроне. Каждому номерку соответствовала папка в книжном шкафу, а в ней материалы, относящиеся к жизни и деятельности обозначенного номерком лица.

Генрих Корнеевич проследил историю превращения земельного участка одного из своих предков, составлявшего в 1790 г. 65 десятин, в земельную собственность размером в 730 десятин в 1914 г. Он показал превращение ремонтной мастерской, основанной одним из его родичей в середине XIX в., в завод сельскохозяйственных машин с полумиллионным денежным оборотом к началу XX в. Но были и номерки, под которыми значились безземельные меннониты, меннониты-ремесленники и меннониты, протестовавшие на свой лад против всесилия проповедников и богачей.

Генрих Корнеевич с готовностью раскрывал свои папки и сопровождал объяснениями находившиеся в них материалы. Так продолжалось несколько дней, в течение которых я был его гостем. Он охотно предоставил мне возможность делать выписки из его материалов. Я обнаружил среди них биографии меннонитов — участников забастовок в 1905 г. и выразил свое удивление. Тут я и заслужил упрек в том, что сосредоточил свое внимание на подборке фактов о меннонитах-капиталистах — земельных собственниках и фабрикантах, об их прислужничестве самодержавию, контрреволюционных выступлениях и действиях.

Генрих Корнеевич хотел как-то смягчить неприглядные факты, которые свидетельствовали о капиталистической эксплуатации на землях и предприятиях меннонитов, об их раболепстве перед царизмом. Он считал, что капиталисты-меннониты якобы больше считались с материальными нуждами своих рабочих, чем православные помещики и фабриканты.

Как-то в разговоре всплыло имя меннонита Ивана Ивановича Тиссена, владельца мельницы в Екатеринославле с годовым оборотом в полтора миллиона рублей.

— Тиссенов было много,— сказал Генрих Корнеевич,— в их числе я знал одного Тиссена, революционера из Верхней Хортицы. Это был идейный человек, посвятивший революции жизнь. Он был знаменит в Хортице, и его хорошо знали и высоко ценили революционеры в Александровске. Его преследовали, он скрывался от полиции, правда, не очень ловко. Человек прекрасной души, в практической жизни он был неумелым. Вам-то надо бы знать об этом Тиссене, и, как вы собираетесь писать о меннонитах, упомянуть и о нем, а не только о Тиссене, владевшем мельницей.

Я и упомянул в рукописи своей книги о Тиссене революционере, и о забастовке хортицких рабочих в 1905 г., и об участии рабочих-меннонитов в забастовках железнодорожных мастерских и торгово-промышленной фирмы Леппа и Вальмана в Александровске, завода Коппа в меннонитской колонии в Шенвизе, чугунолитейного завода меннонитов Классена и Нейфельда в Софиевке. Все по материалам и со слов Генриха Корнеевича. Однако это не вошло в опубликованную книгу по той причине, что в свое время я не сумел сверить полученные данные с другими источниками. Делаю это спустя сорок лет.

Прежде всего о К. Тиссене. В сборнике «На баррикадах. 1905 год в Александровске», изданном в 1925 г., в воспоминаниях старого большевика А. Малеева «Александровская организация РСДРП. 1901—1905 гг.» находим: «К. Тиссен был учитель из немецкой колонии Верхняя Хортица. С ним мы держали связь с осени 1901 года. Ему после первого провала в деревне оставаться было рискованно, и он в качестве «профессионала» приехал в Александровск.

С ним я потом работал в Одессе в 1907 году (под кличкой «Карл»), он тоже участвовал в Картамышевской истории, был избит до полусмерти, оглох. Эмигрировал за границу в 1909 году. Умер в Финляндии перед войной или во время войны. Это был цельный тип, законченный и выдержанный марксист-большевик, много над собой работавший, с большими знаниями» (стр. 6—7).

Подтвердились и данные о рабочем движении на предприятиях меннонитов-капиталистов. Вряд ли нужно обосновывать, что влияние общероссийского революционного движения на социальные низы меннонитских колоний является принципиальным вопросом, заслуживающим внимания исследователей. В книге А. Рейнмаруса и Г. Фризена «Меннониты», опубликованной в 1930 г., мы находим на стр. 18 интересную и важную справку: «Работая с русскими рабочими, они (рабочие-меннониты.— *А. К.*) выходили из рамок пресловутой меннонитской ограниченности и принимали даже участие в забастовках. Когда революция 1905 года докатилась и до южной Украины, многие из меннонитских рабочих участвовали в революционных выступлениях. После поражения революции это им закрыло доступ на прежнюю работу; пришлось покинуть старые колонии и тоже переселиться на новые места. Авторам известна одна сибирская колония (село Милорадовка Павлодарского уезда Семипалатинской губернии), почти сплошь состоящая из бывших вальдгеймовских рабочих».

Вальдгейм — крупная колония, но не Хортицкого, а молочанского очага меннонитской колонизации в России. Сознание меннонитов-рабочих, независимо от того, где они находились, оказывалось отзывчивым на революционную борьбу, какими бы ни были крепкими среди них религиозные традиции. Дело исследователя — показать, каково было реальное значение этой борьбы, ее влияния на население колоний.

К сожалению, после названной книги Рейнмаруса и Фризена данный вопрос не подымался больше в нашей литературе. Между тем в зарубежной литературе можно встретить суждения, будто меннониты обладали неким «иммунитетом» по отношению к революционным влияниям.

Упомяну, что в «номерках» генеалогического древа, вычерченного Генрихом Корнеевичем под датой «1921», я обнаружил имя его племянника, состоявшего в бюро немецкой коммунистической секции Сибири.

Еще один «номерок» на генеалогическом древе Генриха Корнеевича остановил мое внимание. В 1913 г. один из племянников Генриха Корнеевича, проживавший в колонии Гальбштадт Молочанского меннонитского округа, выехал в качестве миссионера в Индию. Сам по себе факт существования русской меннонитской миссии в Индии мне был уже известен по книге чиновника департамента духовных дел С. Д. Бондаря «Секта меннонитов в России», вышедшей из печати в 1916 г.

В 1912 г. миссия русских меннонитов в так называемой голландской Индии охватывала влиянием тысячи человек коренного индийского населения. Одних крещеных меннонитами индийцев насчитывалось до 7500 человек. В школах миссии обучались сотни учащихся. В состав миссии входили миссионеры, проповедники, учителя. Каковы были цели миссии? На передний план выдвигалась цель «христианизации» индийского населения. Предполагалось ли, что духовные трассы, проложенные меннонитскими миссионерами, со временем облекутся в «плоть и кровь» торговых связей, послужат проникновению меннонитского капитала на рынки «голландской Индии»? Это было вполне вероятным, судя по истории многих духовных миссий, занимавшихся «христианизацией» в колониальных и слаборазвитых странах.

Генрих Корнеевич познакомил меня с «Христианским семейным календарем на 1919 год», со многими меннонитскими изданиями, собранными им очень полно. В течение первой половины дня, пока Генрих Корнеевич занят был хозяйственными делами или давал односельчанам советы по агрономии, я делал выписки из интересовавшей меня литературы, из материалов, хранившихся в его папках...

Вечер. Мы с Генрихом Корнеевичем беседуем за столом. Он давно уже не выясняет моих намерений, не проверяет моих знаний. Знакомит меня с новыми и новыми фактами, размышляет вслух. Любознате-

лен. Кое-что из того, что я говорю, записывает. Он спокойно относится к моим возражениям, соглашаясь или не соглашаясь с ними. В собеседнике ценит самостоятельность суждений, что составляет характерную черту и его самого. С любопытством присматривается ко мне — представителю «племени молодого, незнакомого».

Генрих Корнеевич говорит о своих материалах:

— Это разве работа? Так, фамильный склеп, в котором покоится около двухсот биографий. Никому, кроме меня, не нужный.

В голосе боль, горечь, и я не решаюсь поднять глаза на старика. Вставляю в разговор какую-то фразу, что работа большая, нужная, что в ней немало биографий и ныне живущих людей, а потом спрашиваю: «А самого-то себя вы поместили в вашем генеалогическом древе?»

Генрих Корнеевич подходит к ватману — он во время наших бесед вешает его на стене. Показывает на веточку с датой: «1852». Год рождения Генриха Корнеевича. Над ней кружок, пустой, без номера. Это значит, что не существует и папки с биографическими данными. Смотрю вопросительно. Генрих Корнеевич отвечает:

— Я столько наговорил вам, что, вероятно, вы и найдете подходящий для меня номер и напишете, вы ведь литератор или готовитесь стать им.

По-хорошему, но грустно посмеивается.

— Ну что вы напишете?

И серьезно:

— Во мне все эти двести биографий. Мой народ. Я — хозяин участка в тысячу десятин. Я — безземельный. Я — Тиссен Иван. Я — Тиссен Карл. Я — эмигрант. Я — член артели «Сеятель». И я — это я, старый меннонит Генрих, народный учитель, имеющий честь беседовать с вами, молодым человеком, атеистом и литератором!.. Поняли вы меня?

Я понял (и уже с начала знакомства), что сердце моего собеседника огромно, что каким-то частицам его близки самые различные, даже противостоящие друг другу представители меннонитства. Я не сомневался, что мой собеседник говорит то, что думает, но понять, как он сводит вместе свои противоречивые

симпатии, я не мог. Впрочем, какой только эклектизм не вписывается в круг религиозно-сектантской ограниченности!

Сектантская ограниченность — вид духовной слепоты, а тому, кто бродит в потемках, самый извилистый путь представляется прямым. Но когда теперь, накопив жизненный и научный опыт, я возвращаюсь к давним встречам и беседам, моя прежняя оценка их не может уже меня удовлетворить. Любопытно, в моих разговорах с Генрихом Корнеевичем, собственно религиозные вопросы заняли весьма скромное место. Не эти вопросы (несомненно, они на каком-то отдаленном плане фигурировали, как нечто само собой разумеющееся) занимали ум старого меннонита. Определение своих позиций по отношению к новой действительности — вот главный предмет его глубоких раздумий.

Ведь «генеалогическое древо» со всеми ему соответствовавшими материалами являлось, по разъяснению автора, плодом труда последних десяти лет. Следовательно, труд этот был предпринят уже после Октябрьской революции, когда автор его был близок к семидесятилетию. Я склоняюсь к тому, что самый замысел такого труда возник как попытка осмыслить исторический путь меннонитства перед лицом новой социальной действительности.

«Древо» было одно, но по каким только направлениям ни вытянулись его «ветви»! Старый меннонит воспроизвел воочию картину контрастов и, если знал «Фауста», то мог только позавидовать самочувствию его героя: «Но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом». Двести «душ» терзало грудь старого меннонита!

Автор «генеалогического древа» искал выхода из противоречий не для себя самого, а для всего меннонитства. Он верил в него, не только как в систему вероучения, религиозную секту, а как в народность, прошедшую сложный путь и ныне стоящую перед определением своего места в новой исторической действительности. Я напомню слова Генриха Корнеевича: «Колесо жизни повернулось. Оно повернулось, хотите вы этого или нет... поступать до́лжно так, чтобы колесо кружилось передним ходом, раз оно уже

кружится. Это наш долг перед богом и миром. И перед самими собой».

Своеобразие моего главного меннонитского собеседника нельзя, конечно, сводить к его индивидуальным особенностям. Личность интересная, характер особенный, но еще во время нашей встречи мысли мои побежали от Генриха Корнеевича к адвентисту Василю Григорьевичу, с которым ранее я познакомился в Новгороде, к «трезвеннику» Егору Матвеевичу, с которым встречался в Ленинграде. Разные биографии, разные вероисповедания, самобытные и вместе с тем схожие, в чем-то очень существенном, люди. В чем же?

Тот и другой, и третий не обращали свое религиозное мировоззрение против новой исторической действительности, созданной Октябрем. Для них одинаково характерно стремление вписаться в новые общественные отношения, правда не ценой отказа от своих религиозных убеждений. Им приходилось нелегко — на них давили главари сект, противопоставившие себя так или иначе новой жизни, новым путям социального развития. Люди, о которых я пишу, стояли перед трудным вопросом: как в сфере собственных убеждений, и не поступаясь ими, найти место и для новых идейных ценностей, как определить линию жизненного поведения?

Непреложным фактом остается то, что ленинское положение об огромной важности единства людей труда, верующих и неверующих, в борьбе за новую жизнь, за социализм, находило отклик в среде верующих всех религиозных направлений. К этим верующим относились и встреченные мной адвентист Василь Григорьевич, «трезвенник» Егор Матвеевич, меннонит Генрих Корнеевич. Это им и им подобным, а не реакционным деятелям религиозного сектантства предстояло участвовать в созидании нового общественного строя и в ходе этого созидания освобождаться от религиозных пут.

В отличие от некоторых других религиозных сект, изучением которых я продолжал заниматься, к истории и состоянию меннонитства я вновь обратился лишь в последние годы. С интересом ознакомился со статьями, брошюрами, книгами о современном мен-

нонитстве, обстоятельными конкретно-социологическими исследованиями. Выясняется, что истекшее с конца 20-х — начала 30-х годов время внесло большие изменения как в состояние, так и в географию распространения меннонитства. Мне представляется наиболее существенным то, что в секте меннонитов произошла переоценка отношения к выполнению воинского долга. Фактически сейчас все меннониты выполняют его, хотя кое-кто из проповедников продолжает высказывать неодобрение по адресу меннонитов, служащих в Советской Армии.

Почему я считаю эту переоценку наиболее существенным из изменений, происшедших в меннонитстве? Когда в 1923 г. евангельские христиане, а в 1926 г. баптисты признали за всеми своими последователями обязанность выполнять воинский долг, это означало крупный сдвиг в их социально-политических платформах и ориентациях. Это был вместе с тем сдвиг в сторону секуляризации, ибо служба в Красной Армии являлась для сектантской молодежи школой воспитания и просвещения на основе научного коммунистического мировоззрения.

Однако признание воинского долга не затрагивало само по себе религиозного вероучения ни евангельских христиан, ни баптистов. Чтобы признать воинский долг, им не приходилось пересматривать ни одной буквы в своих вероисповеданиях, поскольку таковые допускали несение своими последователями воинских и гражданских обязанностей. Здесь имел место пересмотр позиций нелояльного отношения к Советскому государству, характеризовавшего верхи этих сект в первые годы Октябрьской революции.

Иное дело меннонитство. Вспоминая известные слова Маркса о том, что каждая секта считает себя обладательницей «талисмана», отличающего ее от других сект и сулящего «спасение» ее последователям, следует сказать, что талисманом меннонитства с самого начала его существования являлся отказ — чего бы он ни стоил — от несения воинской повинности. Правда, в первую мировую войну множество меннонитов в Германии и немало меннонитов в России сражались в действующих армиях. Но принципиального и общего отказа от талисмана ни де-юре, ни

де-факто не было. Следует сказать, что уже на рубеже 20—30-х годов имели место факты (иногда и групповые) признания воинского долга молодыми меннонитами. Ныне воинский долг стал общепризнанным в меннонитстве — и это перелом, изменение позиции в одном из самых важных моментов религиозного поведения меннонитов.

Когда баптисты, адвентисты, меннониты, как и все советские люди, трудятся на предприятиях и в колхозах страны, учатся в учебных заведениях, выписывают газеты и журналы, получают полагающиеся им по закону государственные пособия,— это в общем-то обыденные факты. Но когда, например, так называемые истинно-православные христиане обращаются к общественно-полезному труду, знакомятся со средствами общественной информации и т.д.,— это не рядовые и не обыденные для их среды факты, потому что их «талисман» как раз состоял в игнорировании всех форм участия в общественной, в том числе и общественно-трудовой, жизни. Это факт, означающий начало секуляризации их поведения и сознания. Когда «христововеры» («хлысты») разрывают с пост-ничеством и осуждением брачных отношений,— это тоже факт начинающейся секуляризации их сознания и быта, поскольку их «талисманом» является аскетизм, распространенный на все сферы жизни.

Вот почему я рассматриваю переоценку в самых широких кругах меннонитства отношения к воинскому долгу как чрезвычайно существенное изменение.

Что же показывают современные материалы конкретно-социологического исследования бывших меннонитских колоний (Оренбургская область), с которыми я ознакомился? Они характеризуют подавляющее большинство жителей таких селений как добросовестных тружеников, живущих в материальном достатке. Во многих семьях существует атеистическое единство взглядов представителей всех составляющих семью поколений. Существует — и немало — семей с религиозным единством взглядов. Однако наиболее характерной в рассматриваемом отношении является семья, в которой имеется противоречие между старшим и молодым поколением в оценке религии. Мать в большинстве случаев верующая, отец — не

всегда, дети младших возрастных групп часто еще находятся под влиянием верующих родителей. Дети старших возрастных групп, юноши и девушки, в большинстве случаев — атеисты.

Весьма интересны материалы конкретно-социологических исследований отношения к религии детей школьного возраста. Среди детей пятого-шестого классов верующих больше половины. Как правило, верующие дети называют бабушек и дедушек, матерей и отцов в качестве основного источника религиозного воспитания и информации. Положение меняется с переходом в следующие классы. Религиозность улетучивается.

Сумерки меннонитской веры давно наступили. И значение этого факта можно правильно оценить, лишь учтя силу религиозной традиции в меннонитстве, ее тесное переплетение с особым бытовым укладом, упорство, с каким руководители меннонитов стремились изолировать свою среду от антирелигиозных влияний.

Я пишу о своих встречах, беседах, наблюдениях и отнюдь не претендую на полную и завершенную конкретно-социологическую характеристику современного состояния меннонитства как религиозной секты. Заключу свой очерк документом, сильным своей психологической правдивостью, добавлю, и типичностью для хода и исхода внутренней борьбы между верой и атеизмом, как она совершается в реальной жизни. Это сочинение выпускницы Ждановской (бывшей Деевской) средней школы Тильды Д. из меннонитской семьи.

«Я довольно долго верила в бога, до 9-го класса. В 5—6 лет я вместе с бабушкой ходила на молельные собрания, слушала песни и длинные молитвы, в которых ничего не понимала. Когда я молилась или говорила с кем-нибудь на эту тему, передо мной вставал Иисус Христос в своем длинном одеянии с ореолом вокруг головы...

В школе я училась хорошо, там незаметно, что делается в глубине души, а ведь я не одна такая была... Я носила пионерский галстук в школе, а под ним билось сердце, отданное «доброму и всезнающему богу»...

Шло время. Менялось окружающее. Все больше ребят становилось пионерами. Иногда я задавала себе «страшные вопросы»... А правда ли?! В школе говорили одно, а знала я другое. Я видела, как мои неверующие подруги смело говорили о своих планах, о желании вступить в комсомол. А сама я боялась: а вдруг это страшный грех... Если так можно выразиться, я жила на два фронта. В школе делала все так, чтобы греха не получилось. Честно признаться, меня все-таки манила бурная свободная жизнь, но ведь нельзя было: тогда впереди — ад.

И вот 9-й класс. Мы изучаем основы дарвинизма. Ко мне пришло то, что я мысленно хотела. Стало ясно происхождение человека и его развитие, происхождение Земли, природа Вселенной... Меня хотели вовлечь в свои ряды комсомольцы, но я не соглашалась. Лишь весной, после окончания 9-го класса, я подала заявление в комсомол, нашла силы отказаться от религии. Теперь я, по-моему, правильно понимаю этот вопрос, и я никогда больше не смогу прибегнуть к молитвам — они унизили бы меня. Религия — это пережиток, с которым беспощадно надо бороться. Беспощадно, но и осторожно. Бороться с религией надо уметь. Я благодарна атеистам-педагогам нашей школы, которые помогли мне и еще многим моим товарищам найти правильные взгляды на жизнь, найти правильный путь... Я по себе знаю, насколько мне сейчас легче, когда иду по одной тропе, думаю одним образом, чем тогда, когда хотелось жить и в то же время угождать «всевышнему». Мне религия не может, да и другим, думаю, принести счастья. Нам, молодым, хочется жизни интересной, настоящей. Мы не можем сейчас думать о смерти, о загробной жизни: нет времени, нам «надо спешить жить», чтобы оставить хороший след здесь, на Земле, среди живых».

ГЛАВА
ПЯТАЯ

ЗАМЕТКИ О ТОЛСТОВЦАХ [1]

В антирелигиозной пропаганде 20—30-х годов видное место занимала критика религиозного учения Л. Н. Толстого. Велико ли было число последователей этого учения? Нет, оно не было велико, хотя в разных районах страны было рассеяно несколько десятков общин и «коммун» толстовцев. Среди последователей толстовства не существовало устоявшегося мнения, необходимо ли им или нет организовываться в общины. Пожалуй, преобладало мнение, что такой необходимости не существует и число «неорганизованных» толстовцев было бóльшим, нежели состоявших в общинах.

Все же в послеоктябрьский период толстовство как религиозное течение функционировало не без централизованного руководства. Таких центров было два. Собственно толстовский, носивший название «Московский Совет общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого» (возник в 1917 г.), и толстов-

[1] *Толстовцы* — последователи религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, превратившие в догму идеи социальной пассивности, «непротивления злу», «нравственного самоусовершенствования», любви между угнетателями и угнетенными и возводившие в идеал патриархальный строй общественной и семейной жизни. Как общественное течение толстовство возникло в 80—90-х годах XIX в. Л. Н. Толстой высказывался против использования его религиозно-философского учения в качестве новой сектантской доктрины и объединения своих последователей в секту. Однако еще в дореволюционной России возникли сектантские общины, а также сельскохозяйственные колонии, состоявшие из толстовцев.

ско-сектантский «Объединенный совет религиозных общин и групп» (возник в 1918 г.). Оба совета возглавлял близкий сотрудник Толстого В. Г. Чертков. Оба они распались в 1922 г. В дальнейшем роль организующего центра толстовства играла квартира В. Г. Черткова в Москве, вплоть до смерти ее хозяина, последовавшей в 1936 г.

Влияние религиозного учения Толстого выходило за круг его непосредственных последователей. Толстовство воздействовало на ряд религиозных сект, как-то: духоборцев, молокан, малеванцев. В первые годы революции оно привлекало и внимание многих православных, пересматривавших свое отношение к церкви, наконец, имело сторонников и среди верующих, принадлежавших к другим религиозным направлениям.

Чтобы дать общее представление о духе проповеди, которую вели толстовцы, об их отношении к общественной действительности, обращусь к опыту моего старшего товарища, известного исследователя сектантства Федора Максимовича Путинцева (1899—1947), поскольку мои встречи с толстовцами относятся к более позднему времени.

В феврале 1925 г. Путинцев приехал к жителям Большой и Малой Песочни Бежицкого уезда Брянской губернии, среди которых находились последователи толстовства. Собеседниками Путинцева были толстовцы Янов, Гришин, Фролов П. И. и Фролов В. И. Младшему из них было тогда 20 лет, старшему — 27. Образование у всех начальное. Гришин и Янов — крестьяне, один из Фроловых — рабочий, другой — служащий. Все неженатые. Участники собеседования вели протокол, в котором вопросы формулировал Путинцев, а ответы — толстовец П. И. Фролов. По окончании собеседования все его участники подписали протокол. По словам Путинцева, «протокол велся с той целью, чтобы потом не было каких-либо кривотолков с моей или их стороны, так как нам после беседы предстояло сразиться на антирелигиозном диспуте».

Документ получился чрезвычайно интересный. Приведу из него тексты, наиболее важные для понимания социальных позиций толстовцев:

«Вопрос: На чем основывается ваше учение?

Ответ: Учение наше основывается на мудрости общечеловеческой, а главное, на стремлении каждого человека к разумной и правильной жизни.

Вопрос: Что вы считаете общечеловеческой мудростью?

Ответ: Общечеловеческой мудростью мы считаем то самое существенное учение, которое ясно и просто, доступно для всех объясняет смысл человеческой жизни и помогает руководиться в ней. Это определение общее. У всех народов всегда была такая мудрость. Самым же близким для нас, ясно выраженным является христианское учение.

Вопрос: Считаете ли вы приемлемым христианское учение для всех граждан одинаково?

Ответ: Христианское учение — неизбежный путь для всех людей; только в нравственных истинах этого учения совершается прогресс человечества.

Вопрос: Почему человечество не шло этим, по-вашему, неизбежным путем?

Ответ: Мешало этому заблуждение людей и то, что в его существенных чертах христианство не было понято и [было] искажено церковью. Но человечество все же подвигалось в этих рамках: уничтожение рабства, голоса против войн и смертных казней и даже социальное учение лишь односторонне понятое христианство».

Однако «общечеловеческие истины», проповедовавшиеся толстовцами, не являлись ни отвлеченными, ни безобидными. Они имели не «общее», а очень определенное классовое звучание и даже были политически заострены. В этом убеждает все тот же протокол.

«Вопрос: Считаете ли вы допустимой в данное время борьбу с белогвардейцами и уголовными преступниками путем насилия?

Ответ: Раз мы признаем всех людей братьями и желаем им добра, то считаем единственно возможным исправлять людей только добром и разумным убеждением.

Вопрос: Считаете ли вы допустимым для себя участие в классовой борьбе и гражданской войне?

Ответ: Ни в каком случае, ни в какой войне.

Вопрос: С уничтожением власти исчезнет ли экономическое неравенство?

Ответ: Власть только нужна для поддержания экономического неравенства. Если бы было равенство, не было бы и власти.

Вопрос: Значит, Советская власть существует не для уничтожения экономического неравенства, а для его поддержания?

Ответ: Да, как и всякая другая».

Таково было идейное лицо толстовцев, их социально-политическая самохарактеристика. И то, что приводимые выдержки относятся к беседе, происходившей где-то в небольшом селении одного из уездов Брянской губернии и с самыми рядовыми последователями толстовства, лишь повышает познавательное значение ее. И вместе с тем это служит прямым ответом на вопрос, почему в антирелигиозной пропаганде 20—30-х годов уделялось внимание идеологической борьбе с толстовством. Однако между толстовцами не было единства взглядов. Октябрьская революция внесла разлад в их среду.

Скачков-Ширяев, рядовой толстовец из глухого Варнавинского уезда Костромской губернии, писал в местной газете «Коммунист» 19 декабря 1918 г.: «Я не состою в партии большевиков и не принадлежу ни к какой другой политической партии, но благородная идея коммунистов (в осуществлении которой многие сомневаются, а иные даже смеются) наполняет всю мою душу.

Поэтому, желая возможно скорого усвоения идей коммунистов умами всего угнетенного человечества и умами угнетателей (дань толстовству.— *А. К.*) вместе с искренне преданными и честными работниками этой партии восклицаю:

Да здравствуют вожди коммунистов!

Да здравствуют Советы!

Да здравствует народное самоуправление!»

Голос чистый, искренний. И не одинокий. В тот же год Великой Октябрьской социалистической революции крестьянин Велижского уезда Витебской губернии П. П. Пузырев, почитатель Толстого, хорошо известный в окружении В. Г. Черткова, сделал свой бесповоротный выбор: стал селькором, деятельным

сотрудником местных органов Советской власти, а позднее и курсантом-заочником антирелигиозных курсов в Москве.

Эти и им подобные голоса, отнюдь не по-толстовски звучавшие, как правило, исходили от тех представителей толстовства, которые принадлежали к народной среде. Но не они «делали погоду» в толстовстве. Процесс идейно-политического размежевания приводил к разрыву с толстовством многих его последователей. Но был и «верный остаток», и в составе его находились далеко не одни представители дворянской интеллигенции, стоявшие у начал толстовства. В этом, в частности, убеждает и протокол беседы Путинцева с толстовцами-крестьянами, знакомый уже читателю.

А теперь перейду к личным встречам и наблюдениям.

* *
*

В начале 1932 г. я работал в Ленинградском государственном антирелигиозном музее и принимал участие в подборе материалов для стенда под названием «Классовая сущность сектантства и толстовства». Как известно, сектантство принадлежит к числу религий утонченных, упростивших культ и богослужение, и по самому характеру своему дает мало вещевого материала, в котором любая музейная экспозиция крайне нуждается. Кое-что из этого материала было на стенде представлено: например, орудия оскопления, применявшиеся в секте скопцов, пузырьки с маслом, которыми бойко торговали в секте чуриковцев, образцы евангелий американского и английского изданий, нелегально перевезенных в начале 20-х годов через советскую границу. Сектантские журналы «Баптист», «Слово истины», «Христианин» были раскрыты на наиболее интересных страницах. Вот, например, что писал в журнале «Слово истины» один из известных лидеров русского баптизма — Фетлер: «Великие князья, генералы, адмиралы, члены Государственного совета и Государственной думы и министры рады были пользоваться услугами верных сектантов». Не составляло большого труда найти

в сектантских журналах множество текстов, аналогичных приведенному и обнажавших классово-политическую роль религиозного сектантства. Помнится лист с фотографиями сектантских руководителей и под каждой фотографией лаконичная справка: 1. Миллионеры Мазаевы — руководители баптизма; 2. Помещик, гвардейский полковник Пашков — основоположник евангельского христианства; 3. Купцы и фабриканты Жигарев, братья Ненастьевы, братья Плотицыны, Милютины и др.— руководители скопчества и т. д. и т. п.

А вот фотография: общий вид сектантского съезда, происходившего в 1913 г. в селе Астраханке на Мелитопольщине, с надписью: «В память празднования 300-летия Дома Романовых». Раздел, отведенный на стенде критике толстовства, открывался ленинскими словами из статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции»: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества,— и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения» [1].

Ленинградский антирелигиозный музей пользовался популярностью. Его охотно посещали экскурсии рабочих, служащих, красноармейцев, краснофлотцев, учащихся. Немало было и индивидуальных посетителей, в том числе приезжих. Хотя стенд «Классовая сущность сектантства и толстовства» не собирал особенно многочисленной аудитории экскурсантов, но реакция посетителей, останавливавшихся возле него, бывала весьма оживленной. Подавали реплики, вслух обменивались мнениями, иногда возникали споры.

Вспоминается такой эпизод. Маленький человек в парусиновом костюме и парусиновых башмаках снует возле стенда, снимает, протирает, вновь надевает пенсне, в упор разглядывает экспонаты, что-то бормочет и, наконец, сердится в открытую:

— Позор! Что угодно, но выставить великого писателя на посмешище... Позор!

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210.

Кто-то из экскурсантов:

— Гражданин сектант, зря вы гневаетесь...

— Я вам не сектант. Я последователь учения Льва Николаевича. И выставлять здесь Льва Николаевича, Льва Николаевича,— он подыскивал и не сразу сумел найти нужные ему слова,— это, я вам скажу, о-б-с-к-у-р-а-н-т-и-з-м! — Немного выждал и снисходительно: — Может быть, вы не знаете этого иностранного слова? Обскурантизм — значит помрачение, затемнение... Он стоял, запрокинув голову. Клинообразная, устремленная вверх бородка придавала его позе воинственность.

— Сам-то ты темнило,— возмутился кто-то из экскурсантов.— Где ты видишь Толстого?

Собравшиеся у стенда рассмеялись. Действительно, портрета Толстого на стенде не было. Была копия фрески, находившейся в каком-то православном соборе, на которой по заказу церковников Толстого изобразили в аду вместе с другими еретиками.

Между тем у стенда завязался разговор. Высказывались и критические замечания по содержанию экспозиции, но основной темой было, правильно или нет объединять толстовство с сектантством. Неожиданно в разговор вступил старик, весьма внушительной внешности, молоканин из Самарской губернии, как он представился сам:

— Чего тут много гуторить, Лёв Миколаич сам вроде молокан. Я его видел. Он к нам в общину приезжал. Тогда мне лет было двадцать. Все служение с нами отбыл. Опосля на дворе расставили столы, лавки, уселись общиной трапезничать. С нами и Лёв Миколаич. Трапезничает да просит: «Подсыпьте мне вашей молоканской лапши, очень она вкусна». На собрании нашем сидел куда как чинно, а тут за столом и кушает весело, и шуткует. Я в сторонке стоял, только глаза на Льва Миколаича и пялил. Пошли о Христе толковать. Лёв Миколаич всю евангель на память знал, толкует со старцами нашими обоюдно — в духе и истине. Про работу мужицкую выспрашивает. Село наше достаточное было, богатое. Лёв Миколаич говорит старцам: «Все-то у вас ладно, только помните, бывает и работа в соблазн». «Как так?» — спрашивают старцы. «А так,— отвечает,— ежели со-

сед заболел, а ты за работой ему не помог, уже и забыл свое христианство; выходит — соблазн».

Старика слушали с глубоким вниманием, что явно льстило ему. Попросили припомнить еще о Толстом.

— Больше не помню. Вот еще Льву Миколаичу праздник был, восьмидесятилетний. Мы ему адрест послали, всей общиной расписалися.— И вернувшись к тому, с чего пошел разговор: — А насчет веры, так это точно, по-нашему Лёв Миколаич вере учил, а то еще и получше нашего.

Все вспомнили о распетушившемся толстовце. Но его и след простыл.

В селе Рассказове Тамбовской губернии значилось в 1897 г. 11 297 жителей. Из них около 8 тысяч принадлежало к разным религиозным сектам — молоканской, субботнической, «хлыстовской» и др. Вот почему, когда летом 1959 г. в Тамбовской области работала экспедиция Института истории Академии наук СССР, изучавшая современное состояние религиозного сектантства, она уделила большое внимание этому, некогда сектантскому селу.

В 1926 г. село Рассказово было преобразовано в город, в котором ко времени работы экспедиции насчитывалось около 34 тыс. жителей. Среди них число сектантов разных направлений составляло 250—300 человек. Динамика наглядная и убедительная. А впрочем, небезынтересно проинформировать читателя о том, каковы были промежуточные точки спада в кривой нисходящего развития сектантства в Рассказове. В год преобразования Рассказово в город среди его населения еще имелось 3750 сектантов — молокан, субботников, «хлыстов» и др. Временем подлинного краха сектантства в этом городе явились годы индустриализации, социалистического преобразования деревни и культурной революции в СССР.

Мы встречались в Рассказове с представителями всех имевшихся там сектантских направлений. Беседовали со старожилами, с местными деятелями культурного фронта — учителями, библиотекарями, работниками медицины. Порылись и в районном архиве. Так составился запас информации о рассказов-

ских сектантах. Однако в появившихся впоследствии трудах участников экспедиции не отражена любопытная страничка из истории рассказовского сектантства. Имею в виду толстовцев.

На Куйбышевской улице (б. Гимназической) в одноэтажном каменном строении, выбеленном известью, расположено небольшое предприятие, изготовляющее прохладительные напитки. Но в 20-х годах дом этот выделялся странной вывеской: «Здесь училище благочестия. Баня духовная. Столовая духовная. Лечебница духовная». Иными словами, комбинат духовных услуг. Вывеска интригующая. Поддадимся, читатель, любознательности и совершим мысленную экскурсию в этот дом.

Допустим, время послеобеденное. Дом пуст. В большой комнате ряды скамеек. Перед ними кафедра. Она покрыта голубым шелком, по которому вышит белый крест, увешана гирляндами живых цветов. Несмотря на наличие окон, в помещении не хватает дневного света — тем заметнее мерцающие лампадки вдоль стен. Но освещают они не иконы, а репродукции старых мастеров живописи, писавших на религиозные сюжеты. Христос перед Понтием Пилатом, богоматерь с младенцем... Ряд репродукций продолжает галерея портретов. Вот Лев Толстой, а это кто? А это? На портретах надписи: Владимир Соловьев [1], Григорий Сковорода, Иоанн Кронштадтский [2]. И еще, и еще вплоть до Будды и Мухаммеда. Пестрое общество. Странное. Но, по-видимому, имеет какое-то отношение к тому, что названо в вывеске духовными баней, столовой и лечебницей.

Обратим внимание и на обилие надписей на стенах: «Бог есть любовь», «Люди — братья», «Все мы братья — дети одного Отца». Постепенно помещение заполняется. Женщины — их большинство — в белых платьях. У каждой поверх платья стеклянный крест.

---

[1] *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853—1900) — религиозный русский философ-мистик, пропагандировал идеи создания всемирной христианской теократии, высказывался за слияние философии с христианским богословием, призывал к единению всех христиан.

[2] *Иоанн Кронштадтский* (Сергеев Иван Ильич) (1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте, мракобес-монархист, ярый враг революционного движения.

На головах марлевые повязки, перехваченные белой лентой, а на ленте голубые или зеленые вышивки — буквы «ДТЦХ», что означает «Дружина Тела Церкви Христовой». Так называется религиозная община, куда мы пришли.

Но название это не единственное. Наряду и наравне с ним община носит еще два названия: одно — «Новозаветное общество учеников Христа» и другое, совсем любопытное: «Четвертый Интернационал святого духа Ясной Поляны».

Мужчины тоже в «униформе»: все в парусиновых толстовках, при галстуках и с такими же, как у женщин, стеклянными крестами на груди. Пока богослужение не началось, с нами охотно знакомятся, улыбаются нам. И представляются: Божедар, Светозар, Лучезар, а женщины — Светозара, Лучезара, Людмила... Собравшихся немного, человек тридцать — сорок.

Время идет, собрание еще не началось, но вот прощальный луч заходящего солнца проникает в молельню. Это как бы сигнал. «Дружина» подымается. Поет гимн «Христу-Солнцу». Одна за другой следуют молитвы. Это молитвы, принятые в православной церкви. Окончен цикл православных молитв. Теперь следует «молитва Мохаммеда», которого в этой общине называют апостолом. Молитва Мохаммеда сменяется «молитвой Толстого»: «Что я здесь брошен среди мира этого, к кому обращусь и у кого буду искать спасения...» Хором скандируют: «Да будем все едины!» А затем еще молитва. Ее сочинил Великанов, основатель общины и ее руководитель. В зал входит высокая, стройная женщина. В руке несет зажженные свечи. Это «светоносица». Она благословляет огнями собравшихся. Ей целуют руку...

Мне не пришлось быть очевидцем экзотического богослужения, которое я здесь описываю. Я реконструирую его, пользуясь устными свидетельствами и письменными источниками. Одним из наиболее полных свидетельств мы обязаны Надежде Антоновне С., уроженке Рассказова, выросшей в молоканской семье, а позднее вступившей в названную выше общину. Беседу с ней провела сотрудница экспедиции 23 июля 1959 г.:

— Надежда Антоновна, почему вы предпочли молоканству толстовскую общину?

— К тому времени, когда я вступила в общину, отец уже умер. Но дело не в этом. Молоканство отвергает любого другого верующего, который тоже молится богу (т. е. тех, кто исповедует любую другую веру, кроме молоканской). Какая же это истина! Теперь вот что: мы не толстовцы, а ученики Христа. Мы следуем толстовскому учению о христианстве. Толстой любил Христа и искал его везде.

— В чем же отличие вашего вероучения от толстовского?

— Я прежде скажу, в чем мы с Толстым заодно. Мы примиряемся в боге со всеми людьми. Не опровергаем ни одной веры. А в храм можно пойти в любой. Истина одна, неделимая. Дальше. Мы вегетарианцы. В нашей общине никто не употреблял вина, не курил.

— В чем же все-таки разница между учением Толстого и вашей общины?

— Мы, например, не очень отличаемся от православных. Сохраняем крестное знамение. Были у нас как бы и иконы, только не в нарядах, не в золоте и серебре. Красоту мы не отрицаем, но не обоготворяем. Иконы служили нам как напоминание о Христе. Но православные чтут Ветхий и Новый завет, а мы берем только Новый завет, в нем же только то, что говорил сам Христос, а не то, что о нем говорили. Мы не принимаем в Новом завете временные места.

Под «временными местами», как выясняется, понимались легенды о непорочном зачатии, чудесах, воскресении и т. п.

— Что же вы считаете главным в вашем вероучении?

— Душа стремится к свету, хочет мира, все мы единицы, которые жаждут единства. Что людям делить? Три аршина земли всех равняют. Я верю в жизнь вечную. И у меня есть отрада: быть может, моя жизнь перейдет в другие жизни. Вот что я вам скажу. Нашу общину основал Павел Васильевич Великанов. Был с Толстым хорошо знаком. Уважал его. Он не местный. У нас читал народу открытые лекции, больше о нравственности. Община давно пере-

стала существовать. Из тех, кто ее посещал — а люди были все простые,— почти все отошли от нашего учения. Да и было нас человек пятьдесят — шестьдесят. Вот что еще хотела сказать. Я вижу единение людей в нашей стране. Сочувствую ему и радуюсь.

Имя П. В. Великанова известно. Сельский учитель из Нижегородской губернии, он стал последователем учения Толстого, вступил с ним в переписку, побывал у Толстого в Ясной Поляне, потом разошелся с Толстым, писал ему обличительные письма, пересыпая обличения отборной руганью. Толстой возвращал Великанову его письма нераспечатанными.

В начале революции Великанов объявился в Рассказове с непременным желанием совершить «новую революцию», призванную в его воображении объединить человечество. Он попытался сконструировать новую религию, воспользовавшись элементами православия, ислама, буддизма и даже античных религий. Это была религиозная мозаика, наложенная на толстовское толкование христианства. Чтобы придать своему религиозному учению видимость «общечеловеческого», Великанов не ограничился заимствованиями из других религий, но и обратился к произведениям светских авторов, разумеется, избирательно. Наконец, он ввел в общине театрализованный культ, отдавая себе отчет в его значении как средства эмоционального воздействия. В антирелигиозной периодике двадцатых годов мне встречались указания на выпады против атеистов и «современной нравственности», содержавшиеся в великановских проповедях.

Но еще более одиозным представляется мне наименование великановской общины как «Четвертого Интернационала святого духа Ясной Поляны». Почему «четвертый»? Здесь недвусмысленно противопоставление Третьему, Коммунистическому Интернационалу: Всемирной солидарности пролетариата в классовой борьбе против капитала противопоставлено объединение людей «в духе», «в боге», такое объединение, в котором иллюзорно растворяются классовые антагонизмы, и борьбе классов противопоставляется всеобщая гармония душ, устремленных к небу.

Идея толстовская, переформулированная с учетом новой социальной действительности. Вместе с тем знаменателен и этот упор на «единство», на «всемирность». Здесь сказывается не только претензия автора новой религии стать общепризнанным «учителем жизни», выступить в роли Христа XX в. Это и своеобразная дань времени, самосознанию народных масс, для которых Великая Октябрьская социалистическая революция в России открывалась в своем всемирно-историческом значении.

Затея Великанова рассыпалась как карточный домик, как и все другие аналогичные «изобретения» новых религий.

В бытность мою в Рассказове один из учителей посоветовал разыскать в Тамбове некоего Ивана Николаевича, в давнем прошлом народного учителя, увлекавшегося в свое время толстовством. По словам собеседника, Иван Николаевич мог рассказать много интересного, ибо не только сам был толстовцем и проповедовал это учение, но и был известен в московских кругах толстовцев. Беда в том, что фамилию Ивана Николаевича мой собеседник не мог точно припомнить. То ли Сосенской, то ли Липовской, одним словом, фамилия производная от названия какого-то дерева... Все же я разыскал Ивана Николаевича, правда, два года спустя. И вот при каких обстоятельствах.

Встречи в Рассказове обострили мой интерес к толстовцам и послужили импульсом к знакомству с проживавшим в Москве сыном В. Г. Черткова В. В. Чертковым. У последнего я появился в конце 1960 г. Информатором В. В. Чертков оказался скупым. Это был старый, за 70 лет, человек, грузный, угрюмый, безучастный. Я понял, что разговор по существу интересовавших меня вопросов вряд ли перспективен, и спросил, не осталось ли в доме остатков архива отца Черткова, а именно материалов о религиозном сектантстве? Если да, то не согласился ли бы он эти материалы передать, разумеется, за денежное вознаграждение в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина.

Признаться, я не был уверен, что у В. В. Черткова сохранилась хотя бы часть архива его отца. Я хоро-

шо знал, что давно уже этот архив поступил частью в фонды Государственного литературного музея, частью в фонды Музея Л. Н. Толстого в Москве. К моему удивлению, В. В. Чертков ответил, что у него хранятся многочисленные материалы, оставшиеся от отца и не переданные в государственные архивы. «Ящиков семнадцать осталось»,— сказал он. Переговоры с Чертковым прошли успешно, и в 1961 г. оставшаяся у него часть архива его отца поступила в отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина. Она насчитывает около 65 000 листов. В одном из разговоров с Чертковым я упомянул о поездке в Тамбовскую область в 1959 г. и рассказал, между прочим, о некоем Иване Николаевиче, фамилию которого мне не удалось установить. Оказалось, что Чертков знает его и помнит, хотя много лет с Иваном Николаевичем не встречался. Он назвал нужную мне фамилию.

Иван Николаевич проживал в северной части Тамбова в новом пятиэтажном доме. Я застал его в неподходящий для визита момент: босой, засучив по колено брюки, с кистью в руке он красил пол в одной из комнат. Но едва он узнал, что разыскал я его с помощью Черткова, ни за что не захотел меня отпустить.

Это был невысокий, крепкого сложения, розовощекий, очень бодрый, несмотря на свои семьдесят четыре года, человек. В первые же минуты разговора стало ясно, что натура Ивана Николаевича деятельная: лет шесть-семь он уже не работает (был бухгалтером в какой-то строительной организации), но в предместьях Тамбова у него и садик с плодовыми деревьями, и огород, и еще собирается завести пасеку. Живет с дочерью и внучкой, но дочь работает, внучка учится, и домашнее хозяйство вплоть до приготовления обеда лежит на нем.

Немного времени понадобилось, чтобы узнать, что Иван Николаевич вегетарианец и что религиозные идеи Толстого сохранили для него свое значение.

— У нас в Тамбовской губернии последователей учения Льва Николаевича было много. Вот вы рассказываете об общине, которую создал Великанов. Кстати сказать, я не уверен, что именно он создал эту общину. Не в осуждение Великанова, а ради прав-

ды скажу, что он никогда не мог победить в себе греха властолюбия, желания покорить себе подобных. Он искренне верил и все-таки в вере своей любил не столько других, сколько себя самого. Но в Рассказове был не один Великанов и его дружина, еще раньше Иван Иванович Арясов основал там Общество истинной свободы в память Льва Николаевича Толстого. Такие же общества были основаны в Моршанском уезде нашей губернии, одно в селе Архангельском, другое — в селе Алгасове.

Сам Иван Николаевич проживал постоянно в Тамбове, в двадцатых годах неоднократно выезжал в Москву в Объединенный совет религиозных общин и групп по делам тамбовчан-толстовцев и сектантов, отказавшихся от военной службы. По этим делам в Тамбов не раз наведывались и уполномоченные совета. Однако Иван Николаевич не склонен был вдаваться в детали вопроса. Я и не настаивал. Он расспрашивал меня о В. В. Черткове и очень внимательно прислушивался к рассказу о продаже Чертковым архива в библиотеку им. В. И. Ленина.

Столь явный интерес к соглашению между Чертковым и библиотекой побудил меня спросить Ивана Николаевича, не располагает ли и он какой-нибудь документацией, относящейся к толстовству и сектантству? Выяснилось, что да, располагает и готов меня познакомить с ней, только не сегодня, так как должен привести в порядок свои материалы.

В следующее посещение Ивана Николаевича я получил возможность ознакомиться с его архивом. Документы не представляли ничего нового по сравнению с теми, которые в подлинниках находились в архиве, приобретенном библиотекой им. В. И. Ленина. Спросил собеседника, с полным ли составом своего архива познакомил он меня или что-нибудь у него еще осталось? Иван Николаевич замялся:

— Кое-что еще есть, но не знаю, будет ли это интересно?

Попросил показать. Иван Николаевич достал с антресолей толстую папку. Ее содержание составляли его собственные литературные пробы. Я полистал тетради, исписанные каллиграфическим почерком, и убедился, что, кроме почерка, ничего примечатель-

ного в них нет. Должно быть, я не сумел скрыть разочарования на своем лице, так как Иван Николаевич потянул к себе папку; осталась лишь тетрадь, которую я держал в руках.

На этот раз я имел дело не с художественным произведением, а с богословско-этическим сочинением. Речь шла о необходимости и полезности физического, особенно ручного, труда для души и тела и о его преимуществах перед трудом умственным.

— Это ваше собственное сочинение? — обратился я к Ивану Николаевичу.

— Мое!

И добавил:

— Я развивал мысли Льва Николаевича, подтверждая их лично мной пережитым нравственным опытом.

Я долистал тетрадь. Между последней страницей и переплетом находилась вкладка: машинопись на трех страницах.

— Это не мое,— предупредил Иван Николаевич.— И я не разделяю изложенного здесь образа мыслей.

Вкладка представляла собой машинописную копию переведенного на русский язык письма Ромена Роллана. Адресатом был толстовец М. Дудченко. Письмо не датировано, но, судя по его содержанию, написано в 1927 г. Оно интересно и по принадлежности его Ромену Роллану, и по откровенной критике им этического учения Л. Н. Толстого. Иван Николаевич не отказал мне в просьбе (не без усилия над собой) сделать из письма извлечения.

«Я не верю,— пишет Роллан,— в закон земледельческого труда (или даже ручного) для всех людей. Мне хорошо известна мысль Толстого по этому вопросу. Я уважаю ее, как почитаю его во всем, что он мыслил. Но я не думаю, чтобы он был всегда прав. И в особенности в вопросе труда вообще. Он недооценивал значение и необходимость умственного труда для всеобщего блага. Он счел его менее полезным или зловредным, когда он носит характер отвлеченный и умозрительный. Он усмотрел в нем деятельность разряда роскоши, которая освобождает привилегированных от жертв, наложенных на трудя-

щихся ручным трудом. Я думаю, что в этих суждениях (исходящих из высоких побуждений) кроется большая доля несправедливости (невольной) и непризнание действительностей...

Что существует множество эксплуататоров, проституирующих искусство и науку, нам известно.

Но существуют эксплуататоры и добра, милосердия, религии. Следует судить по искренним, а не по лицемерным... Есть еще один ответ, решительный.

Путь свой не выбирают. Кто избран для искусства, для изысканий науки или мысли, должен выполнить свою миссию. И преступен тот (родители, учителя, общество), кто противодействует этой миссии или пытается подорвать в ней бодрость. Все усилия наши должны направляться к тому, чтобы в каждом обществе каждый мог бы следовать путем ума и работы, который предназначен ему природой.

Счастье социальное совсем не в том, чтобы все делали одну и ту же работу, но чтобы все делали ту работу, которая согласуется с природой каждого. Какую выгоду извлекла бы община, приставив Бетховена, Микеланджело, Спинозу или Ньютона к земледельческому труду?! Они испортили бы свое поле, и поле их ума было бы испорчено... Да не будет иерархии в труде, но да признается естественная необходимость дифференцированного труда согласно способностям. И чтобы истинный закон морали был: «Делай хорошо то, что ты делаешь».

Ромен Роллан».

В заключение заметок о толстовцах познакомлю читателя с некоторыми архивными изысканиями. У толстовцев, в первую очередь у В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова (1860—1931), были обширные связи в Западной Европе, преимущественно в кругах интеллигенции. В архиве В. Г. Черткова, поступившем в отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, мне встретился документ, проливающий свет на взаимоотношения Черткова и его группы с зарубежными корреспондентами, попутчиками, единомышленниками. Я имею в виду письмо, полученное Чертковым из Швейцарии от Ольги Бирюковой (дочери П. И. Бирюкова) и датированное 29 марта 1932 г. Письмо представлено машинописной копией.

Привожу заинтересовавший меня отрывок: «Мне бы очень хотелось, чтоб кто-нибудь из иностранных посетителей Сов[етской] Рос[сии] проник в ту полосу ее жизни, в которой живете вы... Теперь я надеюсь на одного очень сильного характером и волей человека-бельгийца, который скоро поедет в СССР тоже, чтобы посетить. Этот человек известный художник (речь идет о всемирно известном прогрессивном художнике Франсе Мазереле.— *А. К)*, и будет в компании с тоже известным немецким писателем Ст[ефаном] Цвейгом. Последний едет с целью написать об СССР книгу, а его друг — художник — ее проиллюстрирует. Этот художник вместе с тем прекрасный человек, философ и социолог со своим твердым идеологическим подходом — гуманитаризмом. Он это дает сильно чувствовать в своих произведениях. Его ценит и любит Р[омен] Роллан. Я нахожусь с ним в переписке (это самый для меня ценный человек в Европе), и перед его отъездом в СССР я дам ему свои инструкции. Его откровенность и смелость не знают преград, и то, что он хочет, он делает. Язык у них (Мазереля и Цвейга.— *А. К.*) немецкий, французский, английский, по-русски — ни звука, конечно. Как было бы хорошо, если бы эти уважаемые в Европе люди могли посетить, например, вашу (толстовскую.— *А. К.*) коммуну. Эта группа европейской интеллигенции, как Р[омен] Роллан, сильно сочувствует коммунистич[ескому] строю и разрушению старого капит[алистического] буржуаз[ного] мира, который их окружает. Они полны к нему беспредельного презрения и жаждут обновления, радикальной перемены во всем, но, когда им говоришь о движении реформаторов жизни, не признающих насилия, как духоборы, так называемые толстовцы и прочие, они не хотят к ним отнестись серьезно. Это им кажется почти баловством! «Что же из того, что они в своей группе устраивают новую жизнь!.. А вот освободить от рабства массы, пролетариат всего мира, колониальные народы, навсегда истребить класс эксплуататоров,— дело другое!» И их взгляды и надежды устремлены на большевизм. Только такие «активные» люди, как большевики, могут изменить опротивевшую им окружающую жизнь. Нужно особую силу доказательств, чтобы разрушить их убеждения».

Намерения Бирюковой так и остались намерениями — поездка Цвейга и Мазереля в Советский Союз ввиду осложнившейся международной обстановки (агрессия японского милитаризма на Дальнем Востоке, притязания немецких фашистов на государственную власть) не осуществилась. Важно другое. Зарубежные толстовцы стремились повлиять на мировоззрение крупнейших прогрессивных писателей Западной Европы, поколебать их симпатии к Советскому Союзу и притом в тот ответственный политический момент, когда и в Европе и на Дальнем Востоке образовывались очаги воинствующей реакции и военной агрессии. Бирюкова писала Черткову в расчете на его согласие с ней в том, что путь, избранный толстовцами, их христианско-социальные идеалы могут перевесить в сознании Роллана и Цвейга сочувствие делу социализма в СССР и ленинской интернациональной политике.

Письмо Бирюковой Черткову остается документальным свидетельством, характеризующим политическую позицию толстовских идеологов в начале 30-х годов. Эта позиция была активной. Что касается прогрессивной интеллигенции Западной Европы, то ее дружественное отношение к Советскому Союзу не могло быть поколеблено толстовцами, в частности, и потому, что они, как это можно видеть на примере Роллана, относились глубоко критически к основным принципам толстовства.

Еще два документа. Один — обращение «Совета общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого», опубликованное в 1919 г., ко «всем друзьям и единомышленникам». Его я обнаружил в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства. Обращение начинается с констатации: «...повсеместно в России, как в городах, так особенно среди крестьянства, наблюдается громадный интерес к свободно религиозному мировоззрению в духе Л. Н. Толстого». Далее следует перечень населенных пунктов, в которых функционируют толстовские группы. Надо сразу сказать, что перечень не давал авторам обращения повода для их утверждения о «громадном интересе» к толстовству. Так или иначе, авторы обращения (Чертков и его окружение) пол-

ны оптимизма: «Можно представить себе, что вся Россия покрылась бы такими кружками и, несомненно, что подобный факт, очень возможный при современных условиях, должен был бы оцениваться как желательное и отрадное явление».

Другой документ. Из фонда Черткова в Отделе рукописей библиотеки им. В. И. Ленина. Он датирован октябрем 1922 г. Автор его тот же — Чертков. Его письменное заявление в «Общество истинной свободы в память Л. Н. Толстого», то самое общество, от лица которого последовало «обращение», цитированное выше. Заявление Черткова, конечно, для печати не предназначалось.

«И меня, как члена Совета, близко знакомого с закулисной жизнью этой организации, особенно отталкивали эти превознесения христианской деятельности Общества перед лицом всех его членов, в то самое время когда я слишком хорошо знал, в самой сердцевине Общества, в его Совете, господствовали не только душевная рознь, но даже неприязнь и вражда. Близко знакомый с взаимным непониманием, недоброжелательством, осуждением, злословием, злопамятством, борьбой самолюбий и честолюбивых стремлений, постоянно проявлявшимися внутри этого круга, я не мог не жалеть об отсутствии в нем того духа простого взаимного доброжелательства, который существует среди многих групп, не исповедующих никаких возвышенных идеалов и не стремящихся ни к какой «истинной свободе», но сплоченных между собой непосредственным добродушным сознанием своего действительного товарищества».

Между «обращением» и приведенным здесь заявлением Черткова интервал в три года. Их было достаточно, чтобы моральное банкротство «общества» стало очевидным для самого руководителя его. Следует добавить, что моральное банкротство толстовства явилось закономерным следствием несостоятельности и реакционности его идей, а равно глухой изоляции и самоизоляции толстовцев от действительных нужд и интересов народа.

ГЛАВА
ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ХРИСТОВОВЕРЫ [1]

В опыте исследований современного религиозного сектантства встреч с христоверами насчитывается немного. Это объясняется тем, что совсем мало осталось последователей этого учения. А еще накануне Великой Октябрьской революции их насчитывалось тысяч до сорока (имеются в виду христоверы разных направлений). В определенной степени это объясняется и малодоступностью для исследователя самой христоверской среды, ее замкнутостью и конспиративностью. Замечу, что для дореволюционных исследователей основным источником их знаний об этой сек-

[1] *Христоверы* — христианская секта (известна под названием «хлысты»). Возникла в России во второй половине XVII в. среди оброчных крестьян. Характерными чертами этой секты являлись «духовное» понимание православия, отказ от его внешнеобрядовой стороны наряду с формальным признанием церкви и посещением ее богослужений, вера в мистическое единение верующего с богом, в возможность достижения такого совершенства человеком, когда он становится «Христом». Строжайший аскетизм (вплоть до запрещения брака) был возведен христоверами в религиозный принцип. Поощрялась практика долговременных постов. Основная форма богослужения — «радения». Поначалу христоверие носило характер облеченного в аскетическо-фанатическую форму протеста народных масс против феодально-крепостнического гнета. Со временем этот аскетизм выродился в скаредность и накопительство. Многие христоверы стали предпринимателями, торговцами, кулаками. Именно они захватили руководящее положение в секте и эксплуатировали своих единоверцев, обманывая их идеалами религиозного братства и посулами материального преуспевания. С начала XIX в. христоверие раскололось на ряд течений, враждовавших друг с другом. В настоящее время существуют отдельные малочисленные группы его последователей.

те служили судебно-следственные дела царской правительственной администрации.

Но перейду к наблюдениям. С последователями традиционного направления этой секты мы встретились в ходе научной экспедиции по изучению сектантства в Тамбовской области в 1959 г. Первые попытки разговориться с христововерами в Рассказове были обескураживающими. Как сейчас помню день, когда в сопровождении сотрудника экспедиции я оказался на одной из окраинных улиц Рассказова, почти сплошь заселенной христововерами. Казалось, что прохожу не улицей, а широкой парковой аллеей: справа и слева густо растущие деревья, никаких домов. Все же это не аллея, а улица, и, всматриваясь, видишь с одной и другой стороны плетни, тянущиеся во всю длину улицы. Кругом ни души. Где же люди? Ребятишки, которых по пути к этой странной улице мы так часто встречали? Разная бывает тишина. Эта — мертвенная.

Но иду я не совсем наугад, ожидая встречи, которую пошлет случай. Кое-что уже знаю об обитателях домов, скрытых за этими плотно растущими деревьями. Несколько дней назад сотрудница экспедиции встречалась с одной из местных учительниц, проводившей во время Всесоюзной переписи 1959 г. опрос населения, проживающего на этой улице.

Первыми, рассказала она, встречали ее у калиток дворовые псы. Хозяева, знавшие о цели прихода к ним, старались быть приветливыми, вплоть до угодливости. В то же время были скупы на слова: «лишнего» не скажут и не спросят. К переписи оказались подготовленными лучше, чем можно было ожидать. Необходимые документы у всех были наготове. На вопросы отвечали бойко, словно обдумав ответы заранее. Интересовались, имеется ли в анкетах переписи пункт о вероисповедании. Недоумевали, почему их секта не пользуется признанием общественности. Они, дескать, примером могут служить, и наглядное тому подтверждение: дома и приусадебные участки в исправном состоянии, сады подстрижены, дорожки посыпаны песком, аккуратно разбиты парнички. И все сами, своими руками.

О парниках и в самом деле следует сказать, что

они предмет неустанной и умелой заботы. У кого лучшая рассада, на которую постоянный спрос на базаре, хотя она и дорогая? У них. У кого самые ранние овощи, опять-таки предназначенные для продажи и разбираемые, несмотря на высокую цену? У них. А в погребах бочки с мочеными яблоками. Христововеры искусно консервируют овощи и фрукты. Осенью они скупают в большом количестве фрукты, поступающие в государственную продажу (у них и у самих в каждом доме плодовые деревья, ухоженные по всем правилам плодоводства), а зимой и весной торгуют свежими и мочеными яблоками, запрашивая высокую цену.

Образ жизни торгашеский, скопидомный и солидарно поддерживаемый этими сектантами, вплоть до сговора о цене на продаваемые товары. Еще источник дохода: женщины-сектантки хорошие вязальщицы. Славятся изготовлением пуховых платков, пользующихся спросом. Охотно скупают пух, шерсть и вяжут разные изделия по запросам заказчиков. Так как возраст у большинства пенсионный, то все время расходуется на собственное хозяйство, прямо ориентированное на рынок. Так что тщательно укрытая от посторонних взглядов жизнь, по-своему весьма деятельна...

Успел я уже и повидать христововеров на рассказовском рынке. Их легко узнать. Как один подстрижены «под скобку», все в косоворотках черных или синих с тонкими белыми полосками и старинного покроя пиджаках. Они занимают половину овощефруктовых рядов. Степенны. Не торгуют, а священнодействуют. Цена у них в цене, и на язык купли-продажи они переводят и свои религиозные ценности, о чем я сразу подумал, слушая (забегаю вперед) популярную среди христововеров песню:

Полно, братцы, горевати,
Станем торговати,
Любовь, веру открывати,
Надежду являти,
Дорогому же товару
Цену не сбавляти.
Не достать вам товар даром
Никаким обманом,
Хоть и вовсе не купите,

Уступать не станем,
А захочешь товар взяти,
Оставь прежде волю...

Под «товаром» разумеется христововерческое учение. Но я забегаю почти на две недели вперед. А сейчас прохожу описанной выше улицей, которая называется «Восточная». Есть у меня и номера домов, в которых проживают наиболее влиятельные в общине христововеры. Подошел к одному из них. Толкнул калитку, не поддается, заперта. И сразу рев. Не заливистый лай деревенской собачонки, а рокочущий на низких нотах свирепый рев. К калитке подошла женщина в белой кофте и таком же платочке. Лицо строгое.

— Что нужно?

— Хозяина.

— Зачем нужен хозяин?

— Поговорить.

— Некогда хозяину. Работает.

— Впустите, у меня дело,— сказал я решительно и настойчиво.

Отворила калитку, провела в дом. Навстречу в комнате, служившей столовой, поднялся хозяин. Черноволосый, крепкого сложения. Глаза выразительные. Одет в свежеглаженную синюю рубаху, в плотную черную жилетку поверх нее. Пригласил сесть. Я представился в точном соответствии с моим действительным положением и интересами, которые к нему привели.

— О вере сами получше моего знаете, говорить об этом не будем.

Мое внимание привлекла большого формата фотография в рамке на стене. Это была перефотографированная картинка, знакомая мне давно, впрочем, не по христововерческой, а по скопческой иконографии: распятие, на нем — монах с сердцем, изображенным во всю ширь грудной клетки. Слева бородатый стрелок с натянутым луком, стрела нацелена в сердце распятого. Над головой стрелка — надпись: «Плоть». Справа конный копьеносец, острие копья касается все того же сердца. Над головой всадника надпись: «Мир». Недалеко от ног распятого ловкая фигурка беса. Бес ухмыляется.

— Я не так хорошо знаю веру вашу, как вы думаете. Но вот эту картину я в самом деле знаю. И не могу понять, почему она повешена в вашем доме. Картина-то скопческая, а вера скопческая не ваша вера...

— О вере справьтесь в ваших книгах. Я вам русским языком ответил: о вере не буду говорить!

— Воля ваша. Спрашивать больше не буду, но вам я скажу: сами знаете, чего только не говорят о вашей вере в народе. Меньше бы от людей хоронились, меньше бы на вас напраслину возводили.

Я поднялся и пошел к выходу. Проводила хозяйка. Лицо каменное. Губы сжаты. Я попрощался. Едва ответила. Начало не обнадеживающее.

У меня запланирована еще встреча. В доме номер 36, по той же улице. Здесь проживает Петр Петрович Тумаков, девяностолетний христововер, пользующийся в общине репутацией святого, обладающего даром пророчества. Все происходит по уже знакомому мне «сценарию». Запертая калитка. Лай. Хозяйка в белом платочке, окаймляющем суровое, неприязненное лицо. Переговоры. Наконец, калитка отворяется, меня пропускают в дом, а на лице хозяйки так и написано: проходи, проходи, будь ты неладен! Но дом другой. Порядок, это само собою разумеется, но и сад, и дом, и обстановка поскромнее, чем у предыдущего моего собеседника. По-видимому, здесь святость и пророческий дар не переведены на материальные эквиваленты. И хозяин другой. Приветлив. В голосе порой слышится даже ласка. Усаживает меня и моего спутника, тоже участника экспедиции. Велит хозяйке (она лет на тридцать моложе Петра Петровича) принести угощение. Словом, соблюдает все законы гостеприимства.

Хозяин глуховат, а его распоряжение вызывает реплику, обращенную к нам: «Самому-то кушать нечего. Кое-что принесут на бедность, ягодков или яблочков, тем и живет». Что-то все же принесла, поставила на стол. А сама не садится. Лицо мрачное. Следит за нами и стариком. Петр Петрович тоже не склонен говорить о вере, да и при его тугоухости не очень-то получается разговор. Но о себе говорит охотно, вспоминает о годах работы на помещика, но без оби-

ды: хороший был барин, жалостливый, а солдатчину вспоминает с горечью, но и ее смягчает тем, что в солдатах-то и повстречал он людей, наставивших его на добрый путь, научивших истинной вере. Рассказывает сбивчиво и под ворчание своей хозяйки. Прощаемся.

Петр Петрович провожает до калитки. Благодарит за посещение, да еще как необычно:

— Спасибо, спасибо вам! Сподобил бог напоследок господей увидеть.

— Что вы, Петр Петрович, уже больше сорока годов миновало, как не стало господ!

— Как же, милые, как же, разве можно без господей...

Мы ушли, не очень обогащенные фактической информацией, но не без психологических наблюдений: какая патриархальщина в душевном складе этого христововерческого святого, какие-то черты пушкинского Савельича, своим внутренним строем принадлежит он далекому историческому прошлому. И сколько «воды утекло» в развитии самого христоверия, если сравнить Петра Петровича с оборотистыми единоверцами его, преуспевающими на ниве стяжательства.

Прошло несколько дней, ознаменовавшихся еще двумя неудачными попытками «разговорить» христововеров. И тут я должен рассказать, как бывает наказан исследователь, соскользнувший в своей деятельности на «линию наименьшего сопротивления». Мне удалось разузнать об одном христововере, «курсировавшем» между Тамбовской и Саратовской областями и в описываемое время находившемся в зоне исследовательской деятельности экспедиции. Меня предупреждали, что человек этот беспринципный и даже авантюристического склада. На собственный страх и риск я решил встретиться с ним для беседы. И, признаюсь, умолчал о своей затее в кругу сотрудников экспедиции: рассчитывал, что опыт поможет извлечь крупицы информации хотя бы и из этого заведомо мутного источника. И вот мы сидим за столом. На просьбу спеть какую-нибудь христововерческую песню собеседник сразу и лихо приступает к исполнению. Подмигнул:

— Насчет. плотского похотения желаете расскажу? И не ожидая ответа:

Наливают полные кадушки
И в них залезают по самые ушки
Брат с сестрой,
Брат с сестрой...

Скверно рассмеялся беззубым ртом. Нагнулся ко мне, тронул за плечо:

— С меня — сказ, бумаги — с вас.

Бумаги значило деньги.

Я немедленно вышел. И досадовал на самого себя.

Итак, христововерческий круг не размыкался. Правда, был и маленький успех. У одного из наших тамбовских коллег, участвовавших в работе экспедиции, оказался в Рассказове знакомый христововер. Он вызвался с ним побеседовать. Я написал вопросы, интересовавшие меня:

1. Откуда повелась постническая (местные христововеры называли себя постниками) вера? 2. Чем постническая вера отличается от церковной? 3. Как совершаются молитвенные собрания у постников? 4. Как понимают постники веру в живого Христа, происходящего из их среды? 5. Как поступают в общине с провинившимся постником?

Наш тамбовский товарищ получил довольно обстоятельные и правдивые ответы на эти вопросы. Мы радовались. Но успех еще больше разохотил на непосредственные контакты с христововерами. Появилась на это и надежда. У местной учительницы была школьница, приемная дочь одного из христововеров, известного в качестве опытного садовода. Отец учительницы тоже был садоводом и на почве этих специальных интересов время от времени встречался с интересовавшим нас лицом. Мы привели в действие оба канала связи. И вот радостное сообщение: христововер Иван Васильевич Селянский дал согласие на беседу с сотрудниками экспедиции.

Теперь в самом беглом наброске биография Селянского. Он родился в 1895 г. в селе Кривоколенье (нынешний Бондарский район Тамбовской области) в крестьянской семье. Мальчику было семь лет, когда умер отец. Мать вторично вышла замуж и ушла в се-

мью мужа. Опеку над мальчиком взяла тетка-монашенка. Жили в нужде. Тетка ходила на заработки в Саратовскую губернию, где познакомилась с христоверами («постниками») и стала последовательницей этой секты. Узнал об этом местный священник, но ограничился предупреждением, чтобы сектантка не распространяла крамольное учение среди православных. Когда же приход перешел к новому священнику, тот стал преследовать тетку и даже допытывался у мальчика, не принадлежит ли к секте и он? Преследования побудили тетку переехать в Рассказово, где существовала большая христоверческая община.

К этому времени Селянский успел пройти три класса школы. Больше учиться не пришлось. В Рассказове он поступил в работники к местным христоверам, переходил от хозяина к хозяину, а всего проработал восемь лет и был принят в общину. В 1914 г. пошел в армию и провоевал всю войну. В 1918 г. вернулся в Рассказово. И вот уже полстолетия Селянский — христоверец.

Как оценивает он пройденный в жизни путь? Вот как: «Не я сам нашел, а тетка нашла эту веру. Не попали бы в Рассказово, так бы в лаптях и ходили». Здесь все характерно. И сиротство, и одиночество, и нужда, и работа на других — все это «школа» жизни, некогда приводившая крестьян в секты. Может быть, христоверие в данном случае особенно показательно. В других сектах связь между материальными интересами и религиозной принадлежностью тщательно скрывалась религиозной оболочкой.

Жаркий июльский день. Мы сидим в просторной комнате гостеприимных хозяев, которым обязаны встречей с Селянским. Мы, это Селянский, учительница, я и сотрудники экспедиции. Селянский — высокий, худощавый, седобородый, держится непринужденно. Он эмоционален, что выражается в быстрой смене выражений лица и красноречивой жестикуляции. Сперва разговор «ни о чем», обмен шутками: этап, предваряющий беседу «по существу» и немаловажный — собеседники присматриваются друг к другу. Психологическая «разминка», разумеется, обоюдосторонняя. Предупреждаю собеседника о нашем

желании зафиксировать разговор, и притом дословно, если только у него не будет к тому возражений. Нет, возражений у Селянского нет, только было бы записано и в самом деле буквально.

Обещаю это, подкрепляю обещание тем, что при его желании познакомлю с записью нашего разговора.

«Я: Разрешите, Иван Васильевич, побеседовать с вами о вере. Академия наук, где я работаю, изучает разные веры, которые в давние времена ходили в народе. Народ, вы это хорошо знаете, совсем не всегда верил так, как учила православная церковь; в прошлом у народа была своя вера, и в ней он искал свою правду, многие и вовсе не верили...

Селянский перебивает несколькими репликами о секте иеговистов. Он прочитал о них в газете «Комсомольская правда». Я продолжаю:

— Ну, вот, изучаем мы разные веры. Хочу о них с вами побеседовать. Я мало знаю о постнической вере. Знаю, что в старину их называли хлыстами.

Селянский: Они остались сейчас.

Я: Но это название бранное, поповское, нехорошее.

Селянский: Бранное... Это имя ненужное... Значит, как они употребляют постную пищу, подходяще — постники.

Я: Ну, вот мы собираем материал о разных верах и — о постнической. Как мы это делаем? Мы имеем доступ в архивы, где государство бережет старые бумаги со времен Петра Великого и много раньше, до Петра Великого, изучаем по книгам, которые у нас есть. Но хотелось поговорить с живым человеком, который может что-то рассказать, потому что, сами понимаете, бумаги, книги,— одно, а человек — другое.

Селянский: Я книги читал. Я охотник читать.

Я: Хочу вам задать несколько вопросов, чтобы вы мне рассказали то, что вы знаете. Можно вас спросить?

Селянский: Ну, давайте мне вопросы, что вас интересует?

Наше собеседование вошло в нужное русло. Вопросы, предложенные Селянскому, повторяли те, на которые у меня имелись уже ответы от христововера,

беседовавшего с тамбовским сотрудником экспедиции. Эти ответы были как бы контрольными. По смыслу (но не по объему информации) показания источников совпали.

Мы вели запись беседы. Селянский помогал в этом, прерывая иногда рассказ: «Ну как, записали?» Был все же момент, когда беседа «забуксовала». Дело в том, что Селянский непременно хотел рассказывать о христововерах «по книге», по какой-то «следственной книге», которую он читал, а потом отдал одному из единоверцев, проживавших в Тамбове. Меня это, естественно, не устраивало. И почему собеседник мой выбрал такую позицию? Чтобы не дать информации, сверх известной? Однако, время от времени возвращаясь к «следственной книге», Селянский щедро рассказывал об учении и культе, о современном состоянии христововерия. Так что «книга», оказывается, служила ему средством восполнить информацию, а не ограничить ее, как я поначалу заподозрил.

Мы беседуем о вероучении. Селянский, сравнивая христововерие с православием, клонит к тому, что отошли от «истинного учения» не христововеры, а именно православные.

— ...Постники от православной веры разнятся только [тем], что тверже закон [держат]. А что касается почитания евангелия, Библии, так же, как и православная церковь, почитают все, но только тверже гораздо, больше, лучше — вот и только. А не особая у нас какая-то вера. Твердость, посты тверже соблюдаем.

Это уже интересно. Дело в том, что почитаемый в христововерии в качестве первоучителя муромский крестьянин Даниил Филиппович (вторая половина XVII в.) побросал в Волгу, как повествует об этом христововерческое предание, все священные книги — старые (дониконовского письма) и новые. Взамен буквенного учения, будь оно ветхозаветное или новозаветное, Даниил Филиппович провозгласил: «Святому духу верьте!» Этот постулат христововерческого первоучителя предоставлял его последователям самостоятельность суждений, пророчества, обличений, проповедей, не связанных не только церковным пре-

данием, но и текстами библейских книг. Позднейшее христововерие, по мере того как ослабевало его значение как формы социального протеста, возвращалось к ограничивавшим самодеятельность верующих Ветхому и Новому завету. Но, разумеется, толковали их христововеры на собственный лад. И вот образчик:

— Вы хорошо знаете,— говорит Селянский,— Адама с Евой из-за чего из рая выгнали?

— Не с того дерева яблоко они съели.

— Ну, а какое яблоко съели?

На вопрос отвечаю вопросом.

— А какое же яблоко?

Ответ совершенно неожиданный.

— Ведь это, если понимаете, священники не хочут объяснить, совестно им, что ли, сказать, какое яблоко съели! Значит, блудное яблоко они сожрали. Их оттуда попросили, знаете, как попросили? Господь ангела послал выгнать их, чтобы они вон оттуда вылетели мячом. И говорит: идите, рожайте детей, трудитесь, в болезнях вы будете жить, в муках. Из рая выгнал. А священники разрешили детей. Величают и говорят: плодитесь и размножайтесь. Почему они неправду говорят?! Господь запретил. Хотишь в раю быть, бесплодный должен быть, как ангел. А он (священник), понимаете ли, наворачивает: распложайтесь... Да мы без него расплодимся, не говори нам...

Вот вам, понимаете ли, мнения какая... У нас в корне запрещено [иметь половые сношения]. Понимаете или нет?

— Понимаю.

Селянский снизил голос:

— Этого чтоб не делать; если быть, то настоящим постником. Но у нас настоящих постников из сотни одного нету, а в старое время, когда закон наш образовался, то было их много.

Тема эта волновала Селянского. Сообщив некоторые факты из истории христововерия в XIX в., он вернулся к ней.

— Сейчас взять у нас постников, у нас не найдете ни одну женщину [девственницу]. По три раза, по два раза замуж выходили... Взять сто человек в Расска-

зове. Один старик немножко поддерживает. Жизнь свою [девственно вел] (речь идет о П. П. Тумакове.— *А. К.*).

Селянский стиснул руками голову, покачал ею из стороны в сторону.

— А я, если взять про себя лично, я, значит, пред законом преступник... Шесть человек детей родил, это в законе не указано... Соблюди, попробуй, соблюди...

И неожиданно спросил меня:

— Вы фильм смотрели «Три эпохи»?

Я смотрел этот превосходный комический фильм со знаменитым Бастером Кеттоном в заглавной роли, но ответил: «нет», желая, чтобы рассказчик высказался сполна.

— Нет? Напрасно. Это было, значит, дело старинное. Первобытные люди. Он (герой фильма) поймал себе другого племени девушку — и бежать. Родственники ее увидели — и за ним. Кой-где он в горах сокрылся и камни стал пускать пудовые в них. Сшиб несколько человек — они вернулись... Фильм-то английский, у нас показывали, в Тамбове, я там на службе был... Не прошло десяти лет, выбегают они оба с женой, в шкурах, за ними десять человек, один одного меньше, как ступеньки... У вас окна закрыты? А то я громко говорю... Средневековье показывают. Он там какой-то очень богатый, дочь у него. За нее сватаются два жениха. Один богатый, а другой бедный. Родители согласны выдать дочь за богатого жениха, а дочь любит бедного. Отец с матерью бились, бились, ведь они богатые люди, сословье-то помещики, а она (дочь) предъявила гонор, если не отдадите меня за этого, то я убегу все равно или решу жизни себя. Они струсили...

Я спросил:

— А почему вы вспомнили этот фильм?

— Фильм-то? А вот я вам докажу потом, фильм-то интересно мне сюда вклинить... Теперь, значит, поженились они. Прошло десять лет. Выходят через десять лет трое. Пожалте. Оно когда уж люди знали, сколько детей-то надо родить! Англичане насколько обогнали-то нас! Трое. Так. Теперь, значит, настоящее время... Англичанин. Опять-таки богатый человек. Его, богатого, родители желают в женихи своей

дочери, а она, значит, за какого-то чиновника, да не за чиновника, а он у них приказчик, служащий. Дочь желает за него замуж выйти. Отец с матерью нипочем. И что ж вы думаете? За женихом (богатым) ее убрали. Он скоро подъедет. Встречать его вышли и родители. А она в окно — и [с приказчиком] в церковь. Мать с отцом смирились, дали им капитал... Проходит десять лет, отворяют они [муж и жена] парадную дверь. Выходят из подъезда. У ней в руках цепка и маленькая собачка за нею... Я вот к чему хотел сказать... Почему это власть их не привлекает, королева ихняя, почему не родила, дескать, детей? А она, та, что с собачкой, на нее, королеву, скажет: роди ты сама! Правильно? Ну и вот!

Так оправдал Селянский слова свои: «фильм-то интересно мне сюда вклинить». Путь человечества от дикости до современной цивилизации, как полагает мой собеседник, означен ступенями сокращения деторождения, вплоть до прекращения его. И это в глазах Селянского... прогресс. И поскольку фильм из зарубежной жизни, а не советский, Селянский в указанном пункте противопоставляет действительность зарубежья отечественной: «Ведь это мы отстали, наша Россия отстала» — и такие слова «вклинил», между прочим, Селянский, делясь впечатлениями о фильме «Три эпохи».

У нас довольно широкое хождение имеет взгляд, что сектанты принципиально бойкотируют зрелищные мероприятия, особенно кино. Это не совсем верно. Конечно, в отношении сектантов к искусству сказывается предвзятость. Многие сектанты не посещают театров, кино, хотя формально запрета на посещение зрелищных мероприятий нет. Это нередко следствие того особого душевного настроя, в котором пребывают верующие, а также и следствие ограниченности духовных потребностей, неразвитости эстетического начала.

Вспоминаю беседы с сектантами на темы искусства. В памяти всплывают баптисты, адвентисты, меннониты, пятидесятники[1], представители тех как

---

[1] *Пятидесятники* — религиозная секта протестантского направления, название и вероучение которой связано с евангель-

раз течений, о которых в этой книге говорится мало. И вот мое наблюдение: в тех случаях, когда сектанты приобщаются к искусству (посещают кино, театр, художественные выставки, читают литературу) — а их, случаев таких, совсем немало,— они абстрагируются от собственно-эстетического, не видят художественной ценности произведения, а извлекают из него «смысл», поучительное, как они это понимают. Красота отсечена как излишняя. Но и в пределах этого ограниченного восприятия произведений искусства имеет место сугубая избирательность, когда постигается и берется на вооружение только то, что может быть использовано для подтверждения истинности их веры. При этом совершается прямое насилие над материалом, который сектант вопреки подлинному смыслу художественного произведения заставляет «работать» на свое вероучение.

Рассказ Селянского — яркий пример такой избирательности. Но представляемая им секта и секты скопцов, духоборцев, отчасти и молокан в своем отношении к художественному творчеству все же от-

---

ским сюжетом о «сошествии святого духа» на апостолов, якобы имевшем место на пятидесятый день после «вознесения» Христа. Характерной особенностью пятидесятничества является идея так называемой индивидуальной пятидесятницы: способность рядового верующего приобрести «дары святого духа», проявляющиеся в «говорении на языках» и исцелении больных путем наложения на них рук. Как религиозное учение о возможности непосредственного общения верующего со «святым духом» и через его посредство со всей божественной троицей пятидесятничество является глубоко мистическим. Богослужения носят исступленно-экстатический характер, часто предваряются изнурительными молитвами и постами, что наносит вред физическому и психическому здоровью верующих, приводит в ряде случаев к тяжелым психическим расстройствам.

Пятидесятничество возникло на рубеже XIX—XX вв. в США и Канаде, а в начале XX в. проникло в Скандинавию, затем в Венгрию и Польшу, оттуда — в Германию. В России общины пятидесятников появились с 1906 г. в результате деятельности фанатичных проповедников. В нашей стране в 1944—1945 гг. пятидесятники, под условием отказа от «говорения на языках», были приняты в Союз евангельских христиан-баптистов. Однако многие общины пятидесятников не вступили в это объединение. Для пятидесятников характерны религиозный фанатизм, нередко пропаганда антиобщественных взглядов.

личаются от сект протестантского типа. Первые создали свою поэзию, в которой вероисповедные мотивы проникнуты фольклорным началом и могут рассматриваться как отдельная и отнюдь не бесплодная поросль фольклора, к сожалению остающаяся неисследованной. Впрочем, и протестантским сектам не чуждо художественное творчество, но их религиозная поэзия риторична, рассудочна, к фольклору никакого отношения не имеет. Их песнопения обращены не столько к чувству, сколько к чувствительности, сентиментальности. Я говорю о песнопениях в обыденной культовой практике современных баптистов, адвентистов, пятидесятников. Предметы изобразительного искусства, встречающиеся в бытовом обиходе этих сектантов, характерны прямой назидательностью, «красивостью» с привкусом слащавости. Словом — это искусство, обслуживающее мещанский вкус.

Но, конечно, такие размышления приходят в голову сейчас, когда я перечитываю свою беседу с Селянским и вдумываюсь в нее. А во время беседы с ним нас занимали совсем иные сюжеты, и пора вернуться к ним.

Собеседник мой рассказывает историю появления на Тамбовщине ответвления в христововерии — постничества (20-е годы XIX в.), удержавшего при некоторых своих особенностях основу христоверческого учения.

— Были две монашки. Татьяна Макарьевна (Черносвитова.— *А. К.*) и еще одна, забыл как ее звать. Жили они жили. Молились они богу. Значит, им явился ангел и сказал Татьяне Макарьевне: «Ты, говорит, родишь себе сына скоро. У тебя сын будет». А она: «Как же это, мол, рожу сына?»

— Она же монашка,— вставляю я.

— Монашка. Теперь, значит, жили они жили после этого. Смотрят, приходит один мужик — Аббакум Иванович Копылов (основоположник постнического течения.— *А. К.*). Приходит — она враз вскочила и говорит: «Вот мой сынок». А годами-то он, может, с нею наравне. Понимаете ли? Вот, видите, какое духовное дело-то! А то путают — родился (Христос.— *А. К.*). Может, Иисус Христос и не родился от Марии

девы-то, а может, она его духовно произвела. Ведь это глубокая старина и запутано так дело. Даже евангелисты и то путались. Правильно или неправильно я говорю?

Подтверждаю:

— Правильно говорите, путались.

— Евангелисты врассыпную, понимаете, один то говорит, другой — это. Не совпадает у них дело. А у нас совпадает. А он (Копылов.— *А. К.*) говорит: «Я пока не сынок. Я мирянин. Я ваш закон не знаю. Я должен сперва помолиться богу или жить так, как вы. Какою жизнью-то? Мяса, кровяного ничего не кушать... Господь дал жизнь, а мы не должны отнять ее у живого существа...»

Задаю вопрос:

— А чему еще учил Аббакум Иванович?

— Я скажу. Значит, это вот посты соблюдать... У нас три дня в неделю поститься, а не два.

Далее Селянский возвращается к христововерческим запретам в области пола. И продолжает:

— Вот когда по-ихнему стал жить Аббакум Иванович... теперь я могу, говорит, в сынки-то.

Но, вспоминая историю, Селянский никак не может забыть и сегодняшнего дня своей секты:

— У нас постники сейчас: можете поступить, а завтра бросить! День по-нашему прожить, а на другой вы не захотели, пошли... У нас один, Николай Григорич Тарасов, он был бухгалтером в торге, сейчас за ним жена, продавщица нашего склада. И знаете ли, певец какой? Сто стихов знает... Ну певчий был замечательный, потом бросил, запьянствовал и на все наплевал. Что же ты, Николай Григорич! [Отвечает:] «Закон-то хорош, да я не гожусь».

Селянский немного порассуждал о том, что выходцы из христововерия все же не хулят самый христововерческий «закон», но об этом говорил вяло, рассеянно, как бы наружным швом сшивал свой рассказ, тогда как внутренняя работа мысли шла в ином направлении. И прорвалась:

— Слабый, не может он жить по закону... первый я, я его не исполнял в жизни своей... А так поддерживаешь, хоть на ниточке, да держись. На ниточке держимся, вот не оторвись...

Мысль о крахе на практике всего христововерческого «закона» сквозила на протяжении всей беседы с Селянским. Он постоянно возвращался к ней. О чем еще рассказал наш собеседник? О том, что собрания христововеров носят и поныне тайный характер. Что им не возбраняется и посещение православных церквей. Что на их собраниях и посейчас практикуются радения, т. е. культовые пляски, доводящие людей до состояния экстаза. Но об этом скажу словами самого Селянского:

— Пьяный, понимаете ли, может, забредет теперь, значит, триста грамм и давай плясать. А у нас так от радости могут, понимаешь, плясать без вина.

Я поставил Селянскому дополнительные вопросы. Он пояснил:

— Это как духовное веселье. Значит, прямо в евангелии сказано: когда апостолы ликовали с полным духом со святым, а толпа говорит: глядите, перепились вина, бесятся, пляшут, а? Это же во священном писании пишут нам. А почему сейчас не может быть?

Селянский оживился. Начал петь культовые песнопения. Пристукивал ногой. Отбивал такт ладонью по колену. И, придвинувшись вплотную ко мне, сказал:

— Если вам так немножечко, пяточек захватить певчих, мог бы вас поднять. Вы скажете: что это случилось-то? Что случилось такое с человеком? Может это случиться или не может?

Вспомнил опять о так называемом сошествии святого духа на апостолов:

— И что же тогда-то было?.. Народ, толпа говорит: смотрите, напились вина и пляшут!

Я спросил:

— А на самом деле, что же было?

— Ничего,— ответил Селянский,— трезвые были. Понимаете ли, растворено там все. Сердце растворить нужно.

Это типичный ответ религиозного мистика, какого бы вероучения он ни придерживался. Мистика очень стара. Она находила и находит почву и в христианстве, и в исламе, и в иудаизме, и в предшествовавших им религиозных верованиях. Проходили века, одни

религиозные системы сменяли другие, но формы религиозного экстаза и способы его обретения оставались более или менее неизменными.

Дело в том, что религиозно-экстатические состояния есть специфическое психофизическое состояние. Это психофизический эффект, достигаемый определенными приемами и действительно сходный с опьянением, как об этом говорил Селянский. Достижение же эффекта «духовного опьянения» (духовного дурмана в «чистом» виде), притом, что оно требует специальной «техники», обусловлено принадлежностью к религиозной вере, располагающей к этому эффекту, его стимулирующей. Это «блаженное» состояние близко тому, которое вызывается алкоголем или наркотическими средствами, и может с успехом конкурировать у религиозных мистиков с последними.

Между первой и второй беседами с Селянским у меня состоялся с ним непродолжительный частный разговор. Он касался темы о «свальном грехе», якобы имевшем место у христововеров, как об этом много писали попы и миссионеры. Что писания эти являлись инсинуацией, я не сомневался. Мне все же хотелось знать, что скажет об этом мой собеседник. Он отнесся спокойно и даже с юмором к предложенной теме. Рассуждения его были довольно неожиданными. Он не исключал полностью возможность такого рода отклонений, хотя отверг (в чем и был прав) поповское утверждение, что «свальный грех» является неотъемлемой и главной принадлежностью религиозного культа «хлыстов».

Но вот что было интересно. По словам Селянского, половой запрет (как и запрет алкоголя) совсем не является для христововеров «игом неудобоносимым», и его соблюдение обеспечивалось в прошлом не только тем, что нарушителю грозили бойкот, разного рода эпитимьи, наконец, исключение из общины. По Селянскому, переживание, именуемое им «духовным весельем», является столь захватывающим, что по сравнению с ним «запретные плоды» не имеют никакой «цены». Противопоставляя «духовное веселье» «запретным плодам», Селянский называл первое «блаженством», а вторые — «утехами» и говорил, что христововеры охотно днями и неделями истощали

плоть в чаянии и предвкушении «блаженства», испытываемого во время радений.

Я не преминул спросить, чем же в таком случае объясняется, что, по его же словам, в общине нет ни одного христововера, который следовал бы запретам? Он высказался в том смысле, что «духовное веселье» зависит не от воли, а от веры и что как к нему ни стремись, а без веры оно не удается: «Веры нет, а без веры какая же радость может быть?»

И хотя в настоящее время радения еще имеют место, но они, во-первых, редки, во-вторых, не являются «дружными»:

— Пляшут кто как умеет — от души, от усердия. А некоторые как пришитые сидят и не шелохнутся. Кто до упаду пляшет, а кто два раза топнет.

Таким образом, сама по себе «техника» вызывания «духовного веселья» не срабатывает. Она нуждается в «питании», чем и является у мистиков их религиозная убежденность, сила и глубина религиозной веры. На предшествующих этапах истории христововерия религиозный пыл его последователей вызывался и поддерживался извращенной социальной действительностью с присущими ей антагонизмами. Этого давно нет. Христововерие — старейшая из русских религиозных сект — перестало быть явлением исторической действительности. Оно существует как социальный атавизм, представленный немногочисленными, наглухо замкнутыми кружками своих последователей. Отгородившись от постороннего взора и слуха, они продолжают, насколько это удается, поддерживать образ жизни, ставший давно пережиточным в нашей действительности. Это — «лавка древностей», не только идеологических и психологических, но в какой-то мере и социально-экономических, говоря точнее, частнособственнических. Религия поддерживает и под своими покровами скрывает определенный образ жизни. И среди примеров той связи, которая существует между религиозными формами сознания и отжившими формами бытия, пример христововерия — один из самых наглядных.

ГЛАВА
СЕДЬМАЯ

СТРАНИЦЫ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА

Давно задумал я поездку по русским селениям Закавказья — бывшим очагам религиозного сектантства, которые являлись объектом пристального внимания и изучения со стороны видных марксистских исследователей. По материалам собственных конкретных исследований написаны известные статьи В. Д. Бонч-Бруевича «У закавказских духоборцев» [1] и «На съезд к духовным молоканам в Дилижан». Они были опубликованы в журнале «Современный мир» — первая в 1910 г., вторая — в 1911 г. Побывал в бывшем Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии и советский исследователь религиозного сектантства Ф. М. Путинцев. По материалам этой поездки он написал книгу «Духоборье», опубликованную в 1928 г.

Таким образом, я располагал надежными «точками отсчета», что позволяло выявить

[1] *Духоборцы* — христианская секта, возникшая в России во второй половине XVIII в. в среде государственных крестьян Воронежской губернии как протест против феодально-крепостнических порядков. Последователи секты считают себя «борцами за дух» — отсюда ее название. Духоборцы не признают духовенства, храмов, икон, таинств, постов, монашества. Бог понимается как пребывающая в мире «премудрость», «благо», «любовь» и в этом качестве присутствующая в верующем человеке. Источником вероучения духоборцев является так называемая «Животная книга» (книга жизни), т. е. предания, передаваемые из уст в уста. Она состоит из вопросов и ответов, псалмов, стишков, заговоров и заклинаний. Духоборцы признают десять заповедей, верят в бессмертие души, но отрицают рай и ад. В настоящее время на территории Советского Союза имеются незначительные группы духоборцев.

динамику явления, характер изменений, происшедших в том крупнейшем очаге религиозного сектантства, какой некогда существовал на территории Закавказья.

«Духоборьем в Закавказье,— читаем в книге Путинцева,— называется пограничная с Турцией южная часть Ахалкалакского уезда Грузии... Всего в данное время в восьми духоборческих селах рассматриваемого района (Гореловке, Богдановке, Орловке, Ефремовке, Спасском, Калинине (б. Троицкое), Родионовке и Тамбовке) находится около 5 тыс. духоборов и духоборок».

Ныне территория, указанная Путинцевым, входит в Богдановский район Грузинской ССР. Перечисленные выше селения существуют под теми же названиями. Вылетел я из Москвы 29 августа 1968 г. и через несколько часов был в Тбилиси. И вот наконец Богдановка. Большое село городского типа. Улицы прямые. Много каменных двухэтажных домов.

Рано утром раздался стук. Когда я открыл дверь, то увидел на пороге пожилого, лет под семьдесят, мужчину. Высокий. Худое, обветренное лицо. Длинные, спускающиеся книзу усы. Рекомендуется: Казаков Гриша. Приглашаю войти. Входит прихрамывая. Он пришел ко мне, так как еще вчера услышал, что из Москвы в Богдановку приехал доктор, а он, Казаков, хотел бы получить квалифицированный медицинский совет. Разъясняю, что я доктор исторических наук и медицина не в моей компетенции. У нас завязывается беседа.

Оказывается, главное, что его беспокоит, это рана в области правого бедра, полученная в 1921 г. Спрашиваю об обстоятельствах ранения.

— Турок подстрелил.

Рассказ старика был интересен, как показание живого свидетеля турецкой оккупации, особенно продолжительной в Джавахетии. Упомянул он и об обращении главы духоборческой общины П. Веригина за помощью к В. И. Ленину.

В 52-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина читаем следующую телеграмму:

«Реввоенсовет 11-й армии, Орджоникидзе.

Веригин телеграфирует мне: «двадцать четыре

духоборческих коммуны в Ахалкалакской Советской Грузии подвергаются разграблению, а также переносят гнусные насилия от грубости войск армии Кемаля, не считающегося с нашими протестами и требованиями». Проверьте это сообщение и примите все возможные меры. Ответьте немедля. Москва, Кремль.

25.III-21 г. Предсовобороны *Ленин*».

Мне известна (в машинописной копии) ответная телеграмма Г. К. Орджоникидзе Ленину, датированная 27/III 1921 г. Я обнаружил ее в архиве В. Г. Черткова, поступившем в 1961 г. в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

«Москва — Кремль, Предсовобороны т. Ленину.

...докладываю, что жалоба духоборов соответствует действительности. Нами принимаются все меры. Сожалению пресечь все безобразия, пока турками будет очищен весь Ахалкалакский уезд, мы не в состоянии. Занимаем нашими частями духоборские села и заявили решительный протест туркам.

Орджоникидзе».

* *
*

Этим же утром я побывал в районном комитете КПСС у первого секретаря Вартана Арутюновича Дургаряна. Он принял меня очень приветливо, обещал содействие и препоручил Василию Петровичу Сапрыкину — второму секретарю райкома.

Василий Петрович — сам из семьи духоборцев. Договорились о поездке в Гореловку (Горелое).

— Пожалуйста,— сказал Василий Петрович,— поеду с вами, а потом дам вам в помощь Василия Кузьмича Медведева, работника нашей районной газеты «Заря». Живой человек, хорошо знает духоборцев.

В 10 утра выехали в Гореловку (Горелое), где некогда находилась резиденция обожествленной духоборцами Лукерьи Васильевны Калмыковой («Лушечки») — их руководительницы. Отсюда в течение четверти века она правила «Духоборией» (умерла в 1886 г.).

Село большое, до пятисот дворов. Постройки однообразные, зеленых насаждений мало. Кругом горы, серые, угловатые, тянутся череда за чередой. Их последняя гряда — граница. Дальше Турция. Подъезжаем к конторе колхоза. Входим. Молодой счетовод листает накладные. Суетится уборщица, смуглолицая, с юркими черными глазами, лет пятидесяти. Очень живописна: белый вышитый платок, коричневый, приятного тона жилет, под ним белая кофта с пузырящимися рукавами. Юбка темная, тяжелая, почти до земли. Она представляется нам:

— Малаша.

Здесь, как правило, зовут друг друга по именам — Вася, Ваня, Петя. Нередко ласкательно: Петрюня, Якимушка и т. д.

В конторе колхозники — три-четыре человека. Завязываем разговор. Услыхав, что я исследователь, рассказывают о духоборческом свадебном обряде. Он неоднократно описывался в литературе, в частности В. Д. Бонч-Бруевичем в статье «Обычаи и обряды духоборцев». Свадьбы здесь происходят, как правило, в зимние месяцы, чтобы не отрывать людей от работы. Это целесообразно и никак не задевает интересов молодых. Напротив. Свадьба справляется как общий праздник села. Немало гостей съезжается из других семи селений. Праздник длится два-три дня, сопровождается пиршеством. Молодых одаривают множеством подарков — вещевых, денежных. Дарят и мелкий рогатый скот. Пусть начинают совместный путь с достатка и с изобилия! — говорят колхозники.

Прежний свадебный ритуал был строгим. Теперь много музыки, танцы. Колхозники рассказывают, что в старшем поколении все еще есть немало людей, неодобрительно относящихся к шумному веселью, сопровождающему нынешние свадьбы. Почему?

— Поговорите со старичками, может быть, объяснят.

— Ну а все-таки, что плохого в музыке, танцах?

— Да мы-то не говорим, что это плохо. По-нашему хорошо, а по-стариковски плохо. С ними, со старичками, побеседуйте. Они пусть и отчитаются.

Получилось так, что в последовавших беседах со стариками я не коснулся этого вопроса. Все же ответ

ма него я получил. Это произошло три года спустя, во время встречи в Ростове-на-Дону с бывшим комиссаром кавполка, стоявшего в духоборческих селах в 1922 г. Мне приятно представить читателю Владимира Семеновича Лермонтова, члена КПСС с 1916 г., неутомимого пропагандиста, пользующегося всеобщим уважением.

Вот что он мне рассказал: «Как вы знаете, в 1921—1922 гг. был сильный голод в Поволжье. Мы перестали получать фураж. Я к Григорию Константиновичу Орджоникидзе. Орджоникидзе спросил, что же я предлагаю? Я предложил расквартировать полк в Джавахетии, так как знал, что в районе Ахалцихе и Ахалкалаки великолепные альпийские луга. Такое расположение кавполка было вполне целесообразно и с военной точки зрения. Орджоникидзе согласился, и в штабе армии полку дали направление в Ахалкалакский уезд, в Горелое. Проехали Мокрые горы. По дороге останавливались в молоканских селах. Молокане предупреждали: не советуем ехать к духоборам. Да мало ли что наговорят! Стали подъезжать к Гореловке. Как подобает, с музыкой. У нас был замечательный военный оркестр. И что же? Въезжаем в село, видим, во всех домах ставни позакрывали. Въехали в центр. Остановились у «сиротского дома», где была ставка духоборческих вождей. Выбегает навстречу председатель сельсовета: вы зачем с музыкой въехали? Теперь вас сельчане на постой не примут. Как так? А так вот: не примут.

Созвали мы духоборческих старичков. Они одно: не примем мы вас — и все тут. У вас антихристова музыка. От нее наши коровы молоко перестанут давать. Возвращайтесь откуда пришли.

Что же делать? Я знал, что Гореловка была оплотом богачей. Они составили в духоборчестве так называемую «малую партию». В других селах жили духоборы менее консервативные. Их возглавлял Петр Петрович Веригин. Послал солдата к нему в Орловку.

— Приезжайте, разместим,— согласился Веригин,— только никакой музыки.

А разве бойцов заставишь жить без музыки? Соберутся на завалинке — играют. И вот не то что взрослые, но и духоборческие дети, если ведут скот с

пастбищ в село, заворачивают его мимо музыкантов, только бы корова музыку не слышала. Пропадет молоко, говорят, сатана вселится...»

Все исследователи, писавшие о «Духобории», и той, что расположена была в Ахалкалакском уезде, и той, которую духоборцы, эмигрировавшие от преследований царизма и церкви, «вывезли» в Канаду, единодушно отмечают отрицательное отношение приверженцев этой секты ко всем формам образования и духовной культуры. Оно являлось традиционным в духоборчестве. Естественным дополнением к этому были всевозможные суеверия и самые фантастические представления, укоренившиеся в умах духоборческой массы. Это подтверждается и осуждением теми или иными представителями старших возрастных групп музыки и танцев.

Но вернемся к моим собеседникам в колхозной конторе — общительным и приветливым людям. Выясняется, что все они неверующие, а поскольку я интересуюсь духоборческой верой, то один из колхозников зовет к себе в дом для собеседования с его восьмидесятилетним отцом, верующим.

Петр Николаевич Чивильдеев занимает небольшую комнату в доме сына. Знакомимся. Какой славный, приветливый старик! Ему хорошо знакомо имя Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который «помогал духоборам, отправлял их в Канаду, записал «Животную книгу»». Тут же добром вспоминает Л. Н. Толстого за моральную и материальную поддержку духоборцев. Рассказывает, что задолго до меня к духоборцам приезжал географ Щукин «и еще один ученый человек приезжал, запамятовал, как звали».

— Не Федор ли Максимович Путинцев? — помогаю вспомнить старику.

— Он, он...

Рассказываю о своей книге «История религиозного сектантства в России». Старик и сын его, присутствующий при беседе, проявляют к ней интерес. Особенно к главе о духоборцах. Старик просит рассказать, хотя бы вкратце, о содержании этой главы, что я и делаю. Объясняю, что тираж распродан, но что у меня с собой есть один экземпляр, однако он мне ну-

жен для справок. Старик непосредственно, с надеждой в голосе просит:

— Подарите вашу книгу нам, духоборцам. Ведь это о нашей жизни. Она прошла, да и вовсе уходит.

Я пошутил:

— Селений духоборческих несколько, а книга одна. Это только Христос накормил пятью хлебами тысячи голодных. А у меня книга одна, да и хлеб мой придется ли вам по вкусу? Я писал и о том, что было у духоборцев плохого.

— А вы подарите книгу свою в библиотеку, будем по очереди ее читать. А насчет плохого так скажу: что о плохом написали, совсем не плохо, а ежели вы о хорошем написали, как о плохом,— вот это было бы плохо. Правда нужна, в ней бог, пускай она в глаза колет. А может, мы, духоборцы, поболее вас знаем, сколько у нас было, да и есть плохого.

На следующий день я подарил свою книгу в гореловскую библиотеку.

Ведем разговор о судьбах духоборчества. Крах духоборчества как общины религиозной мой верующий собеседник не подвергал сомнению и не оспаривал. Мне показалось, что это не очень и беспокоит его. Но он много размышляет над судьбами духоборческого мировоззрения.

— Плохо, что ли, да с нами заодно и сам Лев Николаевич был, если мы за мир и любовь, за труд и правду, за человеческое уважение? Кто человека не уважит, тот ни труда не уважит, ни правды. Прежде было в нашем кругу так: идет старичок, а его ребятишки завидят и в сторону отойдут, и шапки снимут, и поклонятся. А вот иду я по нашей Гореловке, вижу ребята. Я уже не жду, сам шапку снимаю. И что же? Не ответствуют!

Сгущает ли краски мой собеседник? Возможно. Но не для того, чтобы очернить односельчан, опорочить действительность, замкнуться в «слоновой башне» религии и кружке единоверцев. В противоположность многим сектантам, с которыми я встречался, Петр Николаевич не отделяет и не выделяет себя из общества. Он сознает себя его полноправным членом. Его не заботит ни «личное спасение», ни его собственное место в очереди душ, стремящихся в царство не-

бесное. Он философствует, как умеет (и в «категориях» духоборческого мировоззрения), о «человеческом» в человеке и в человечестве. Он уверен, что духоборчество как учение дает полноценный ответ на это, однако в его рассуждениях, тоне разговора не было фанатизма.

Я попросил у Петра Николаевича позволения посетить в воскресенье молитвенное собрание духоборцев. Он согласился.

Отправляюсь на вторую беседу. Предстоит встреча с одной из хранительниц заветов так называемой «малой партии». Известные в истории духоборчества партии называют «большой» — веригинской (по имени Петра Васильевича Веригина) и «малой» — калмыковской (по имени Лукерьи Васильевны Калмыковой). Центром верующих-калмыковцев было село Горелое. В день 29 июня 1895 г., когда духоборцы в знак протеста против царизма осуществили коллективное сожжение оружия, население Горелого осталось в стороне и стало штрейкбрехерами. Руководивший калмыковцами брат Лукерьи Калмыковой Михаил Губанов присвоил (вместе с другими членами семьи) общественный капитал духоборцев, оцениваемый в полмиллиона рублей. В 1910 г. Бонч-Бруевич писал по свежим впечатлениям от посещения Горелого о сторонниках «малой партии»: «Они — духоборцы только по одежде и названию, и все типично духоборческое уже безвозвратно ушло от них...»

Я застал одну из последних калмыковок на пороге ее большого дома, контрастировавшего со скромным домом, где живет П. Н. Чивильдеев. Это была грузная старуха, которая, опершись на костыль, внимательно рассматривала меня холодными глазами. Лицо с энергичным выражением, с крупными, но очень правильными чертами. Поздоровалась, ни о чем не спросив, поднялась на веранду, подала знак следовать за собой. Сели.

— Ну, что же, пошли по пути плоти,— взяла она инициативу разговора в свои руки.

— Вы это о ком? О чем?

— О ком? О чем? — повторила она.— Обо всем!

— Вы говорите о духоборцах?

— Пусть о духоборцах. Какие только там духо-

борцы? Были духоборцы... Оскудение, разврат, были все за всех, стали каждый на каждого. Чего там говорить? Сами что, не видите?

Голос глух и тверд. Вид неприступен.

— Вы человек ученый, ходите по дворам, собираете материал, но что можем вам сказать мы, неграмотные?.. Уклонились с пути — и все вам тут. Больше не скажу.

— И не надо говорить больше, объясните только, что значит «уклонились с пути»?

— А то значит, что были братья Авель и Каин. Каин воззлобился, умертвил Авеля. После того люди сбились с пути.

— Это вы о духоборцах?

— О ком же? О духоборцах. О других что говорить! Восстали сыновья каиновы — первый Веригин на истинное учение, через него и встали на плотский путь. И погрязли... Тошно глядеть.

Я спросил, чем же все-таки объяснить, что большинство духоборцев после смерти Калмыковой пошло за Веригиным.

— Путь плоти широкий. Позовите, пойдут топать. А путь духа трудный. Ученый зоветесь. Думаете, все вы можете рассудить. Что же не скажете о Веригине правду? Или не знаете, что распутник и пьяница? Что в роду это у них, у Веригиных. Что отец его и дядья отуречились. По-турецки и меж собой разговаривали. С разбойниками турецкими водились. Вот бы и написали о том. А что Губановы в чистоте себя держали, тоже не знаете? Не курили, не пили, трудились, пример всем давали. Почему Петр Ларионович (П. Л. Калмыков, руководитель духоборцев, умер в 1864 г.— *А. К.*) взял Лушечку Губанову? От доброго кореня плод добрый. Потому. А что Губановы сиротский дом отсудили, дело доброе сделали. По-вашему, Веригину было отдавать? Чтобы пропылил капитал на пути на плотском? На коней, на вино, на карты, на девок! Вот вам и весь материал. Слабая я. Старая. Охота будет — еще придете.

Попрощался. Старуха заковыляла к ограде, провожая меня.

Больше я не заходил в этот дом. «Мертвы, живут стариной, воспоминаниями» — эту относящуюся к

духоборцам «малой партии» характеристику Бонч-Бруевича моя собеседница подтвердила всем своим складом. Но то, что говорила она о Веригине, было верно, хотя, конечно, не исчерпывало сложного образа духоборческого руководителя, его противоречивой роли в духоборчестве, каким бы несимпатичным, во многих отношениях и отталкивающим ни был Веригин.

Калмыковский толк всегда составлял явное меньшинство среди духоборцев, по грубым подсчетам, процентов пятнадцать от общего числа верующего населения «Духобории» в канун Октябрьской революции. Когда же в 1967 г. было произведено выборочное анкетирование населения бывших духоборческих сел, из 300 опрошенных выявились 72 верующих, из них последователей калмыковского толка — 32. В этой группе верующих секуляризация сталкивается с наибольшими препятствиями и трудностями. Я вижу в том пример, подтверждающий мои наблюдения над другими течениями современного религиозного сектантства. Чем религиозная организация «мертвее», тем она устойчивее. Парадокс? Да. Но парадокс самой действительности.

Я побывал в нескольких бывших духоборческих селах. Ночевал в Гореловке в доме прямого потомка Михаила Губанова, из-за которого в духоборчестве разгорелся сыр-бор, вовлекший в борьбу все духоборческое общество. Культурная семья, гостеприимные хозяева. Религиозные споры, как и вообще религиозная вера, для них — «преданья старины глубокой». В Орловке посетил дом П. П. Веригина, принадлежавший его дальним сородичам. Ничто не напоминало в этих селениях о религиозной вере, однако прошлое духоборчества живо в памяти многих, в воспоминаниях свидетелей, в преданиях, передаваемых из уст в уста.

В Орловке встретился мне старик, представившийся: «Сема» — и доверительно сообщивший, что он любитель истории и собирает материал о духоборцах в России и Канаде. Он рассказал, что встречался с делегатами канадских духоборцев, посетившими Орловку, что переписывается со «старичками» духоборцами в Ростовской области, а также в Канаде.

Он был взволнован и рад тому, что я поддержал его исторические интересы. Мне удалось с ним побеседовать минут двадцать, в стороне, неподалеку от бывшего дома Веригина. Старик грамотный, самоучка и опасается насмешек односельчан, если они узнают о его историческом «любительстве». Он подарил мне несколько документов из своего собрания, некоторые наспех переписал для передачи мне — сунул в руки сверточек, обернутый в газету. Среди них машинописная копия письма, датированного 11 февраля 1948 г. Оно написано канадским духоборцем Н. Поповым канадскому же духоборцу В. И. Казакову и представляется мне интересным и показательным для настроений и мнений духоборцев в Канаде.

Н. Попов пишет: «Я на днях вычитал из газет, что меннониты Саскачевани, Манитобы и Британской Колумбии уже наняли пароход для выезда в Парагвай. Они мотивируют свое переселение в Парагвай желанием удержать молодежь от мирских соблазнов. Удержат ли? Поможет ли уединение в пустыне? Я сомневаюсь. Канада тоже была когда-то пустыней. Да, человек вообще вышел из пустыни, а теперь таких-то пустынь нет, где человек мог спасти себя от мирских соблазнов. Нет, надо жизнь свою устраивать так, чтобы люди воспитывались в другом духе. Чтобы правда и истина были более привлекательны, чем мирские соблазны. Да и что имеется в виду под мирскими соблазнами? Удобства жизни — автомобили, радио, пуховые постели и кресла и т. д. и т. д. Не это человека портит, а незнание, как все эти удобства распределить равно среди всех. Жили бы люди действительно по-христиански, было бы хорошо и со всеми этими удобствами.

В России, на вашей родине, я говорю на вашей, потому что вы там родились, а я здесь, в течение уже тридцати лет производится опыт справедливого распределения благ земных и устройства жизни на социалистических началах. Там место и духоборам — тоже помогать строить справедливую жизнь. Там бы у нас не было времени разлагаться. Да и свой язык, свои обычаи и нравы — простые русские нравы, не заносчивые, не атомные, а простые человеческие...»

Письмо Попова интересно не только в том отно-

шении, что передает патриотические чувства духоборческой массы. Его рассуждения об утопичности и иллюзорности «пустынножительства» как способа решения социальных и нравственных вопросов глубоко справедливы. Разве духоборчество не явилось опытом своего рода социальной робинзонады? И разве опыт этот избавил духоборческую среду от острейших противоречий, которые, как им казалось, никогда не достигнут их «прекрасного далека»?

Кстати, о «пустыне». Вспоминаю, как вместе с В. П. Сапрыкиным мы выехали к «пещерам», где в 1895 г. духоборцы сожгли оружие. «Пещеры» известны были и до того, как место, в котором происходили встречи знаменитых духоборческих руководителей — Лукерьи Калмыковой и Петра Веригина. В каменной, естественно образовавшейся пещере построена была каморка, в которой встречи эти и происходили. Она сохранилась и по сей день. Довольно высоко над входом в пещеру висит каменная плитка. На ней высечено: «О ты, радуйся, пещера, веселись, пустыня, прибежище Господа Бога нашего, тут пристанище истинное и покров утешения, а на врагов моих победа, а на супостатов одоление, оружие на неверующих, правоверным упование...»

Говорят, что текст этот был продиктован самой Л. В. Калмыковой. Какие же чувства внушили Калмыковой этот текст, если она его автор? Не исключено, что данный текст навеян литературным источником, например книгой пророка Исайи, тридцать пятая глава которой посвящена прославлению пустыни. Источник источником, но еще важнее, что в крестьянских религиозно-общественных движениях второй половины XVIII в. многократно воспета была «прекрасная матерь-пустыня», в которую стремились, как в убежище, ища спасения от крепостной неволи и солдатчины.

Чем бы ни являлась «пещера» для Калмыковой и Веригина, в глазах духоборцев это был нерукотворный, природой созданный храм (рукотворные, как известно, отвергались), посвященный «прекрасной матери-пустыне» и освященный пребыванием в нем их религиозных вождей. По отношению к окружающей действительности «Духобория» представлялась

им «пустыней», население которой «радовалось» и «веселилось» своей отчужденности, обособленности от мира, «лежавшего во зле». Это был опыт социальной робинзонады, религиозно санкционированной. Как показала история, он также «блистательно» провалился в России, как позднее в Канаде.

Но любопытная деталь, в летние дни молодежь из Орловки — «пещера» километрах в двух от нее,— да и из других селений, любит посещать эти места и радуется и веселится здесь со всей непосредственностью молодости, с песнями и танцами. Место живописное, выбор его для коллективного отдыха эстетически вполне оправдан, да и старички не будут ворчать, глядя на «мирские развлечения».

Впрочем, я не говорил с молодежью о мотивах, по которым она собирается для веселого досуга сюда, к «пещерам». Но вот я в одном из домов Гореловки, куда меня пригласили поужинать старики. Нас собралось человек десять — двенадцать. На столе миски с творогом и сметаной, овечий сыр, всевозможная снедь. Завтра, 6 октября, возвращаюсь в Богдановку — надо успеть переговорить «обо всем». Среди всего переговоренного звучит мотив глубоко уважительного отношения к памятным местам — «пещерам», «могилочкам» — усыпальницам духоборческих руководителей, «сиротскому дому».

Не знаю, есть ли в моем окружении верующие? Никто в этом качестве себя не проявляет. Но каковы бы ни были в прошлом действительные функции перечисленных памятных мест, в сознании моих собеседников нет и намека на признание за ними культового значения. Для них это памятники пережитой поколениями дедов и прадедов истории борьбы и страданий. Беседа тихая, задушевная, в которой мне ни на йоту не приходится поступаться своим лицом, чтобы быть понятым, чтобы чувствовать себя заодно с собеседниками. Размышления, воспоминания, мудрая притча, критическое замечание, добрая шутка — и все это в русле положительного отношения к социальным, культурным, нравственным достижениям сегодняшнего дня.

Ну а все-таки, что можно сказать о религиозных верованиях духоборцев в настоящее время?

Я присутствовал, как мы условились с П. Н. Чивильдеевым, на воскресном богослужении в Гореловке. Собралось около 30 человек, из них 25 женщин в возрасте от 45 до 70 лет. Мужчины рассаживаются по одну сторону, женщины — по другую. Каждого вновь пришедшего встречают вставанием и хоровым приветствием. Началось чтение псалмов (как здесь говорят, «пасаломов»); читали по очереди друг за другом. Чтение изустное. Бывало, кто-нибудь забывал стишок произносимого псалма. Другие верующие подсказывали, и общими усилиями богослужение шло своим чередом.

Кончили читать. Не помню кто, может быть и П. Н. Чивильдеев, дал слово мне. Я этого не ожидал, но не воспользоваться приглашением не мог. Поблагодарил за предоставленную возможность посетить собрание, пожелал присутствовавшим и их семьям здоровья и счастья, сказал, что среди традиций прошлого есть такие, которые заслуживают всяческого уважения и в наши дни. К ним относятся почитаемые духоборцами труд и мир. Труд и мир — основа жизни человека, будь он верующим или неверующим. В нашем обществе неверующие и верующие не враждуют друг с другом, а вместе, как братья и товарищи, строят новую жизнь. Выслушали с вниманием.

После началось пение псалмов.

Завершилось собрание взаимными троекратными поклонами верующих. Из расспросов выяснилось, что многие верующие вообще не посещают собраний или же присутствуют на них эпизодически. Но духоборческие обряды, сопровождающие рождение, брак, похороны, часто совершаются и лицами, относящими себя к неверующим.

Я заинтересовался духоборческим пением, и мне (не без труда) удалось уговорить нескольких верующих исполнить песни, популярные в духоборческой среде. Откликнувшихся на мою просьбу было человек пять. Мы встретились в доме одного из жителей Гореловки. Пение произвело на меня большое впечатление. Голоса были чистые, красивые, исполнение — музыкальное, проникновенное. Но более всего впечатляла самая песенная стихия — в ней ничего не

было религиозного, более того, ничего принципиально нового для каждого, кто слышал великорусские и украинские народные песни, песни казацкие и солдатские, популярные в народе в XIX в. Были песни печальные, были и веселые. А вот содержание их, хотя и выраженное простонародными словами, было религиозным (правда, не во всех песнях).

Мой общий вывод, сделанный в итоге поездки в Богдановский район, тот, что «Духобория» осталась в воспоминаниях, некоторых обычаях и обрядах и в тех освобожденных от религиозной шелухи социально-нравственных ценностях, которые выработал трудовой народ на тернистом пути своей истории.

Когда четыре десятилетия назад в «Духоборию» побывал Ф. М. Путинцев, он с горечью писал: «...на все Духоборье нет ни одного партийца из духоборов и до недавнего времени было всего два комсомольца (теперь семь), но они работают «в подполье» и свое комсомольское звание держат в секрете, боясь бойкота со стороны окружающих, особенно руководящих духоборов». Из 4303 человек, проживавших тогда в Богдановке, Гореловке, Орловке, Ефремовке, Спасском и Троицком, грамотных было 718. В Богдановке, Ефремовке и Тамбовке школ не было. На всю тогдашнюю «Духоборию» приходился едва десяток подписчиков газет. На происходивших в 1927 г. перевыборах Советов здесь лишь около 40% избирателей воспользовались своим правом.

Путинцев приходил к безотрадным выводам: «Революции в Духоборье, можно без преувеличения сказать, никакой не было. Революция мало коснулась пятисотенных стад богачей-духоборов, революция пока мало улучшила положение сектантской бедноты и батрачества. Причины этого — удаленное положение Духоборья от пролетарских центров, отсутствие каких-либо культурных сил в самом Духоборье, огромная тормозящая роль религии».

И все же свое очистительное и созидательное дело революция делала и в «Духобории», медленно преодолевая сопротивление эксплуататорских элементов, налегавших на все религиозные тормоза. Даже тот приводимый Путинцевым факт, что в «Духобории», когда он ее посетил, имелось 250 учащихся и

6 учителей, был по тем временам большим культурным достижением, если учесть не просто почти поголовную неграмотность духоборцев, но что это была неграмотность, возведенная в религиозный принцип. Ликвидация такой неграмотности требовала борьбы, огромных усилий. Вот как она начиналась.

«Я обратился с вопросом к П. П. Веригину,— рассказывает мой ростовский собеседник В. С. Лермонтов,— почему у вас все люди неграмотны? Он ответил: если им дать образование, они все захотят быть как боги. У нас есть перешедшая от отцов и дедов «Животная книга». А гех, кто хочет учиться по мирским книгам, мы наказываем.

В полку были учителя. Я собрал всех своих культработников — учителей, библиотекарей. Стали думать, как организовать среди населения культпросветработу. В полку у нас были две школы, одна для малограмотных, другая для неграмотных. Стали втягивать в них духоборческую молодежь. Боятся. Говорят: «Нас за это будут наказывать».

— А вы ходите потихоньку!

Несколько молодых людей и девушек согласились. Стали посещать школу. Одну девушку духоборы «застукали». И устроили над ней «братский суд». Сошлись в молитвенный дом. Помолились. Стали девушку допрашивать, как это ты самовольно пошла учиться?! Девушка плакала, молилась, просила прощения. Но других, кто учиться ходил, никого не выдала. Так, подпольно, обучили мы грамоте семь человек.

Приезжала в полк кинопередвижка. Солдаты приглашают девушек. Те боятся, отказываются. Кое-кто из молодежи решился посмотреть кино тайком от старших. Понравилось это дело. Все же узнали старшие. Зашумели: «Вы наших детей развращаете!» Между собой говорили: «Надо солдат выжить».

Стали мы голову ломать, как быть дальше? Как проводить массовую культпросветработу? И вот какой случай.

Время было уже позднее, но орловские еще пасли скот на пастбище. Нагрянули турки и ну угонять стадо. Прибегает Веригин: «Спасите наш скот! Мы еще можем нагнать турок!» Я смотрю, вижу выезжа-

ют на конях духоборы, с охотничьими ружьями, с овчарками. Решаю помочь. И двинул конницу. Пришлось немного нарушить границу, но весь скот завернули. Отделались небольшим скандалом с начальником турецкой заставы. Спасли скот. Духоборы собрались, стали благодарить, одаривать. Мы им отвечаем: «Подарки нам не нужны. Люди вы наши, будет время и вы станете такими, как мы».

После этого мы стали себя чувствовать лучше. Открыто повели политическую и культурно-просветительную работу среди населения. Духоборы помалкивали.

Поставил я вопрос об открытии школы в Орловке. Но орловские и богдановские духоборы наотрез от этого отказались, а про гореловских и говорить нечего. Но в наших полковых школах и кружках все больше стала участвовать молодежь. А зрелищные мероприятия собирали не только молодежь, но и людей среднего возраста. Лед все же начал трогаться.

Полк наш вскоре перевели в Тбилиси, но связь с ахалкалакскими духоборами мы не теряли, кое-кто из них приезжал в Тбилиси, навещали нас.

В 1924 году мне довелось побывать в Ахалкалакском уезде. В Богдановке уже действовала школа. Учеников, правда, было совсем немного. Еще боялись».

Так было в 1924 г., а к 1928 г., по приведенным выше данным Путинцева, в «Духобории» было 250 учащихся и 6 учителей. Новое прокладывало дорогу неуклонно, уверенно, но в труднейшей — и не без острых ситуаций — борьбе. Так было во всех сферах социально-культурной жизни. Особенно острой была классовая борьба, развернувшаяся вокруг коллективизации.

Первый духоборческий колхоз, объединивший менее десятка бедняцких семейств, возник в Гореловке в 1930 г. Он подвергся форменной травле со стороны богатеев, религиозных руководителей и многих находившихся в зависимости от них и под их влиянием середняков и даже бедняков. Враги колхоза прибегали к прямым угрозам и провокационным действиям. И все же медленнее, чем в других районах страны, но социалистическое кооперирование проникало и в ду-

хоборческие села. В 1937 г. «Духобория» стала на путь коллективизации. Он закономерно вел и привел к социальному и духовному освобождению «духоборческого народа».

Бывшие села «Духобории» ныне находятся на крутом подъеме производительных сил. Как в прошлом, так и теперь основное богатство населения — скот. Вот чем располагала единоличная «Духобория» того времени, когда ее посетил Путинцев, и чем ко времени моей поездки в Богдановский район.

Поголовье крупного рогатого скота

	Было (1926 г.)	Стало (1967 г.)
Калинино	168	902
Спасское	188	748
Ефремовка	137	596
Орловка	243	938
Богдановка	230	560
Гореловка	853	2 310
Всего	1 819	6 054

Поголовье овец и коз

	Было (1927 г.)	Стало (1967 г.)
Калинино	805	3 769
Спасское	747	3 222
Ефремовка	414	2 404
Орловка	1 133	4 095
Богдановка	781	2 520
Гореловка	5 252	9 788
Всего	9 132	25 798

Я уже упоминал о духоборческом хлебосольстве. Сколько ни приходилось мне наблюдать население Богдановки, Гореловки, Орловки в их повседневном быту, я всякий раз убеждался в его хорошей мате-

риальной обеспеченности; я видел не гостевой, а самый обычный семейный стол, уставленный обильной и здоровой пищей, пожалуй, даже чересчур обильной, но, как мне объяснили, этот пищевой режим продиктован местными природными условиями.

Среди населения имеется много отмеченных высокими правительственными наградами передовиков колхозного труда. Имеются и доблестные защитники Родины, воевавшие с немецко-фашистскими захватчиками. Среди них кавалер ордена Александра Невского и двух орденов Красной Звезды Владимир Власов, кавалер двух орденов Красного Знамени Василий Мирошников. В числе воинов Советской Армии, прошедщих боевой путь до самого Берлина, находились не только мужчины бывших духоборческих сел, но и воины-женщины — Анна Деменова и Мария Трофименко. И в настоящее время юноши из этих сел с честью выполняют свой воинский долг в рядах Советской Армии.

Во всех бывших духоборческих селах имеются восьмилетние школы. В Богдановке и Гореловке — средние школы. Имеются клубы, библиотеки, коллективы художественной самодеятельности, стационарные киноустановки. Радиофицированы все дома колхозников. Население одного лишь Гореловского сельсовета выписывало в 1968 г. до 5 тыс. газет и журналов. Новая историческая действительность давно пришла, утвердилась, широко открыла пути трудового, социального, культурного творчества населению бывшей «Духобории».

В ноябре 1971 г. я предпринял поездку в Сальские степи (Целинский район Ростовской области), чтобы познакомиться на месте с жизнью, бытом переселившихся сюда в 20-е годы духоборцев и молокан. Узнал много интересного. Путь, пройденный сектантами, поселившимися здесь, в главном совпадает с тем, который в советский период времени прошла «Духобория», повторяет основные изгибы ее истории. Одинаковы и итоги развития. Население «размолоканилось», «раздухоборилось», разуверилось в своих богах, а с ними и вообще в религиозной вере. Процесс секуляризации сознания, быта, всего образа жизни, насколько я могу судить по собранной информации,

приобрел здесь широкий и глубокий характер. Верующие есть, конечно. С некоторыми из них (духоборцами и молоканами) я встречался и беседовал — это люди преклонного возраста. Время от времени маленькими группами они собираются на богослужения в частных домах тех или иных единоверцев.

В целом же здесь молоканство, духоборчество — перевернутая страница истории.

На местах бывших сектантских сел в Целинском районе я увидел процветающие и благоустроенные колхозы, здоровое жизнерадостное население. Приведу отрывок из дневниковых записей за 20 ноября: «...посещаю село Журавлевку. Это в бывшем молоканском массиве района. Село чистое, ухоженное, дома с телевизионными антеннами. Захожу наугад в несколько домов. Новенькая полированная мебель отечественного, румынского, польского производства. В двух домах газовые плиты (газ привозной, в баллонах). На стенах по десяти — пятнадцати фотографий. Много фотографий солдат и офицеров при орденах и медалях. Почетные грамоты за трудовые успехи. В каждом случае хозяйка стремится попотчевать и искренно огорчается моему спасибо, но времени нет. Мне показывают просторный детский сад на 150 мест. Множество игрушек. Но детей нет. Суббота. Их развезли на сегодня и воскресенье к родителям. Посещаю клуб. Отличный. 430 полумягких кресел. На втором этаже библиотека.

Интересуюсь картотекой читателей. Их 730 из 1017 человек населения, вошедшего в читательский возраст. Интересы читателей разнообразны, но на переднем плане современная художественная литература, советская и переводная иностранная, русская классическая литература...»

Для обобщенной характеристики производственных, социальных и культурных достижений района я воспользуюсь извлечением из письма от 10 декабря 1971 г., которое мне прислал Н. Горишный, секретарь районного комитета КПСС Целинского района:

«В 1928 году по решению ЦК партии в области началась организация крупных совхозов и коллективных хозяйств, и к июню 1931 года коллективизация в районе в основном была завершена.

Вот что представлял колхоз, названный ныне именем XXII партсъезда, в 1931 году. В состав колхоза входило 25 дворов с числом колхозников 115 человек, из них трудоспособных 75 человек. Денежный доход колхоза за 1930 год составил 34 тыс. 228 руб. Площадь пахотных земель составила 234 *га*, средняя урожайность 11,5 *ц* с гектара. В колхозе было 93 головы крупного рогатого скота, в том числе 35 коров; 122 головы овец, 71 голова лошадей. Государству этим хозяйством продано 115,4 *т* хлеба. Так примерно выглядело каждое коллективное хозяйство, организованное в 1930 году на этом массиве.

Глубокие изменения произошли за прошедший период. На базе колхоза произошло объединение нескольких мелких колхозов. Ныне колхоз им. XXII партсъезда вырос в крупное многоотраслевое хозяйство.

На территории колхоза проживает около 2000 человек, около 1000 из них трудоспособное население, более 500 колхозников получают государственную пенсию. Земельная площадь колхоза 11 521 *га*, в том числе 9892 *га* пашни. В колхозе, несмотря на то что последние три года были крайне неблагоприятными по климатическим условиям, за восьмую пятилетку получен самый высокий урожай зерновых культур в районе — 26,7 *ц* с одного *га*. Средняя урожайность по району составила 22,3 *ц*. А в 1966, 1968, 1970 годах урожай составил более чем по 31,5 *ц* с *га*. Этому хозяйству, первому в районе, по условиям Всероссийского социалистического соревнования присвоено звание колхоза высокой культуры земледелия. Колхоз ежегодно продает государству около 10 000 *т* добротного зерна.

В хозяйстве имеется 3700 голов крупного рогатого скота, в том числе более одной тысячи голов коров; около 3 тыс. свиней, 10 тыс. голов овец, 5 тыс. птицы. Ежегодный валовой доход составляет 1343 тыс. рублей. Давно завершена полная электрификация хозяйства. Работает 100 электромоторов. В собственности колхоза имеется 52 трактора, 43 автомашины и много других сельскохозяйственных машин и орудий.

Большое внимание уделяется производственному и культурно-бытовому строительству. Построены дво-

рец культуры на 450 мест, средняя школа на 300 мест, начальные школы, интернат на 80 мест, детский сад, 8 магазинов, библиотека на 10 тыс. экземпляров. В личном пользовании колхозников имеется более 70 легковых автомашин и мотоциклов, почти в каждом доме имеются телевизоры, холодильники, стиральные машины и другая бытовая техника, половина колхозных домов пользуется газовыми приборами.

Около 90 колхозников награждены Юбилейными медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». 42 человека награждено правительственными наградами за успешное выполнение заданий восьмой пятилетки.

Многие колхозники проявили героизм и отвагу на фронтах Великой Отечественной войны, за что награждены высокими правительственными наградами.

Самоотверженно трудились колхозники и в послевоенный период по восстановлению сельского хозяйства, многие из них отмечены правительственными наградами, а Юриценой Варваре Дмитриевне и Сурженко Василию Тимофеевичу присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда...»

Таковы Сальские степи сегодня, а еще в сравнительно недалеком прошлом здесь находился своего рода «заповедник» молоканства, духоборчества и других религиозных сект. На этой территории происходила острая классовая борьба в период социалистического преобразования сельского хозяйства. Можно с уверенностью сказать, что именно тогда в процессе классовой борьбы рухнули устои молоканства, духоборчества, новоизраильтянства как религиозных течений. Это не было безболезненно, борьба есть борьба со всеми ее жертвами, утратами и издержками.

Но рухнули устои именно религиозного быта, поведения, сознания. Были и другие устои в молоканстве, духоборчестве, новоизраильтянстве — система ценностей, сложившаяся и пронесенная сквозь десятилетия людьми труда, уходившими в религиозные секты в знак социального протеста против самодержавия, крепостничества, господствующей церкви. Это были простые человеческие нормы социальной и

личной морали и поведения. Первое место среди них занимали трудолюбие, взаимопомощь, ответственность перед собой и окружающими людьми, чувство долга. Эти ценности сохранились; освобожденные от религиозной оболочки, они внесены бывшими молоканами и духоборцами в новую жизнь. Они преобразовались и обогатились на новой почве, питаясь ее соками.

ГЛАВА
ВОСЬМАЯ

НА СОБРАНИИ У МОЛОКАН[1]-ПРЫГУНОВ

В этой главе мне хочется познакомить читателя с дневниковыми записями о посещении собрания молокан-прыгунов, имевшего место

[1] *Молокане.* Название секты, по толкованию ее идеологов, основано на евангельском тексте: «Возлюбите чистое словесное молоко», каковым они считают проповедываемое ими учение. Секта возникла в конце 60-х годов XVIII в. среди государственных крестьян и вскоре приобрела последователей в среде мещан и купечества. Молокане признают Библию как единственный источник религиозной веры и руководство в гражданской и семейной жизни. Они проповедуют общепротестантскую идею «спасения верой», библейские сюжеты истолковывают не в буквальном, а в «духовном» смысле, главным образом в «переводе» на язык этических категорий. Христианское учение о троице сохранено, однако бог-отец выделяется среди «единосущных» ему бога-сына и святого духа. Провозглашается равенство людей как «братьев во Христе». Религиозный культ молокан упрощен и сводится к собраниям, проводимым в обыкновенных помещениях. На собраниях читаются тексты из Библии и поются молитвы. Оплачиваемых священнослужителей нет, роль последних исполняют пресвитеры.

Молоканство представляло собой одну из религиозных форм демократического антикрепостнического движения. Молокане, причисленные царским правительством к «вреднейшим сектам», подвергались преследованиям. В 40-х годах XIX в. большое число молокан было выслано в Закавказье. К этому времени уже обнаружилось классовое расслоение в их среде, а руководство сектой оказалось в руках крупных землевладельцев и скотовладельцев. С этими процессами связано возникновение раскола в молоканстве. В 30—40-х годах XIX в. возникли толки «общих» и «прыгунов». Постепенно во всех молоканских толках возобладали буржуазные элементы, что обусловило возраставшее сопротивление рядовых верующих и привело молоканство еще в конце XIX в. к кризису.

В настоящее время молоканство представлено сравнительно немногочисленными последователями.

в сентябре 1968 г. в г. Ереване. С одним днем работы исследователя. Вот эти записи.

«Сегодня, 13 сентября, посетил собрание прыгунов. Разыскал нужный мне дом, находящийся на окраине города. Во дворе трое маленьких девочек. Спросил Петра Павловича — хозяина дома, арендуемого общиной для молитвенных собраний. Девочки указали на пристройку в глубине двора, плохо видимую за густыми растениями, деревьями. Прошел за деревья. Десятка два женщин стояли в молитвенной позе перед пристройкой, из которой доносились слова проповеди.

Увидев меня, женщины расступились, но в помещение мне так и не удалось войти: у порога полукругом, почти касаясь грудью земли, простерлись шестеро женщин. Я поднялся на цыпочки. В молитвенном доме — комнате в 30—35 $м^2$, увешанной белоснежными полотенцами с голубой вязью букв (библейские изречения), толпились люди — женщины, повязанные белыми платками, в белых кофтах и юбках, поверх которых — белые фартуки, а впереди, ближе к столу, за которым стоял проповедник,— мужчины. Проповедник толковал какой-то сюжет из ветхозаветной истории.

Но вот зазвучала песня и послышались отстукиваемые подошвами ног ритмы. Продвигаюсь, насколько возможно, вперед. Теперь видны то в одном, то в другом месте воздетые руки. В глубине комнаты особенно выразительна пара мужских рук, вытянутых над головой параллельно друг другу. Руки трепещут, кажется, что ритмическим дрожанием охвачены не только ладони, но и каждый палец. Я вижу черную голову мужчины, который по безукоризненной вертикали подскакивает кверху легко, равномерно, как заведенный. В момент подскока видны целиком воздетые руки, они так и ходят: пальцы, ладони, предплечья... Замечаю еще несколько прыгающих. Песнь умолкает. Слышу передающийся по рядам шепот: «Петра Павловича, Петра Павловича...»

Это зовут хозяина дома. Он с трудом пробирается к выходу, подходит ко мне, берет мягко под локоть и отводит на несколько шагов в сторону. Называю фамилию, объясняю, что приехал из Москвы, что

изучаю разные веры и т. д. Петр Павлович интересуется, хочу ли я поговорить со старичками, так как он сам не горазд в том, что меня интересует. Но это, разумеется, после собрания, а пока он провожает меня через толпу молящихся в помещение и ставит в ряды мужчин. В комнате жарко, душно. Три настольных вентилятора отчаянно вертят пропеллеры, но напрасно — воздуха не хватает.

С предельным вниманием всматриваюсь в окружающих. Десятка три мужчин в широких, белых и розовых русского покроя рубахах, подпоясанных, одни светлыми шнурками, другие — белыми матерчатыми полосками. Все бородачи — бороды и «лопатой», и клинышком, русые, черные, седые. Особенно внушительны старики. И тут припоминаю субботников, с которыми встречался в селах Тамбовской и Воронежской областей. Субботники не отличались русской традиционной крестьянской одеждой, но в них, как сейчас в прыгунах старшего поколения, меня поразило что-то праотеческое, не знаю, как лучше сказать, выражавшееся в их лицах.

В уме возникали и другие ассоциации, потянувшиеся, может быть, не без связи со словами проповедника, говорившего в то время о судьбах «избранного народа», наказанного богом. Мотив богоизбранности был ведущим почти во всех без исключения течениях старого русского сектантства. Они толковали Библию как наперед написанную именно о них священную книгу. Они проникались не только библейским учением, но, в меру своего понимания, и отразившейся в Библии патриархальной атмосферой, этическими и эстетическими представлениями, бытовыми нормами, вживались в мифические образы ее героев.

Если припомнить историю этих течений, то процесс как умственного, так и эмоционального освоения Библии ее народными читателями и почитателями в России насчитывает многие десятилетия, а в ряде случаев (христововерие, молоканство) и века. Положение этих течений в царской России как преследуемых и изолируемых самодержавием, шельмуемых и проклинаемых господствующей церковью поддерживало в них иллюзию богоизбранности. И ил-

люзия эта в среде предававшихся ей людей закреплялась психологически и социально-психологически, формировала их внутренний образ, накладывала характерный отпечаток на внешний облик.

Богослужение продолжалось. В воспоминание о «жертве Христовой» между молящимися понесли блюда с кучками белого хлеба. Не обнесли и меня. Хлеб был плоский, как он выпекается в Армении и Грузии, судя по вкусу, не заквашенный на дрожжах, а изготовленный с применением соды, немного сладковатый. Проповедник сказал, что тот, кто вкушает хлеб с нечистой совестью, превращает его в свидетельство против себя. Потом запели. Пели не только дружно, но с энтузиазмом. Особенно усердны были мужчины и женщины среднего поколения.

Мелодия была народная, напоминавшая старинные русские песни. Время от времени возникала первая музыкальная фраза из песни «Эх, полным-полна коробочка» и растворялась в мотивах песенного фольклора широких и, я бы даже сказал, удалых, что не совсем вязалось с понятием о богослужебном пении. Певцы, а ими были все молящиеся, все больше входили во вкус; теперь, выводя мелодию, они приседали, упираясь руками в колена, песенный ритм становился все круче, голоса звучали громче и вот — один, другой, третий... девятый, десятый... по крайней мере половина молящихся пришла в движение. Лес воздетых рук, качающихся в лад пению. Стоящий вблизи от меня старик громко скандирует какие-то слова, на минуту-другую умолкает и снова вскрикивает.

Эмоциональная кривая моления устремляется вверх. Какая-то пожилая женщина, как и все в белой с головы до ног одежде, делает резкий выпад, топнув ногой и выбросив вперед руки (мне показалось, что при этом она щелкнула пальцами). Топанье, трепет воздетых рук, певцы выходят «вон из себя», надрываются. Несколько молящихся запрыгали. По мере того как певцы набирают темп, прыжки делаются чаще и выше. Одни прыгают с воздетыми руками, другие, прижав локти к бокам, сцепив и стиснув ладони. Попрыгали, устали, успокоились. Пение продолжается, но становится протяжней и тише.

Пресвитер покидает свое место за столом, обходит поочередно собравшихся, целует их. Подойдя к усердному чернобородому, средних лет прыгуну, говорит ему: «Брат, ты угоден господу...» Пение стихло. Проповедник читает евангельский текст. Несколько прыгунов все еще не могут опомниться. Они продолжают невысоко, но часто подпрыгивать и наконец замирают.

Мне не удалось наблюдать радений верующих — скопцов и христововеров («хлыстов»). Я знаю о них по рассказам очевидцев и участников, как, например, о скопческом радении, чему я уделил место в очерке «Встречи со скопцами». В 1959 г. в Тамбовской области мой собеседник христововер исполнил по моей просьбе радельные песни. Дважды я присутствовал на экстатических собраниях пятидесятников. На одном из них слышал и говорение «на иных языках».

Конечно, много общих черт имеют проявления коллективной религиозной одержимости в сектах, придерживающихся экстатических форм культа. Все же не о пятидесятниках вспомнил я, наблюдая молитвенное собрание прыгунов. Почему? Психологическая атмосфера пятидесятнических собраний отличалась оголенностью нервного возбуждения, судорожным состоянием некоторых верующих, выражением ужаса и отчаяния на их лицах, сопровождалась выкриками, нечленораздельными, «нечеловеческими», тем, что в народе называется «дурным голосом». Элементы всего этого были и на прыгунском собрании, и все-таки общая картина — иная.

Мне вспомнились радельные песни, которые поют христововеры. Та же в основе народная песенная, точнее сказать песенно-плясовая, стихия, характеризующаяся голосовым выделением тактов, развитием мелодии по кругу, т. е. с периодическим возвращением ее к начальной музыкальной фразе, но с нарастающей силой звучания и убыстрением ритма.

Но вот среди молящихся происходит какое-то движение. Они расступаются. У стола, за которым сидят «старцы», расстилают коврики. По образовавшемуся коридору проходит пожилая женщина. Она несет пшеничный каравай и солонку с солью, с низ-

ким поклоном ставит свой дар на стол, отступает и падает ниц, опустившись на коврик предплечьями, склонив голову до самого пола. Она поминает умерших родных, плачет, голосит: «Господи, прости мои прегрешения, я от юности бедная, муж погиб...» Женщина причитает, просит братьев и сестер помолиться за души ее умерших родных, не оставить в своих молитвах и ее горькой судьбы — все это не подымаясь с коврика, не отрывая от него склоненной головы.

Всхлипывают и другие женщины, вытирают слезы старики, хором продолжая слова молитвы. Тем временем со всех сторон через ряды молящихся передают деньги. На столе вырастает горка — монеты, рубли, которые пресвитер заворачивает в белую салфетку. Это коллективное вспомоществование поминающей. Наконец, старец подымает женщину, утешает, целует ее. Собравшиеся поют, а поминающая становится в их ряды. Сворачивают коврик. Затем старцы поочередно читают тексты из евангелия и посланий Павла, сопровождая чтение кратким объяснением. Снова поют.

И в течение всего хода собрания, в котором песни служат важным организующим фактором, при всем разнообразии песен не было ни одной в полном смысле молитвенной. Это не отрешенное от земли, с небес струящееся пение серафимов и херувимов, не ангельский, а крестьянский хор, звучащий задушевно, печально, порой и горестно, но разрешающийся, как правило, в бодром, светлом мажоре...

Собрание кончилось. Ко мне подходят старцы.

— Сейчас у нас будет братская трапеза, побеседуем за общим столом. У нас гостят сестры из Тбилиси. Желаете — оставайтесь.

Я спросил:

— А не помешаю вашей беседе? Я бы не хотел смущать ваших братьев и сестер.

— Ну, и ладно,— ответили мне,— тогда ступайте. Извините, если что-нибудь вам у нас не понравилось. А если интересуетесь, приходите снова сегодня, часов в пять. Будет вечернее собрание.

Я принял приглашение, распрощался. Приехал к прыгунам за полчаса до начала их вечернего собрания. Сделал это специально, чтобы дать возможность

верующим подробнее расспросить меня о цели посещения, все объяснить, рассеять возможные, да и просто неизбежные сомнения, подозрения. Конечно, я бы мог сделать это раньше, перед началом утреннего собрания. Еще накануне обдумывал, как правильнее мне поступить. Слов нет, прямой путь предпочтительнее: у меня никаких намерений вводить в заблуждение верующих относительно моих интересов и убеждений не было. Я приготовился к честному и откровенному объяснению. Но когда его сделать — вот в чем вопрос. И решил прийти без предупреждения. Если мое присутствие на молении покажется верующим нежелательным, удалюсь. Я опасался другого. Практика убеждала, что предупрежденные о посещении верующие начинают «работать» на исследователя, иногда меняют и самый сценарий собрания, опуская все то, что, по их мнению, может исследователю показаться предосудительным. Знал и то, что уважительное поведение исследователя в среде молящихся — это тоже своего рода «объяснение» с ними и что самые беглые, но вразумительные и по тону доброжелательные ответы на их вопросы будут ими приняты со вниманием и по достоинству оценены.

Позволю себе немного поразмышлять о психологии исследователя, изучающего современные религиозные секты. Исследователь, выходящий в «поиск», должен быть во всеоружии знаний, опыта, это само собой разумеется, но «всеоружие» предполагает и глубокую внутреннюю уверенность в успехе. Без этого он рискует, что его теоретические познания останутся «мертвым инвентарем», ибо лишь установка на успех, горячее к нему стремление воодушевляют, приводят в творческое движение весь методологический инструментарий. Оптимистическая установка исследователя необходима, но она ничего общего не имеет с искусственным бодрячеством, самонадеянностью, отсутствием трезвого расчета как в оценке собственных способностей и сил, так и сложности поставленной задачи, реальной значимости барьеров, которые стоят между ним и объектом исследования.

Что же является источником, питающим веру исследователя в успех его сложной, терпеливой, уместно будет сказать, ювелирной работы? На этот вопрос

исследователь может ответить не иначе, как до конца продумав и осознав, с чем он идет к верующим.

Миссионеры православной церкви, среди которых, конечно, были и люди, по-своему эрудированные, посещали собрания сектантов, с тем чтобы добыть обличительный материал. Они шли к сектантам как недоброжелатели, сознавали себя в окружении их как во вражеском стане, и соответственно «познавательными» их инструментами, как правило, являлись хитрость, коварство, ложь, обман доверия. Им ничего не оставалось, как либо держаться в среде сектантов с высокомерием представителей господствующей церкви, либо со снисходительностью «истинных» пастырей к «заблудшим овцам», либо лицемерить, изворачиваться.

Народнические и либеральные исследователи сектантства старались «подладиться» под уровень понятий, нравов, обычаев, установлений, традиций исследуемой среды и волей или неволей льстили сектантам, подыгрывались под них. Как правило, это панибратство очень скоро возбуждало подозрения со стороны сектантов. Какими бы ни были «добрыми» намерения, во имя которых те или иные народники прибегали к идеологическому маскараду, маскарад есть маскарад, и, почувствовав это, сектанты не доверяли уже и «добрым» намерениям тех, кто к нему прибегал.

Мне навсегда запомнились прочитанные в юности воспоминания Г. В. Плеханова о «землевольце» А. Д. Михайлове. Стремясь привлечь к участию в революционном движении старообрядцев, он поселился в одной из их семей где-то на окраине Саратова. Вместе с хозяевами Михайлов строго выполнял обряды, молился, постился, носил «лестовку» — особые, принятые у старообрядцев четки. Эффект от всего этого явно не соответствовал по многим причинам труду, вложенному Михайловым в свое старообрядческое «перевоплощение». Пример, разумеется, крайний, но красноречивый и убедительный.

Вера советского исследователя в успех своего дела основывается на том, что у него нет никаких намерений и целей, которые он должен был бы скрывать, что он честен одной и той же честностью перед самим

собой и средой, которую изучает. Верующие умеют ценить в исследователе его принципиальность, идут навстречу общению с ним, поскольку оно строится на основе ленинских заветов об отношении к верующим. При всем этом исследователю необходимы и знания, и трезвая оценка тех или иных ситуаций, и учет индивидуальных особенностей собеседника, и многое другое, что дается не только книгами, советами других, но и личным опытом.

Степень откровенности исследователя, изучающего религиозную среду, зависит от ее особенностей и повышается по мере преодоления отчужденности верующих, углубления контактов с ними, ростом взаимопонимания, но искренность исследователя есть величина постоянная; она-то и взламывает в конечном счете лед сомнения, недоверия со стороны верующих даже в тех случаях, когда этот лед лежит толстым слоем...

И вот я в том же дворике, где был утром, окруженный преклонных лет старцами. Мы беседуем, и стоящие рядом мужчины помоложе внимательно слушают разговор, не вмешиваясь в него. Поодаль несколько женщин. Они не скрывают интереса к своего рода «чрезвычайному происшествию», ознаменовавшему сегодняшний день их общины. С невозмутимыми лицами некоторые из них появляются в нашем кругу. Другие поднялись на крыльцо, чтобы лучше видеть.

Опять, но на этот раз обстоятельно объясняю, зачем пришел, рассказываю о прошлых встречах с молоканами так называемого постоянного толка, называю их имена...

— Да, да, Булгаковы, Галкины, знаем, знаем, фамилии молоканские... Постоянные они, говорите, а мы духовные христиане — прыгуны. Предки наши, несколько тысяч душ, в пятом году выехали из России...

— В Калифорнию,— продолжаю я,— не в пятом только году, но с первого по одиннадцатый год переселялись, всего до трех с половиной тысяч душ...

Один из собеседников меня прерывает:

— Да, последние в одиннадцатом году переселились. А откуда вы это знаете?

Я сослался на источник, окруженный в глазах прыгунов ореолом святости, на вышедшую в Лос-Анджелесе книгу «Дух и жизнь». Эта изданная калифорнийскими молоканами-прыгунами книга содержит краткую историю молокан и сочинения их наиболее выдающихся религиозных деятелей.

Один из стариков спросил:

— Если вы, как говорите, изучаете нашу историю, то с какого, по вашему мнению, времени существуют духовные христиане?

Я повернулся к спрашивавшему. Седой, с черными, горящими глазами, он среди окружавших меня старцев казался молодым. Голос его звучал звонко.

Что ж, экзамен так экзамен!

— В книге «Дух и жизнь»,— начал я,— сказано, что первые духовные христиане появились в России пятьсот — шестьсот лет назад. Духовными христианами в этой книге называются выступавшие в то давнее время против церкви еретики, начиная со стригольников и кончая Матвеем Башкиным и Феодосием Косым.

— Да, да, Ба́шкин,— вставил один из слушателей. На реплике я не остановился, лишь про себя отметил, что молокане произносят фамилии с ударением на первом слоге, как и духоборцы.

Я продолжал:

— Знаю, книга «Дух и жизнь» вам дорога, но ведь и она, как вы говорите, «дело рук человеческих». Много лет я изучал первых русских духовных христиан, читал сочинения, которые они сами писали, и те, которые писали тогдашние попы и митрополиты, гнавшие их... Но должен вам сказать, они не были ни прыгунами, ни постоянными молоканами, хотя между их верой и вашей действительно многое сходится. А духовные христиане, из которых позднее вышли и прыгуны, появились чуть больше чем два века назад, в середине восемнадцатого века. В своих книгах я писал и о тех давних духовных христианах, и о тех, которые были прямыми вашими предками. Пришлю вам эти книги. Пусть вы со мной и не согласитесь, а почитаете.

— Просим, пришлите. Почитаем,— послышались голоса.

— А сейчас я приехал, чтобы с глазу на глаз встретиться с вами, самому познакомиться, чему вы учите, как живете. До сих пор знал вас по архивным бумагам да по книгам, а теперь хочу по жизни узнать.

— И то право,— услышал я,— и давно бы пора. От свету мы не хоронимся, хотя пишут писатели, дескать, мы свет тушим и всякое там бесчиние творим...

— Так писатель Мельников-Печерский писал,— сказал один из участников собеседования,— а когда переиздавали книгу его, небось всякий раз добавляли.

Я чувствовал, что приходится отвечать за вымысел Мельникова-Печерского, как и за более поздние примеры подобного рода. Но чувствовал, что не в упреках дело. Пожалуй, они косвенно свидетельствовали, что мост доверия между мной и собеседниками проложен.

— Приехал к вам не с пустыми руками. Я познакомлю вас с письмом, в котором Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич написал мне, как он знакомил Владимира Ильича Ленина с сочинениями духовных христиан-молокан.

И я развернул письмо. Его бережно взял в руки старец, который задал мне вопрос о времени появления духовного христианства. Верующие сомкнулись вокруг нас. Старец надел очки. Он читал вслух отчетливо и осмысленно:

«Владимир Ильич очень интересовался рукописями сектантов, которые я собирал, особенно старыми рукописями. Он тщательно просматривал их, когда приходил,— а это бывало нередко,— ко мне в Кремле на квартиру. Он изучал их полуславянский язык, начертания букв и пр. Особенно заинтересовали его философские сочинения. И как-то раз, когда он особо углубился в их чтение, заинтересовавшись содержанием рукописей духовных молокан,— эти рукописи были XVIII и XIX вв.,— сказал мне: «Как это интересно! Ведь это создал простой народ... целые трактаты... Ведь это семнадцатый век Европы и Англии в девятнадцатом столетии России... Неужели все это до сих пор не изучено?»

Старец дочитал письмо, долго всматривался в подпись В. Д. Бонч-Бруевича... Среди присутствующих раздались глубокие вздохи. Я оглянулся. Как много слушателей... Как слушают...

Снова взял слово.

— Теперь вам понятно, зачем, какими намерениями приехал я к вам. Изучать вашу историю, сочинения советовал сам Владимир Ильич. Еще скажу, что письмо, которое вы слышали, напечатано в книге Бонч-Бруевича, в первом томе его избранных сочинений. Книга эта вышла в Москве в 1959 г. Советую достать и почитать. А письмо, которое вы сейчас слышали, пусть пойдет вам на пользу, а не на гордыню. Изучать ваши сочинения не значит с ними соглашаться. Чувства ваши, как людей верующих, я уважаю, не обижу и не оскорблю их, а насчет верований прямо скажу: не разделяю ни ваших, ни любых других верований.

Один из присутствующих, мужчина лет пятидесяти, обратился к старцу, все еще державшему в руках письмо:

— Можно спросить?

Тот одобрительно кивнул головой:

— Спрашивай, ежели по разуму.

— Не откажите ответить, почему Владимир Ильич советовал изучать писания наших предков? Он-то атеистом был, как и вы.

— Что же, вопрос разумный. Давайте рассудим вместе: самые далекие предки ваши были сперва православными. Верно?

— Верно.

— И порвали с православием, с церковью, хотя это дорого обходилось молоканам. Ссылки, гонения, ну не мне об этом вам говорить. Верно?

— Верно, верно! — отозвались кругом.

— Значит, умом своих дедов и отцов предки ваши не захотели жить. Они собственным умом хотели понять жизнь. Церковь отвергли. Осудили насилие человека над человеком, то есть власть попов и помещиков над телами и душами простых людей. Верно я говорю?

Со всех сторон слышались возгласы согласия и одобрения.

— Вот поэтому-то Владимир Ильич Ленин и интересовался сочинениями народных мыслителей. Конечно, и вашими сочинениями. Понятен мой ответ?

Мужчина, задавший вопрос, ответил:

— Все понятно. Спасибо, что захотели поговорить с нами. Можно еще вопрос задать?

Кругом зашумели:

— Будет, будет...

— Почему же, будет? — возразил я.— Спрашивайте, пожалуйста.

— Ну а сейчас как? Как сейчас к нашей вере относятся? Или были мы хорошими, а стали плохими?

Реакция на этот вопрос, во всяком случае у многих, была отрицательная. Кто-то сказал:

— Будет умничать-то, человек за себя говорит, что его за всех спрашивать!

Тем более я считал нужным дать объяснение:

— Я скажу вам открыто: учение предков вы переняли, а что они учили своим разумом жить, это отбросили. Говорите: мы исповедуем духа живого, а сами букву исповедуете, что предки завещали полтора века назад.

Люди притихли. Мне не было ясно, какой отзыв находят мои слова. Я продолжал:

— Можно мне, не таясь, сказать, что я думаю?

Тишина. Ее прервал старец, бывший моим основным собеседником:

— Блаженны хранящие суд и творящие правду во всякое время.

— Так вот,— продолжал я,— наставники и страдальцы ваши вперед смотрели, а вы? На одном и том же месте стоите. А жизнь ушла далеко вперед. Не примите правду в обиду.

Все молчали. Конечно, не в знак согласия. Но определенно чувствовалось и то, что контакт не порван.

Я взглянул на часы. Около шести.

— Собрание-то ваше как я задержал! В беседе времени не заметил!

Мы поднялись. Окруженный старцами, я вошел в молитвенный дом. За нами все, кто нас слушал.

Все же собрание началось вовремя, без нас, при наличии полутора-двух десятков молящихся. Меня провели к столу и посадили вблизи пресвитера. Процедура вечернего собрания мало отличалась от утреннего. Но условия для наблюдения стали несравнимо лучше.

На столе, за которым то сидел, то подымался пресвитер, лежали книги. Библия, раскрытая на посланиях Павла, молитвенник, книга «Дух и жизнь». Пресвитер поочередно обращался к старцам, сидевшим по краям стола. В ответ старец вставал, читал какой-нибудь евангельский текст и кратко его толковал. Слушатели, если их не удовлетворяло толкование, обращались к чтецу за дополнительным разъяснением. Чтение прерывали опоздавшие. Женщины тихо и скромно устраивались на задних скамейках. Мужчины же (за исключением молодых) уверенно проходили вперед и, остановившись возле стола, лицом к старцам, возглашали:

— Паргинал, Ассурингал, Юзгорис!

Все вставали. Старцы отвечали на приветствие. Потом все усаживались и чтение продолжалось. Тайну слов «Паргинал, Ассурингал, Юзгорис» открыть не берусь. Максим Рудометкин — вероучитель прыгунов неоднократно обращался к словотворчеству в посланиях к верующим, которые он писал, находясь в монастырском заключении.

Он называл свое словотворчество «сионским языком». Приведенные выше слова принадлежат «сионскому языку». Они входили в приветственный ритуал, установленный Рудометкиным. Это был пароль, с помощью которого прыгуны в любых обстоятельствах могли опознавать друг друга.

Что еще можно сказать о «сионском языке», коль скоро культовая практика прыгунов напомнила о его существовании? «Сионский язык» составлял прямую принадлежность «божественной тайны», которой окружал себя Максим Рудометкин для большего воздействия на чувства верующих. Он носил титул «царь духов и вождь сионского народа». Это звучало величественно и торжественно, но все-таки по-земному. «Вождь сионского народа» интуитивно пришел к тому, что для слепого поклонения

со стороны своих последователей необходимо внушить им мысль о его, Рудометкина, исключительности, несоизмеримости с остальными верующими, составляющими «сионский народ». И, ссылаясь на «дикт святого духа», Рудометкин наименовал себя: «Енфанаил Савахан Юлия». Это было не только торжественно, но и непонятно, что и требовалось Рудометкину.

В своем словотворчестве Рудометкин то переиначивал древнееврейские и греческие слова, то предавался вольной игре фантазии. По характеру своему «сионский язык» подобен лексиконам религиозных экстатиков всех времен, вплоть до нынешних пятидесятников с их «даром говорения на языках». Одержимые «святым духом», экстатики выражают свою религиозную одержимость не только в телодвижениях, но и в словотворчестве, бессмысленном и бессвязном.

Но вернемся к богослужению. Чтение священных текстов слушали не очень внимательно, и пресвитеру несколько раз пришлось восстанавливать тишину. Когда же программа чтений была исчерпана, пресвитер обратился к собранию:

— Братья и сестры, у нас присутствует гость... (несколько голосов подхватывают: «Александр Ильич»). Так вот,— повернулся ко мне пресвитер,— Александр Ильич, вы можете обидеться, что мы все говорили, а вам слово не дали. Может быть, что скажете братьям и сестрам, что пожелаете?

Хотя у меня уже был опыт выступления перед молитвенным собранием духоборцев, все же приглашение было неожиданным. Я поднялся.

— Я приехал к вам для знакомства. Без задней мысли, без камня за пазухой. Чтобы поближе узнать вас. С добрыми намерениями. И рад буду, если вы услышите и примете эти мои слова.

Пресвитер разъяснил:

— Александр Ильич говорит, что пожаловал с миром.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мир и правда,— пошло по рядам.

Я должен обратиться к читателям: не расценивайте тональность, манеру воспроизведенной здесь

моей речи как отступление от моей же рекомендации не подлаживаться к верующему собеседнику. Я не подлаживался, говорил то, что думал, даже и тогда, когда знал, что моим собеседникам это не придется по вкусу. А вот слова и тональность речи действительно выбирал с учетом особенностей «внутреннего слуха» верующих, перед коллективом которых выступал. Данная среда верующих, так же как среда адвентистов, или баптистов, или пятидесятников, всякий раз предъявляет в этом отношении свои требования. Исследователь должен быть понят верующим.

Когда в 1903 г. Второй съезд РСДРП принял решение об издании социал-демократического листка для сектантов, В. И. Ленин не обошел и такой, казалось бы, «мелочи», как вопрос о «наиболее удобном шрифте» для листка. Огромное значение и ныне имеют для исследователя (разумеется, и для пропагандиста) ленинские слова о том, что «человек, выступающий перед рабочей массой», может говорить «в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы». Осуждение такой формы выступления Ленин называл «придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия...» [1]

Потом состоялся акт проводов делегации тбилисских молокан-прыгунов, состоявшей из четырех женщин. Он занял минут двадцать — тридцать. Это была своего рода интермедия, как и происходивший на утреннем собрании поминальный акт.

В схеме развития богослужебной ситуации такие интермедии играют роль психологического переключателя в момент, когда внимание молящихся притупляется известным заранее, привычным, а следовательно, и монотонным распорядком культового действа.

Проводы происходили так: перед столом с сидевшими за ним старцами расстелили коврик. На него по двое, в затылок друг другу, опускались тбилисские посланницы. Не подымаясь с колен, они пооче-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 423.

редно молились вслух. О чем? О прегрешениях, потерях, печалях, испытаниях, заботах, болезнях. Молитвы гостей произносились на фоне коллективного пения. Оно продолжалось и тогда, когда гости умолкли. Ко все еще коленопреклоненным женщинам подошел пресвитер, напутствовал, поцеловал.

Стихло и пение. И тут наступила пауза, какая-то заминка в богослужении, до сих пор происходившем в строгом порядке.

К столу прошли несколько молодых мужчин, что-то сообщили пресвитеру и старцам, о чем-то переговорили; то ли совещавшиеся пришли к согласию, то ли нет? Тут один из старцев поднялся и полным голосом возвестил:

— Братья и сестры хотят помолиться!

Тогда пресвитер распорядился:

— Уберите скамьи!

Их убрали бесшумно и быстро. Мужской голос затянул песню. Ее дружно подхватили. Дальше все происходило, как утром, с той лишь разницей, что теперь в общей картине моления мне становились доступными детали.

Опять воздетые, вибрирующие кисти рук с растопыренными пальцами. Я всматривался в происходившее действо. В нем имело место своеобразное разделение труда. Одни упоенно предавались пению; для других оно служило «пусковым механизмом» — слало импульсы, возбуждавшие в медиумической группе верующих действие «святого духа». Одна из тбилисских сестер, закрыв глаза, сложив на груди руки, с улыбкой смущения на лице описала ногами и корпусом несколько фигур... Каких бы вы думали? «Русского»! Продолжателей не нашлось. Женщина, окончательно смутившись, отошла и замешалась среди верующих.

Все громче пение. Мельче дробь отбиваемых тактов. Вот и запрыгали. По вертикали вверх. Легко. Невесомо. Лица прыгающих блаженные. И... знакомые. Да, узнаю. Именно эти люди прыгали утром. Их было тогда немного и больше не стало. Так что «солисты». Постепенно возбуждение растет, передается от одного к другому. Вот и все пришло в движение, беспорядочное, бесформенное. Кажется, что все закачалось,

ходуном заходило — люди, скамейки, стол, стены, пол, потолок.

Мне особенно запомнилась женщина в середине первого ряда. Обрамленное платком, широкоскулое, темное, с медным оттенком морщинистое лицо. Веки опущены. Губы сжаты. Руки вытянуты прямо вверх в одной плоскости с телом. Раскачивается слева направо, справа налево сперва на прямых ногах, а потом приседает. Присядет. Помедлит. Замрет. Лицо разглаживается, застывает. И вдруг выбросила вперед и развела, как для объятия, руки. Пальцы веером, полусогнуты, словно в тугом переплетении с чьими-то другими, невидимыми. Качка продолжается, как бы сдвоенная, сопряженная и надсадная... Слева направо, справа налево...

Пение постепенно смолкает и размыкается цепь экстатического возбуждения. То в одном углу, то в другом возникают разговоры. Проходит немного времени, и пресвитер закрывает собрание.

Из молитвенного дома выхожу, сопровождаемый старцами, провожаемый взглядами верующих, насколько замечаю, доброжелательными. Прощаюсь, благодарю. Уже на дворе задерживаюсь в беседе со старцем, «экзаменовавшим» меня по истории духовных христиан и читавшим вслух письмо В. Д. Бонч-Бруевича. В окружающей темноте он невидим. Только голос бодрый, добрый, независимый. Михаил Лукьянович — так зовут моего собеседника — рассказывает, что ввиду моего появления старцы обсуждали, проводить ли вечернее собрание во всей полноте или сократить, опустив сакраментальную часть его.

Так вот откуда заминка, возникшая после проводов гостей из Тбилиси. Михаил Лукьянович настаивал, чтобы собрание провели, как ему быть положено. И добился. Я обрадован доверием, от души благодарю за него. Обмениваемся адресами. Михаил Лукьянович поручает одному из верующих, мужчине лет сорока пяти, проводить меня к автобусной остановке.

Мой провожатый — рабочий, у него четверо детей. Жена — молоканка. На собрание не пришла из-за болезни младшей дочери. Интересуюсь, воспитывают ли детей в религиозном духе. «Нет,— отвечает,— за-

хотят — будут жить в вере, не захотят — их дело. Пусть выберут себе жизнь по собственному уму и сердцу».

— В каких же обычаях вы воспитываете детей?

— Обычаи простые. Трудиться своими руками, делить хлеб с ближним и дальним, смотря по нужде, не гневаться, дурного общества избегать, держать себя в чистоте, любить мир и правду. От обычаев наших еще никому никакого вреда не было, только — польза.

— Но почему вы считаете эти обычаи молоканскими?

— Мы их так не считаем. Мы их придерживаемся, потому и молоканские. Зовите их, как хотите, только придерживайтесь...

— Позвольте-ка вас попридержу,— сказал он с веселой ноткой в голосе.

И взял меня под руку. Мы проходили пустырем с рытвинами и ямами, плохо различимыми под уже ночным небом.

Ответил я в том же тоне:

— Ну, с обычаями вашими я готов идти под руку. С ними в яму не свалишься, это верно.

Мы некоторое время помолчали — дорога требовала внимания. Потом вошли в освещенную зону. Я сказал своему спутнику:

— Обычаи, о которых вы говорили, действительно простые и они общечеловеческие. Но вот собрание ваше, и оно — ваш обычай? Вы простите, но сами приходят на ум слова послания Павла: «Что общего у света со тьмою?»

— Считаете, собрание наше — тьма? Я с вами не согласен. Вот сейчас, когда с Абракира (окраина Еревана.— *А. К.*) шли, мы во тьме бродили, я за руку вас держал, провел безопасно. Для вас — тьма, она и для меня не свет, но я в ней вижу. Глаза, что ли, у меня такие? Я по совести скажу: на собрании не прыгал, не пел, только что подпевал. Нет духа у меня и, знаю, не будет. И на ваши слова: «На одном месте стоите» — кое-кто возроптал, а я — и не я один — согласился. А старцы, что думаете, не понимают, где заря утренняя, где вечерняя? Понимают. Не на восходе мы, на закате. Об этом говорить нечего. А теперь на

счет «тьмы». Сколько душ было на нашем собрании?

Я ответил, что пробовал сосчитать, но сбился.

— Ну пусть сотня будет. И пусть бы все до одного запели, заходили в духе, запрыгали. Для вас все «сто» человек будет, а для них один — один дух, одно тело и сердце одно, тоже голова, руки, ноги. Один человек, только имя ему «сто», и вот уже он, человек тот общий, светлым столпом в небо уходит, а к нему и само небо льнет. И синь, и облака, и все небесное украшение. Все заодно: земля, человеки, небо, весь мир божий, вселенный. Вот общение какое! Вы так хоть час поживите, хотя бы минуту одну, и ради той минуты ничего не пожалеете, все отдадите... Ну, как? Тьма? — И не дав мне ответить: — Пусть тьма! Время через это прошло, раздавило, не обернулось, дальше пошло. И того не знает — я о времени,— что тьма эта в спину ему светит.

Что молоканство вообще, прыгунство в частности, находится «на закате», в этом ничего нового для меня не было. Религиозное течение, насчитывавшее десятки тысяч последователей, представленное не менее чем в пятнадцати губерниях России, в послеоктябрьский период почти сошло на нет. Еще одно божество на смертном одре.

Это осознают сами верующие. Но больше всего я думал о мировосприятии моего спутника: оно служило окошечком в мир представлений и чувствований его единоверцев. Думал я о временах весьма отдаленных, о средних веках с их столь своеобразной народной культурой, для которой едва ли не самым характерным было сознание принадлежности каждого индивида к общему живому телу бытия. Средневековый крестьянин чувствовал, да и осмыслял себя частицей бродящего соками древа природы, «кровинкой», кружащей в сосудах коллективного организма — народа. Не на это ли чувство наслаивалось и мистическое толкование единства?

Думал и о временах более поздних — веке Реформации, веке Просвещения, о ленинской мысли: «...семнадцатый век Европы и Англии в девятнадцатом столетии России...» А ведь историческая прозорливость В. И. Ленина позволяла ему открывать ми-

нувшее в настоящем не только, когда речь шла о сочинениях, о «трактатах», но и в живых современниках, людях из народа, подымавшихся к активной социальной деятельности. Я имею в виду тех людей из народа, которые прокладывали дорогу «новому», размышляя и рассуждая «по-старому», как, например, крестьянин Мороз, крестьянин Киселев, выступавшие с трибуны второй Государственной думы. В. И. Ленин писал: «Крестьянин Мороз в коротенькой речи просто заявил: «Нужно земли отобрать от священников и помещиков»... и затем сослался на Евангелие (не первый уже раз в истории буржуазные революционеры черпают свои лозунги из Евангелия)...» [1]

Это тоже был «семнадцатый век Европы и Англии», но не в XIX, а уже в начале XX в. в России. А вот о крестьянине Киселеве: «Вы видите: этот идеолог крестьянства стоит на типической точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически-определенного содержания *его* справедливости. Но он *хочет* — и класс, который он представляет, *может* во имя этой абстрактной справедливости *смести дотла* все остатки средневековья» [2].

Конечно, то, что я видел, не имело никакого отношения к «новому», противоречило «новому», противостояло ему. Но остается проблема устойчивости — конечно, в весьма ограниченных и во все более сужающихся кругах людей, образа и типа мышления, чувствования далеких эпох. Проблема интереснейшая, важная, сложная, тем более что перед нами явление не в его чистом виде, а всячески и многосторонне опосредованное современной действительностью.

Характернейшей представилась мне и мысль моего собеседника о том, что его миропонимание «светит в спину времени». Он и сам сознает его пережиточность. Так не является ли для него его миропонимание чем-то вроде духовного «вишневого сада», обреченного, но тем более милого его сердцу?

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 365.
[2] Там же, стр. 376—377.

ГЛАВА
ДЕВЯТАЯ

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК. МОЛОКАНЕ. СУББОТНИКИ[1]

Из Еревана путь мой лежит на северо-восток, к озеру Севан, где некогда находились русские села, обитателями которых были молокане и субботники. Их сюда ссылали за отказ от православия. Век назад эти села с их своеобразным укладом жизни описал царский чиновник Н. Дингельштедт в книге «Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту». Чиновник не скрывал своих великодержавных и православных позиций, но человек он был наблюдательный и дело свое старался делать со всей возможной добросовестностью. Я взял книгу Дингельштедта с собой в дорогу.

В Армении я впервые и не могу отказать себе в удовольствии ознакомиться с ее достопримечательностями, хотя бы немного. Отклонился на сутки от намеченного маршрута и выехал в Эчмиадзин — резиденцию католикоса всех армян Вазгена I.

[1] *Субботники* — религиозная секта, возникшая в России на рубеже XVII—XVIII вв. среди помещичьих крестьян Центральных районов. Название секты обусловлено тем, что ее последователи празднуют субботу. В основу своего вероучения субботники положили книги Ветхого завета. Их привлекали в Ветхом завете мотивы социального обличения господствующих классов, а также идея единобожия и отрицание «кумиров» (икон). В субботничестве имеются черты, сближающие эту секту с иудаизмом. В XIX в. секта распространена была в тридцати губерниях России и насчитывала несколько десятков тысяч последователей. Среди руководителей и верхушки секты имелись крупные торговцы, ростовщики, собственники. В настоящее время субботники представлены небольшими группами в нескольких областях Центральночерноземной зоны, а также в нескольких районах Армении и Азербайджана.

А теперь обращаюсь к дневнику:

«14 сентября. Эчмиадзин. Накануне заказал по телефону номер в гостинице и правильно сделал. У стола администратора неподвижная очередь. Обращаю внимание на невысокого, полного, пожилого мужчину с окладистой бородой в темном, очень уж несовременном одеянии. Выжидает место. Я угадываю в нем молоканина. Каким образом? Профессиональный навык. Попробую поразмышлять на эту тему на бумаге.

В общении с людьми, независимо от того, сознаем мы это или нет, мы вступаем в контакт с их внутренним «я», отражающемся и в наружности, и в жестах, и в голосе, а не только в образе мысли и душевном строе. В религиозных сектах «внутренний человек» составляет предмет постоянного внимания и целенаправленного воспитания.

Если мы обратимся к поздним, «культурным» и «утонченным» религиозным сектам — баптизму, адвентизму, то обнаружим, что их теологи работают в области психологии воспитания «внутреннего человека», соответствующего их религиозному идеалу. Это у них называется «созиданием христианского характера». Мы найдем специальные сочинения у адвентистов и у баптистов с практическими рекомендациями, имеющими целью «воспитывать свой характер, доколе не изобразится в нас Христос», «доколе Христос не начнет изменять все наше существо... изобразится в нас и все больше будет освящать нас, руководя жизнью нашей».

Христововерие, субботничество, скопчество, духоборчество, молоканство обходились без теоретической разработки проблем «созидания христианского характера». Эти секты просто не доросли до постановки психологических проблем. В этом они собственно не очень и нуждались. В свое время самая действительность отношений, складывавшихся в русских сектах, все их положение «работали» над формированием духовного облика их последователей. Чем менее спонтанным в силу объективных исторических условий становился этот психологический процесс, тем более требовал он осмысления, нуждался в том, чтобы быть «взятым в руки» и стать

орудием целеустремленного воздействия на духовный мир верующих.

Но что значит «созидание христианского характера»? Христововерие, субботничество, скопчество, духоборчество, молоканство, баптизм, адвентизм, пятидесятничество и т. д. созидали каждое свой «христианский характер».

Так что же такое «христианский характер», воспитывавшийся у последователей религиозных сект? Это претворение социально-идейных и нравственно-бытовых ценностей, характеризующих те или иные религиозные секты, в самую личность верующего. Их психологический перевод. Их «втирание» в личность верующего до тех пор, пока в нем «не изобразится Христос», не какой-то отвлеченный Христос, а конкретный, исповедуемый во всей совокупности религиозно-социальных, этических и других характеристик; и «Христос» духоборчества отличается от «Христа» молоканства, баптизма и т. п. Все «Христы» — разные.

«Созидание христианского характера» — продукт всей социально-психологической атмосферы, типичной для той или иной религиозной секты, продукт воспитания и самовоспитания. Разумеется, «внутренний человек» всякий раз индивидуален, обладает одному ему присущими чертами. Но «наметанный глаз» исследователя обнаружит за складками индивидуальных особенностей тот общий социально-психологический «покрой», который отличает «христианский характер» молоканства от духоборчества, христововерия от субботничества, баптизма от адвентизма, одной религиозной секты от другой. Я говорю о правиле, которое предполагает исключения: опыт исследователя может быть более богатым и менее, «христианский характер» в том или ином верующем может быть выражен ярче или бледнее...

Я решил подойти к заинтересовавшему меня человеку.

— Скажите, пожалуйста, вы не из местных ли жителей? Я не про Эчмиадзин, конечно. Меня интересуют русские селения в Армении.

— Я дилижанский, а русские селения, лет с тридцать будет, как перемешанные: русские, да моло-

кане, да армяне, да курды — все сообща живут — интернационал! А какие вам нужны селения?

— Да вот собираюсь Семеновку, Фонтан, Еленовку посетить.

— Как же, как же! Знаю. Это прежде молоканские селения были. Вы не по этой ли части?

— Пожалуй. Я вот сейчас из Грузии, из Богдановского района...

Он прервал:

— Там духоборцы... Вы кто будете, лектор?

Я коротко сказал о роде своих занятий.

— Понятно. К нам в Дилижан, годков с пять тому, ученые приезжали, тоже, как и вы, по молоканской части. Из Москвы. Что делается! Приехали девочки. С ними руководительница их была, постарше, но молодая. Мы, говорят, ученые. И пошли по домам — песни записывали, одежду смотрели, то, другое выпытывали. Вели себя достойно хоть молодые. Ни шуточки, ни смешка. Все по порядку, уважительно, обходительно.

Это было очень интересно. Дело в том, что в 1963—1964 гг. группа студентов-этнографов, руководимая опытным специалистом К. И. Козловой, изучала современное молоканство в Дилижанском районе. И что мне особенно было важно: «диагноз» мой, судя по рассказу собеседника, особенно по тону его — слышалась в нем личная заинтересованность,— как будто оправдывался.

— Приятно узнать,— сказал я,— что люди, приезжавшие к вам, оставили по себе хорошую память.

— Да, хорошую! Когда уехали они, пошли и такие разговоры: подождите, что еще будет, может, такую небыль напишут, что пот прошибет. Зря кумушки языками болтали.

Как это важно, когда исследователь достойно зарекомендует себя среди населения. Время не скоро затягивает оставленный след, добрая или дурная память долго остаются действующим фактором, незримым союзником будущих исследователей или же их тайным недоброжелателем.

Я пригласил собеседника переночевать на диване в моем номере. Подошли к администратору, не сразу решившему, как ему в этом случае поступить; после

нескольких фраз, сказанных моим знакомым по-армянски, он выполнил требовавшиеся формальности.

Так я познакомился с Федором Евсеевичем Ж-м, молоканином из постоянных. Служит бухгалтером в одном из предприятий местной промышленности в Дилижане. Ездил в командировку в Ереван, возвращается домой, но сутки пробудет в Эчмиадзине — какие-то есть дела.

— Значит, молоканские села намерились объездить? Кто же вам посоветовал в Семеновку? Ничего там для себя не найдете. Поразъехались молокане. К нам бы надо. У нас же и семеновских, и сухофонтанских (село Фонтан в прошлом называлось Сухой Фонтан.— *А. К.*), и еленовских (ныне г. Севан.— *А. К.*) найдете. И о гостинице не надо хлопотать. У меня остановитесь. Дом собственный, а правильнее сказать, собственноручный. Мы с Анной Филипповной, хозяйкой моей, теперь вдвоем остались да малыш.

— Внук?

— Зачем внук? Есть и внучата, а малыш мой.

Федору Евсеевичу на вид было лет шестьдесят пять (оказалось, что шестьдесят восемь).

— Хозяйка на двадцать лет меня моложе. А малыш четырехгодовалый. То-то радость! Коли благословил господь, у нас, молокан, не положено отвергать.

Я узнал, что Федор Евсеевич — отец пяти детей. Лет десять назад овдовел и женился вторично. Он гордился своими взрослыми детьми. Трое из них живут в Ленинграде. Там учились, получили высшее образование (в технологическом институте — сыновья, в педагогическом институте — дочь), там и обосновались. Все семейные. Младшая дочь — детский врач в Тбилиси. Замужем за грузином, тоже врачом. Дети — неверующие.

— Размолоканились без всякого сожаления,— говорит Федор Евсеевич.— Сыновья — коммунисты. Но чтобы отца не уважать — этого нет. Люди выросли примерные, учились отличниками, отцову копейку берегли, того не было, чтобы на суету какую потратить. А если и нужно костюм справить, поехать куда-нибудь, напишут, можно-нет расход сде-

лать. Как отвечу, так и поступят. Само собой, не стеснял, конечно, по силе возможности. Малыми были — учил, чтобы давали ответ в плохом и хорошем. Кое-чему и пообучил. Что по домашности требуется — смастерят. И с огородом и с садом обращаться могут.

Что ж, оправданная и законная отцовская гордость за детей, пошедших трудовым путем и уже много в жизни достигнувших! Чувство естественное, понятно; казалось бы, можно и опустить эту часть нашего разговора — «общее место»! Но нет, не «общее место», к тому же «размолоканение» детей Федора Евсеевича видится мне как процесс сложный. Современная действительность как бы просеяла молоканство. По одну сторону остались верования, предубеждения, предрассудки, по другую — выработанные трудящимися морально-бытовые ценности, все то, что современность приняла как пригодный строительный материал, что понесла дальше, отбирая, шлифуя и преобразуя в своем потоке. Таким я представляю себе «размолоканение» детей Федора Евсеевича.

— Дети мои все кщеные (крещеные.— *А. К.*) по нашему, молоканскому обряду. Растил так же, как и меня отец с матерью. До школы. А там, думаю, посмотрю, куда дети мои сами собой поплывут. В чем школа с нами не согласна, в том уклонялся — ни «да», ни «нет» не скажу. А в чем согласна с нашим, с молоканским — на то нате, возьмите родительское благословение. А если дети не по-нашему, не по-школьному, а по-уличному что позволят, страшным прещением воспрещал. Пооканчивали школу. Как говорил вам, разъехались, дальше учиться хотели. Собственной волей. Отпускал, напутствовал. Призову сына, дочь — скажу: уезжаешь, чадо, из дома родительского, уезжаешь в дом пребольшой — вся страна, все колена людские. Возгласи в своем сердце: мир дому сему! Того и держись. Мать собрала тебя. Я, отец, деньжонок выдал по силе возможности. С тем ли из дома родительского уезжаешь? Чадо, совесть везешь с собой. Благо встретишь, да не по совести, сторонись того блага, встретишь зло — не бойся, зло одних бессовестных ест...

Говорил вам, мои сыновья — коммунисты. За отеческое наставление мое ни разу не попрекнули.

Организовали чай. В трехлитровый сосуд с кипятком Федор Евсеевич всыпал пятидесятиграммовую пачку азербайджанского чая. Пил много, прихлебывая, отирая ладонью пот. Закусывали лавашом, сыром, плотным, очень соленым, потом жирным рассыпчатым печеньем, персиковым джемом — все домашнее, извлеченное Федором Евсеевичем из какой-то бездонной сумки.

Ел он с большим аппетитом. Разохотился и на разговор. Родом он из Никитина (теперь Фиолетово), близ Дилижана. В начале 20-х годов родители переселились в Сальские степи всей семьей, в составе девяти душ. Там проживали до середины 1938 г., а после Федор Евсеевич уже с собственной семьей вернулся в Дилижан, обстроился, обосновался. Отлично помнит бурные события, происходившие в Сальских степях во время коллективизации, но участниками их называет не столько молокан, сколько духоборцев.

Да, не отрицает, и среди молокан было движение за отъезд в Америку, на соединение с братьями по вере:

— Но зачем же только в Америку, кое-кто собирался в Мексику, а многие в Турцию, где в то время еще проживали молокане. Но если сказать о молоканах, то больше волновались прыгуны, а не постоянные. Когда к постоянным обратился с письмом Николай Федорович Кудинов (религиозный глава молокан.— *А. К.*) и объяснил, что веру никто запрещать не будет, они и успокоились. Другое дело прыгуны. Что говорить, народ беспокойный! Ну а больше всех воду мутили духоборцы. Шел тридцать седьмой. Молокане к тому времени все состояли в колхозах. А духоборцы собрались с женами и детьми, псалмы запели и в поход на Ростов. Едва районное начальство по домам разойтись уговорило.

А еще что придумали? Распродали дома, имущество — за бесценок распродали. Пошли селиться общежитиями. Покажем, мол, что подлинно есть коммуна! Набились в бараки по двадцать, по тридцать душ. Днем темно, ночью темно. Выстроили сплош-

ные нары. Спят, как попало, мужчины, женщины, дети. С утра выходили на усадебные участки. Сообща трудились. Часам к десяти по общежитиям — завтрак. За стол собирались все вместе. Псалом споют, сядут. Едят молча. Только ложки о миски пощелкивают. Деревянная была посуда, своего изделия. Поели — и на работу. После двенадцати — в общежития на обед. И опять на работу, уже до ужина. От коллектива стряпух назначали — пищу варить.

Да еще придумали — на себе пахать. Запрягутся в плуг — и пашут. И в телеги впрягались — груз возить, душ по восемь — десять, бабы и мужики впрягались. Зачем? Мы, говорят, никого не насилуем, не согласны, чтобы скотина на нас работала. Пришло время урожай снимать. Сообща собрали, в амбары засыпали — у них при общежитии амбары были. Делили по едокам. Детей в школы не отдавали. В армии не служили. Налогов не платили. Вот, смотрите, какая нам коммуна нужна! Так с годик подиковали...

15 сентября. Рано утром уехал Федор Евсеевич. Торопился по делам. Обменялись адресами».

Я прерываю запись. Когда в 1971 г. я посетил Целинский район Ростовской области, то в беседах со старожилами предложил рассказ Федора Евсеевича о духоборцах на их суд. Подтвердили. Но и уточнили. И весьма существенно. Оказалось, что факты, о которых рассказал Федор Евсеевич, имели место на территории одного сельсовета — Хлебодаренского. К 1937 г. из всего пятитысячного духоборческого массива, населявшего Сальские степи, непримиримо относившихся к колхозам оставалось 150—200 человек. Эта группа лиц действительно проявила себя так, как об этом рассказал Федор Евсеевич.

Что же касается молокан, прыгунов и постоянных, то, по единодушному свидетельству старожилов, в переломные для деревни годы они показали себя не более и не менее сознательными, чем их соседи по Сальским степям — духоборцы и новоизраильтяне. Так что светотени на картине, нарисованной Федором Евсеевичем, оказались сильно смещенными.

Довелось мне и попенять Федору Евсеевичу за пристрастный рассказ о духоборцах. Он неожиданно

появился у меня летом 1972 г. Был в Москве, захотел навестить. Пришел запыхавшийся, со своей, знакомой уже мне туго набитой сумкой. Извинялся, что не мог предупредить, и поспешил вручить дары: «духовный» и «телесный». Первый представлял собой рукописный сборник молоканских сочинений, относящихся к середине XIX в.,— «это от меня», а другой — большую банку персикового варенья «от моей хозяйки».

Беседовали за чаем. В семье у него все благополучно. За минувшее время обогатился двумя внучатами. Я рассказал Федору Евсеевичу о моей поездке в Целинский район. Он смутился:

— Простите, винюсь. Пред вами и духоборцами. Что творилось в нашем околотке, то и рассказал. Глуп был, дальше своей околицы не смотрел. С годами уразумел: где народ, там и бог. Может, духоборцы получше нас будут. И другие веры. Вот только прыгуны... что за народ... Нет, что ни говорите, бесом они одержимы, а не духом святым!..

Регулярно к праздникам я получаю от Федора Евсеевича поздравления.

А теперь продолжу дневниковую запись от 15 сентября 1968 г.

«В 14 часов на автомашине выехал из Эчмиадзина. Курс на Севан. Примерно на полпути к нему — село Фонтан. Еще накануне Октябрьской революции подавляющее большинство его населения составляли молокане (постоянные и прыгуны) и субботники. Ни тех, ни других здесь теперь почти нет. Как выясняю, большинство этих сектантов «размолоканилось» и «рассуботилось», как здесь выражаются. Те же, кто сохранял верность религии предков, не пожелали оставаться среди разуверившихся. Они разъехались в разные города, главным образом в Ереван и Тбилиси.

Действительно, как предупреждал накануне Федор Евсеевич, ничего интересного в Фонтане для меня не нашлось. Продолжаю путь. Вот и районный центр — Севан, бывшая Еленовка, некогда закавказская «столица» субботников, где с ними соседствовали молокане.

Итак, я в бывшей Еленовке. Книга Н. Дингельштедта со мной. Заглядываю: «Еленовка, как Ахты

и Сухой Фонтан... вмещала в себе последователей всяких учений и толков, хотя с течением времени, как уже упомянуто ранее, там значительно, и притом на счет всех прочих сект, увеличилось число иудействующих (субботников.— *А. К.*). Все селение в последнее время делилось на три собрания. Многолюднейшим считалось субботническое, а молоканское и прыгунское были почти равны по составу. Субботники сосредоточились в самом центре селения и являлись обладателями лучших домов и лучших хозяйств; молокане разместились по главной улице деревни, не очень далеко от субботников, а прыгуны предпочли отойти на вторую линию селения...»

Это было давно. Я, однако, имею возможность вдвое сократить временную дистанцию, отделяющую от Еленовки, описанной Дингельштедтом: известные мне документы департамента духовных дел министерства внутренних дел за 1912—1916 гг. все еще характеризуют Еленовку как селение по составу жителей сектантское, с преобладанием субботников.

Снова обращаюсь к Дингельштедту: «Роскошное водовместилище, на берегу которого раскинулась Еленовка, конечно, наводило на размышления всякого, кто его видел. Пока эта безжизненная и бездонная водяная пустыня только поражает своим живописно-величественным и безмолвным видом. Ни на озере, ни по берегам его как будто нет никакого движения и жизни».

Сколько «движения и жизни» ныне по берегам Севана, по его лазурному зеркалу. Еще Тициан Табидзе писал о промышленном строительстве на берегах Севана, о населении, проникнутом верой в жизнь, бодро и уверенно ее строящем. Предсказывал он Севану и «большое курортное будущее».

Что сказать о сегодняшнем Севане? Что Севано-Разданский каскад гидроэлектростанций вырабатывает 90% электроэнергии в Армении? Что массивы земель, традиционно возделываемые здесь под пшеницу, составляют большую долю зернового хозяйства республики? Что по берегам озера расположены великолепные дома отдыха? Что бывшая Еленовка — ныне Севан — красивый, благоустроенный, современный, хотя и небольшой город?

Слова Дингельштедта «никакого движения жизни» потеряли силу во всех отношениях. Ну а как же сектантство? Картина религиозного сектантства в г. Севане примерно такая же, как и в Фонтане. Население «рассубботилось», «размолоканилось», разуверилось в прочих богах; многие из верующих не пожелали остаться на пепелищах былых святынь и разъехались. Насчитывается все еще человек до ста, преданных своей вере; они составляют две молоканские и одну субботническую общину. Вот где «никакой жизни»!

Сведения о религиозном сектантстве в Севане я получил в районных общественных организациях. Слышал я и о том, что многие выходцы из молоканских и субботнических семейств являются ныне атеистами, передовиками производства, активными и инициативными общественниками. Но и сохранившие трудоспособность молокане и субботники пользуются уважением на предприятиях, в колхозах, совхозах — за добросовестность, трудолюбие.

Меня не очень интересовали постоянные молокане — с ними я неоднократно встречался и раньше в центральных областях РСФСР. А субботники (несколько встреч с ними было и прежде) интересовали — явление исчезающее, почти уже исчезнувшее. Все же я решил побывать в Семеновке, известной по дореволюционной литературе и архивам как сплошь молоканское село, а уже на обратном пути остановиться в Севане и побеседовать, если удастся, с субботниками.

Еду в Семеновку. На главной улице села то и дело мелькают красочные одежды курдских женщин. У дворов резвятся черноволосые кудрявые ребятишки. А перед домами в глубоком молчании, опершись на узловатые палки, неподвижно сидят старики. Знал бы я их язык — услышал бы немало мудрых сентенций...

В Семеновке осталось пять молоканских семейств. Остальные давно покинули Семеновку, распродав скот и недвижимость, и расселились по городам. Явление это не новое. Вот уже в течение более трех десятилетий, по мере того как ход общественной жизни размывает сектантство, происходит миграция сектан-

тов из сельской местности в города. Это связанные между собой явления.

Измельчавшие и распавшиеся в сельских местностях сектантские общины восстанавливаются путем объединения единоверцев, съезжающихся из разных сел и компактно поселяющихся в городах, как правило, на окраинах. Но в основе наблюдаемого миграционного процесса лежит не одна характеризующая современное сектантство ущербная динамика. Здесь, по-видимому, играет свою роль и стремление руководителей сект обеспечить для своих общин такие условия, когда бы они функционировали не «на виду», что в обстановке сельской местности, разумеется, невозможно.

И не последней среди причин миграции сектантов из сельских местностей в города в свое время являлась предубежденность части их к коллективным формам сельского хозяйства. То же обстоятельство, что, будучи в массе своей сельскими тружениками, сектанты обладали и ремесленной квалификацией в качестве плотников, бондарей, кузнецов, каменщиков и т. д., позволяло и позволяет им найти применение для своего труда в условиях города.

И все же состояние молоканства в Фонтане, Семеновке и Севане, где оно уже почти полностью утратило свои позиции, не характеризует молоканства в целом. Если для молоканства в центральных областях РСФСР (Тамбовская, Липецкая, Воронежская, Рязанская области) показателен глубокий, а правильнее сказать, глубочайший упадок, то в Закавказье оно пока еще распространено больше, чем в каком-либо ином из своих исторических очагов.

Имеют ли в таком случае познавательное значение наблюдения, которые я сделал в Фонтане, Еленовке, Семеновке? Полагаю, имеют. Они показательны как пример отмирания молоканства и в регионе его наибольшего распространения. Жизнь теснит и вытесняет молоканство, как и другие религиозные секты, повсеместно, хотя это и не равномерно-прямолинейный процесс.

Мне представляется весьма показательным и интересным наблюдение К. И. Козловой, изучавшей молоканство в соседнем с Севанским Спитакском рай-

оне Армянской ССР: «В Дилижане браки (молокан.— *А. К.*) с людьми других национальностей стали обычным явлением. И не только в семьях рядовых молокан. Даже у пресвитера прыгунов, несмотря на все его противодействие, одна дочь вышла замуж за армянина, другая — за азербайджанца, а сын женился на русской, но не из молоканской среды. В селе Фиолетово смешанные браки пока встречаются среди молодежи, работающей на стороне, в самом же селении живут только молокане, если не считать несколько азербайджанских семей, поселившихся сравнительно недавно...» Я цитирую статью К. И. Козловой «Изменения в религиозной жизни и деятельности молоканских общин», опубликованную в 1966 г. в сборнике № 2 «Вопросы научного атеизма». Эта статья, как и статья Козловой «Из опыта изучения молокан Армении» (сборник «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., 1967), позволяет объективно судить как о процессах разложения современного молоканства, так и о факторах, противодействующих и тормозящих этот процесс.

Итак, из Семеновки возвращаюсь в Севан. По совету представителей местной интеллигенции разыскиваю дом Ионы Яковлевича С-а, руководителя субботнической общины. Он пользуется репутацией примерного труженика и доброжелательного человека. Видимо, положительная характеристика Ионы Яковлевича является вполне заслуженной. Он проживает на окраине, но и жители одной из центральных улиц знают его дом и с готовностью вызываются проводить к нему.

Меня встречает жена Ионы Яковлевича, маленькая, повязанная черным платком старушка. Хозяин отправился за водой и скоро вернется. Вхожу в чисто убранную комнату. На стене увеличенная фотография, с которой смотрит широколицый, черноусый молодцеватый солдат. Спрашиваю:

— Иона Яковлевич?

— Да,— отвечает старушка.— Иона Яковлевич лет пятьдесят назад. А как мы поженились и все шестьдесят будет.

Называю себя. Спрашиваю старушку, как ее имя-отчество. Старушка смущается:

— Имя-то у меня трудное, нелегко и выговорить. И лишь после долгого упрашивания говорит:

— Эсфирь я. Эсфирь Яковлевна.

Между тем в комнату входит хозяин — высокий, худой, с молодцеватой выправкой. Останавливается, широко расставив ноги, откинувшись назад. Потом садится.

— Ну, с чем пожаловали?

Объясняю и сразу убеждаюсь, что мое посещение не вызывает у собеседника ни удивления, ни беспокойства.

— Субботники мы, здешние, коренные,— рассказывает Иона Яковлевич.— Отец мой в 1946 году умер ста четырех лет от роду, а родился здесь. И дед жил здесь, а где родился, не знаю. Говорил, что тамбовские мы, а переселены были при Екатерине Второй, царице... Прежде нас в Еленовке много было. Сколько? Ну не знаю, а душ тысяча, а то и полторы тысячи было. И молокане с нами жили, больше постоянные, а были и прыгуны. Все же больше были субботники. Два собрания (молитвенные дома.— *А. К.*) имели.

Жили хорошо. Богато. Богатели с извоза. Держали коней, были хозяева и по сорока коней держали. Возили разный товар, хоть в Эривань, хоть в Тифлис. Ну и хлеб сеяли. И овец держали. У деда моего был горшок с золотом. Бывало, спать ложится — ставни закрывает. А у соседа нашего так и ящик с золотом был. И деньги в рост давали. А вовремя кто не отдаст, то долг переписывали, а процент больше набавляли. Ну, сказать, были богачи и из субботников, и из молокан — Неверовы, Лебешовы, Соловьевы, всех не упомнишь. Были и бедные. Ну не совсем бедные, а такие, что победнее. Певчий тут у нас был знаменитый — пел в собрании — Ефрем Иванович Самодуров. А еще Елизар Ароныч был, Семенов, и умный же был человек!

Иона Яковлевич встал, подошел к шкафу, снял сверху мешочек в сине-белых полосках и выложил из него на стол книги. Одну протянул:

— Почитайте.

На титульном листе: «Молитвы иудейской общины на весь год, собранные из разных молитвенников трудами Елизара Аароновича Семенова, проживаю-

щего в селе Еленовке эриваньской губернии. Эривань, 1908».

Старик знакомит меня и с другими книгами. Их четыре. Это издания конца XIX — начала XX в. Молитвенники. Богослужебные книги. Одна из них разделена на столбцы — половина страницы на русском, половина — на древнееврейском языке. Интересуюсь, знаком ли кто-либо из субботников с древнееврейским языком. Оказывается, нет, хотя и не очень еще давно жили старики, читавшие по-древнееврейски. Из дальнейшей беседы с Ионой Яковлевичем, в которой охотно участвует его супруга, подтверждается, что небольшая община субботников продолжает существовать в Еленовке. Собираются в частном доме, за что хозяин его взимает арендную плату. Эсфирь Яковлевна полюбопытствовала: существует ли арендная плата в других религиозных общинах? Моим утвердительным ответом она разочарована.

Далее узнаю, что в распоряжении общины имеется пергаментный свиток Торы.

— Было четыре,— рассказывает Иона Яковлевич,— три отдали в Тбилиси.

Свиток берегут как святыню, но по незнанию языка активно им не пользуются. В дни религиозных праздников маленькая община собирается в полном составе — всего человек двадцать. В субботние же дни, как это следовало из слов Ионы Яковлевича, собирается 5—7 человек. Молодежь, происходящая из семейств субботников,— неверующая.

— Кое-кто из молодых кое в чем придерживается нашей веры,— говорит Иона Яковлевич,— к примеру, у нас шестеро детей, а только одна из дочерей мало-мальски придерживается, да и то из почтения к нам, старикам.

Связи с субботническими группами в других селах, а они, по словам моего собеседника, существуют, носят эпизодический характер. О существовании, а тем более о местонахождении субботнических групп в центральных областях РСФСР мой собеседник ничего не знает и сделанные мной беглые упоминания о них не вызывают с его стороны интереса.

Но кто-то из собеседников, то ли Иона Яковлевич, то ли его жена, роняет фразу:

— Вот привольнинские субботники, они еще веру хранят, не так, как у нас, они и еврейскую грамоту разбирают.

Что такое? Да я где-то слышал об этом! Вспоминаю, нет, слышал не я, а Дингельштедт, век назад беседовавший с семеновскими субботниками. Субботник Иван Васнецов сказал: «...а вот в Привольном, так там у субботников... в редком доме не найдешь теперь еврейской Библии».

Так вековая молва утвердила в среде субботников Привольное в роли их незыблемого духовного центра. Привольное находится в Азербайджане. Поездка туда еще предстоит. Тогда и узнаем о состоянии субботничества в самой его «Мекке». Что же касается престарелых супругов С-х, то, как это вытекало из всей беседы с ними, они лишь хотят остаться со своими верованиями до конца их дней.

Ни о каком прозелитизме субботники и не помышляют после того, как не только что внуки, но и их собственные дети уже с молодых лет полностью и решительно порвали с верой отцов. А с обрядами и обычаями? На это ответить труднее. Иона Яковлевич отрицал наличие обряда обрезания в семьях субботников. Но Эсфирь Яковлевна допытывалась у меня, раз уж я ученый, позволительно ли совершать обрезание в том случае, если восьмой день жизни младенца приходится на субботу? Вряд ли вопрос, заданный Эсфирью Яковлевной, был продиктован одним теологическим интересом.

В ходе последующего собеседования выяснилось, что между субботниками и молоканами существуют контакты, в частности, это выражается в совместном участии в погребальных обрядах. Выяснилось и то, что, будучи верующими, старики оказались чуждыми религиозной исключительности, свойственной субботникам в прошлом. В духе терпимости и с симпатией они рассказывали о своих односельчанах, верующих и неверующих, о молоканах, армянах, особенно же уважительно о некоем армянине по имени Аршаиль, готового, по их словам, бескорыстно помочь людям, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Было поздно, и я не мог принять приглашение

моих собеседников остаться с ними «чаю покушать». Мы уже обменялись рукопожатиями, когда Эсфирь Яковлевна спросила:

— А почему все-таки вы зашли к Ионе Яковлевичу, а не к кому-нибудь другому?

В самом деле, почему я зашел к Ионе Яковлевичу? Не только потому, что мне было известно о нем как о руководителе субботнической группы в Севане. Мне было известно о нем и как о честном труженике, многие годы проработавшем на колхозной ниве, более того, продолжающем посильное участие в трудовой жизни колхоза. Это я и ответил Эсфири Яковлевне на ее вопрос. Старушка была растрогана и признательна. Иона Яковлевич проводил меня за околицу. Пройдя метров сто, я оглянулся. Старик смотрел вперед, провожая меня взглядом. Он стоял в упрямой, характерной для него позе — откинувшись корпусом назад, широко расставив ноги...

ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШЕЙ УТОПИИ

(Секта «общих»)

Среди своих бумаг я обнаружил листок с записью:

«Сны В. П. 153.
Явь М. А. 327.
Н. 206.
У. 102».

Это не тайнопись. Это страница конспекта к лекционному курсу «История старообрядческих и сектантских движений», который в 1934 г. я читал студентам и аспирантам Политико-просветительного института им. Н. К. Крупской в Ленинграде. «Сны В. П.» — указание на роман Чернышевского «Что делать?». Это сны Веры Павловны, в которых перед читателем возникают образы социалистических трудовых ассоциаций, объединяющих людей будущего. Социалистическая утопия Чернышевского. Цифра обозначает соответствующую страницу романа.

«Явь М. А.» — христианско-социалистическая ассоциация, созданная крестьянином М. А. Поповым среди саратовских молокан в 30-х годах XIX в., а по высылке Попова в Закавказье возобновившаяся в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. Цифра отсылает к сочинению Попова, опубликованному в «Чтениях общества истории и древностей российских» в 1864 г.

«Н. 206» — ссылка на книгу Н. М. Никольского «История русской церкви» (1930), в которой на 206 странице читаем: «Это был настоящий фаланстер, который привел бы в восхищение самого Фурье». Слова Никольского относятся к ассоциации М. А. Попова.

Наконец, «У. 102—103» — ссылка на сочинения Глеба Успенского: «Мне пришлось быть в той самой деревне, которую основал М. А. Попов. Сосланный со своими единомышленниками на Кавказ, Попов поселился здесь, близ Ленкорани, основав поселение Николаевку, где в широких размерах на практике применил свое учение. Я видел стариков, знавших этого Попова лично, которые действительно пережили период самых подлинных коммунистических порядков, общественных работ, общественных столовых, общественного имущества». И дальше: «В настоящее время Николаевка — довольно большая деревня, далеко не напоминающая того фаланстера, который, как кажется, грезился основателю его».

Наблюдения Успенского относятся к началу 80-х годов. Я хорошо помню живой интерес, проявленный моими слушателями к этому яркому эпизоду в истории народной социальной утопии в России, а также радость, которую мне тогда принес мой опыт научной реконструкции этого начинания саратовских крестьян, да еще в годы свирепого царствования Николая I.

К тому же 1934 г. относится и мое знакомство с В. Д. Бонч-Бруевичем, у которого я появился с предложением о переиздании социал-демократического листка для сектантов «Рассвет», издававшегося в 1904 г. по постановлению II съезда РСДРП. С этим предложением я сперва обратился к Бонч-Бруевичу письменно, на что незамедлительно получил ободряющий и доброжелательный ответ. Тогда я и приехал в Москву. Надо ли говорить, как волновался, ожидая предстоящей встречи. О знакомстве и сотрудничестве с В. Д. Бонч-Бруевичем, продолжавшемся до его смерти в 1955 г., я надеюсь когда-нибудь написать специально. А сейчас о том, что в первой же встрече относится к ассоциации Попова, носившей название секты «общих».

В одном из номеров «Рассвета» был опубликован доклад Бонч-Бруевича II съезду РСДРП «Раскол и сектантство в России». Я расспрашивал Бонч-Бруевича о его докладе, в частности, поинтересовался, что именно он имел в виду, говоря о том, что не раз в истории сектантская мысль залетала в поля утопи-

ческого социализма? Он прежде всего назвал секту «общих».

— Надо вам знать, что эти сектанты все были крестьянами и выражали свои мысли на простонародном языке. Им неизвестно было слово «коммунисты», но «общие» и значит «коммунисты» в самом точном этимологическом смысле. По-латыни «communis» значит «общее», «общие», следовательно, и есть «коммунисты». Конечно, утописты. Коммунистические секты известны в истории русского сектантства, как и в истории сектантства западноевропейского. Только у нас они появились в XVIII—XIX вв., а в Европе несколькими веками раньше. Впрочем, если порыться в нашей истории, которую всячески извращали попы, миссионеры и поповствующие историки, то, может быть, найдутся и более ранние примеры сектантского коммунизма в России.

Бонч-Бруевич обстоятельно расспрашивал о моих занятиях историей сектантства, о встречах с сектантами. Я поделился с ним планами изучения истории еретических движений в феодальной России. Он отнесся к этому сочувственно. Сообщил, что и сам когда-то изучал еретические движения в Новгороде и Пскове XIV—XV вв., даже написал о них работу, но во время своих заграничных поездок потерял чемодан с рукописями, среди них была и работа о ересях. Потом вернулся к «общим».

— Видите ли, я писал об «общих» в одной из дореволюционных статей. Лет около десяти назад со мной вступил в переписку Михаил Саяпин из Баку, выходец из «общих». Я попросил его написать воспоминания об «общих», собрать свидетельства старожилов, еще помнящих об этой секте. Но представьте себе, этот осведомленный, по-видимому, способный, неплохо владеющий пером человек вообразил себя литератором, увлекся писанием всевозможных драм и трагедий и не выразил желания писать о том, что сам хорошо знает. Я как-нибудь покажу вам свою переписку с Саяпиным. А вам бы советовал не только самым внимательным образом изучить литературу об «общих», архивные документы, но и самому съездить в Ленкоранский уезд, где, может быть, и сейчас еще помнят об этой удивительной секте.

Но в те годы затянувшиеся на целую четверть века другие работы, обстоятельства, дела и интересы оттеснили мое изучение секты «общих». Тема эта вновь всплыла в 1959 г. за беседой с молоканином Петром Михайловичем Булгаковым в его маленьком доме на окраине города Рассказова. Он говорил, что в среде молокан Октябрьская революция нашла сочувственный отзыв, что он знает немало рассказовских молокан, порвавших с религией в годы Советской власти, некоторые из них со временем даже вступили в ряды Коммунистической партии и комсомола. Он прибавил, что в молоканстве в прошлом не раз возникали коммуны, как, например, «акинфиево согласие», т. е. секта «общих», основанная Михаилом Акинфиевичем Поповым. В разговор вступила дочь Петра Михайловича Шура:

— Отец, ты бы показал письмо Ивана Яковлевича.

Булгаков берег разные документы, но названное письмо либо затерялось, либо требовало долгих поисков.

— Шура, дело-то давнее, где же я сыщу письмо?

Выяснилось, что в письме перечислялись молоканские коммуны, начиная с «акинфиева согласия» и вплоть до коммуны, созданной неким Мешалкиным уже в начале нашего века. Булгаков, к сожалению, не знал, каково было устройство этих коммун, их деятельность и судьба.

— Может быть, вспомните хотя бы, где именно была мешалкинская коммуна?

— Саратовская, да и сам Иван Яковлевич саратовский, а собирались в коммуну с тех же сел, с которых пошло «акинфиево согласие».

Я подумал, не держу ли в руках два конца одной и той же нити, не было ли традиционным среди саратовских молокан тяготение к формам коммунального устройства жизни? Это была не больше чем догадка. Говорить о традиции можно было, лишь обнаружив посредствующие звенья между социальным опытом саратовских молокан в 30-х годах XIX в. и упомянутой коммуной Мешалкина.

Так или иначе, но беседа напомнила о секте «общих», пробудила и обострила давно появившийся

интерес. И все же недосуг было заняться историей этой секты. Предстояла работа над томом трудов тамбовской экспедиции 1959 г. и над организацией новой экспедиции по изучению сектантства в Липецкой и Воронежской областях.

В 1961 г. в архиве В. В. Черткова, переданного его сыном в отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, было обнаружено небольшое сочинение молоканина из села Ивановки Покровского уезда Саратовской губернии Ивана Яковлевича Кишко о молоканских коммунах, без сомнения, того самого Ивана Яковлевича, который был корреспондентом Булгакова.

В сочинении Кишко речь шла о коммуне, существовавшей в 50-х годах XIX в., и о коммуне Мешалкина, возникшей полвека спустя. Но, как известно, коммуна Попова существовала не в 50-х, а в 30-х годах XIX в.! Все же Кишко не ошибался. Как выяснилось по другим источникам, после того как коммуна Попова была разогнана царскими властями, а ее наиболее активные участники сосланы, она возродилась в тех же селах в 50-х годах. Традиция продолжала жить.

Однако в 1855 г. подверглись ссылке и участники возрожденной коммуны. Казалось бы, с крестьянской коммуной покончено. Не тут-то было! В конце 50-х — начале 60-х годов молоканин Иван Григорьев воссоздал коммуну и опять в тех же селах Саратовской губернии (они вошли во вновь образованную Самарскую губернию), где она существовала в первой трети и середине XIX в. Григорьев был арестован царскими властями и есть основания полагать отравлен в тюрьме.

Все это я узнал позднее, в 1962—1964 гг., когда работал над книгой «История религиозного сектантства в России». Вскоре у меня сложился замысел исследования по истории народной социальной утопии в России. Составной частью этой работы должно было быть исследование секты «общих».

Мне удалось выявить немало нового интересного материала, изучить, само собой разумеется, относящуюся к теме литературу. Последнее из встретившихся мне в литературе описаний устройства и быта

«общих» принадлежало перу М. Саяпина, о котором я впервые услышал от Бонч-Бруевича. Это статья ««Общие». Русская коммунистическая секта», опубликованная Саяпиным в первом и втором номерах «Ежемесячного журнала» за 1915 г. Но не хотелось откладывать и поездки в те места, где полнее всего выразилась история «общих», жизнь их коммуны, а именно в села Андреевку и Николаевку бывшей Бакинской губернии.

Я рассчитывал встретиться с местными старожилами, собрать воспоминания о коммуне, если только они сохранились в их памяти, а быть может — мне хотелось в это верить,— найти и какие-нибудь документальные материалы. Так задумана была поездка в Азербайджан в 1970 г.

В то время многие архивы, московские и ленинградские, в которых могли иметься интересовавшие меня материалы, не были еще мной обследованы. Но в рукописное собрание Бонч-Бруевича я заглянул. В первую очередь в его переписку с Саяпиным. Я не нашел в ней конкретных сведений, которые могли быть использованы в моей работе, но подлинным напутствием к поездке в Азербайджан явились слова в письме Бонч-Бруевича Саяпину от 18 июля 1927 г.: «Секта «общих» меня всегда очень интересовала и привлекала, и надо будет о ней собрать как можно более подробный материал. И с этим надо спешить, ибо современная жизнь многое перемалывает, а нам, этнографам и историкам, необходимо нужно записать все грани и изгибы народной жизни далекого и близкого прошлого...»

22 сентября 1970 г. вылетел из Москвы в Баку. Сразу же устанавливаю контакты с бакинскими исследователями религиозного сектантства. Новые знакомые приветливы, охотно соглашаются помочь.

— Итак, вы разыскиваете у нас последователей Фурье? Все что угодно — молокан, постоянных и прыгунов, субботников, баптистов, пятидесятников, адвентистов, все что угодно найдете, только не то, что ищете!

Выясняю, что в интересующей меня округе Ленкорани существует куст молоканских сел и два села субботнических. Одно из них большое. Показывают

широкоформатную карту Азербайджанской ССР. Ищу Николаевку, мою главную цель. Нет Николаевки! Достают книгу переименованных населенных пунктов. Нет Николаевки! Правда, селения, переименованные в 20-х годах, в книгу не вошли. Откладываю розыски на завтра. Еще прошу помочь мне получить справку, имеется ли в библиотеке Азербайджанской Академии наук и библиотеке им. Ахундова комплект журнала «Духовный христианин» за 1907 г. Мне известно, что в одном из номеров журнала опубликовано было то ли полностью, то ли в отрывках сочинение Михаила Акинфиевича Попова под названием «Третий завет». В библиотеках Москвы и Ленинграда нужного мне журнала не было.

Наконец, обещают мне организовать встречу с Василием Михайловичем Варгановым, пресвитером молоканской общины в Баку.

23 сентября.

Начал день с розыска Николаевки. Обратился в Институт этнографии. Спрашиваю одного сотрудника, другого, третьего — безрезультатно. Я — в Институт географии, к начальнику картографического отдела. Достает толстую папку со списками переименованных сел. Листает, листает, еще листает — Николаевки нет! Что за наваждение! Спрашиваю, нет ли дореволюционной карты Ленкоранского уезда? Поднимаемся в хранилище. Вот и карта, свернутая в рулон выше человеческого роста. Как ни бережно разворачиваем карту, от нее слетают на пол кусочки бумаги — желтые, синие, зеленые. «Спадают ветхой чешуей». Не отлетела бы Николаевка! Нет, не отлетела, и теперь удается установить: Николаевке соответствует нынешняя Калиновка.

Другие требующиеся мне справки — неутешительны. В библиотеке Азербайджанской Академии наук журнала «Духовный христианин» нет. В библиотеке им. Ахундова идет сессия библиотекарей — это автоматически ликвидирует на срок сессии читательские заявки. На сегодня намечена встреча с пресвитером Варгановым. Мне хочется пойти к нему в сопровождении кого-нибудь из местных исследователей, лично с ним знакомых. Обращаюсь с этой просьбой к социо-

логу и краеведу Георгию Яковлевичу Корытину. Я его знаю по богатой фактическими данными брошюре «Христианские секты, бытующие в Азербайджане», изданной в Баку несколько лет назад. Он не только соглашается пойти к Варганову, но и готов сопровождать меня в поездке по сектантским селениям в Азербайджане. Договариваемся выехать поездом на Ленкорань завтра вечером.

Отправляемся к Варганову, но не застаем его. Какой-то старик молоканин, находившийся в его доме, берется организовать нам встречу завтра, к девяти утра. Разговорился со стариком, упомянул Михаила Саяпина.

— Знаю, который был учителем в Николаевке?

— Да, он самый.

— Как же, как же, его избили.

— Избили?! Кто? За что?

— Николаевские, не ладил он с ними.

— Чем же он так досадил николаевским, что они побили его?

— Не знаю.

— А еще что-нибудь знаете о Саяпине?

— Больше ничего.

Прямо скажем, скудная информация. И все же что-то обнадеживающее мелькнуло и в этом случайном разговоре. Приглашаю старика участвовать в нашей беседе с Варгановым. Соглашается и с достоинством представляется: Иван Савельевич Михайлов.

24 сентября.

В начале девятого отправился к Варганову. Взял с собой книги «История религиозного сектантства в России» и «Религиозное сектантство и современность». Это как бы визитные карточки. Отдаю себе отчет в психологическом эффекте их воздействия, что не делает его применение зазорным. Заворачиваю книги в газету. У меня, конечно, есть портфель, но я избегаю пользоваться портфелем при посещении верующих.

Варганов и Михайлов уже ожидают меня. Беседа получилась не очень интересная. Лично Саяпина Михайлов не знал, только слышал об эпизоде, который вчера рассказал. Ни он, ни Варганов конкретными

сведениями об «общих» не располагают. Михайлов принес тетрадь своих выписок, относящихся к учению и истории молоканства. Среди них есть и страничка, посвященная «общим».

Это выписка из журнала «Духовный христианин» за июль 1907 г. Не из того номера журнала, который мне особенно нужен, но все же из разыскиваемого мной комплекта. Предоставляю старцам полистать мои книги, а тем временем переписываю: «В селе Николаевке 125 домов: общих духовных христиан 500 душ. Надел на душу около двух десятин. Село за 50 лет сильно уменьшилось. Климат плохой, лихорадочный. Имена старцев: Сафонов Г. Е., Кузнецов Пр. Зах., Кондратьев Ст. Андр., Кострикин Х. С., Богданов Т. Л., Саяпин Ив. Ант. Рукописи держатся, как святыни, в секрете».

Конечно, с тех пор как была опубликована эта заметка, минуло 63 года. Но «общих» было в то время «500 душ». Нельзя исключить, что кто-нибудь остался в живых из тех, кому тогда было лет 18—20. Что «рукописи держатся, как святыня, в секрете», могло обеспечить их сохранность, а «секрет», сохранились бы только рукописи, может, удастся и «рассекретить».

Беседа возобновляется. Старики проявили большой интерес к книгам, особенно к «Истории религиозного сектантства». Одобряют мое намерение восстановить забытый уже эпизод из истории молоканства, известный и им лишь понаслышке. Обращаюсь с просьбой: ввиду предстоящих в субботу и воскресенье молитвенных собраний бакинской общины расспросить верующих, что им известно о толке «общих» — учении, деятельности и деятелях его. Может быть, укажут, к кому обратиться, что почитать, может быть, сами располагают каким-нибудь материалом, с которым разрешат познакомиться. Излагаю свою просьбу в виде вопросника на бумаге. Для вящей памяти. Условливаюсь снова встретиться после возвращения моего из поездки в район. Прощаемся. Михайлов провожает до ограды дома. Спрашивает, можно ли ему навестить меня в гостинице между 17 и 18 часами? Пусть приходит, конечно, буду рад.

Потом короткая встреча с Корытиным. Договари-

ваемся, что к 22 часам он зайдет за мной в гостиницу и мы вместе отправимся на вокзал. Корытин называет неизвестную мне статью об «общих», принадлежащую профессору Ф. В. Благовидову: «Первые сектанты-«коммунисты» на Кавказе». Она была напечатана в 1925 г. в «Известиях Азербайджанского государственного университета». Историография секты «общих» бедна. Я полагал, что знаю ее исчерпывающе, вплоть до статей в периодической печати. И вот — сюрприз, такой неожиданный и приятный. Прощаюсь с Корытиным, мчусь в библиотеку. Пожалуй, благоразумнее было бы не делать этого — времени мало, а «Известия Азербайджанского университета», без сомнения, найду в библиотеках Москвы. Но, с другой стороны, статья Благовидова может навести на новые следы поисков, на материалы, находящиеся в Азербайджане. А по правде сказать, мне просто не терпелось увидеть неизвестную статью на волнующую тему.

Статья быстро сыскалась. Большая, интересная, написанная по первоисточникам, а именно по судебно-следственным материалам о секте «общих», датированным 1851 г. Сделал десять страниц выписок. К 16 вернулся в гостиницу и конспективно записал утреннюю беседу с Варгановым и Михайловым.

В назначенное время пришел Михайлов. Беседа с ним продолжалась в течение часа. Славный человек, работавший сызмальства и продолжающий трудиться по сию пору (ему 67 лет). Начитан. Все читаемое воспринимает сквозь призму молоканского мировоззрения. Для него молоканство — синоним христианства, и сам Христос — молоканский первоучитель. Даже кумранские находки (читал о них книгу Амусина) толкует как древние памятники молоканского вероучения. Мне при этом припомнилась беседа десятилетней давности с московским адвентистом Квасковым. Тот хватил дальше.

— Если хотите знать, кто был первым адвентистом,— сказал он мне,— то, извольте, первым адвентистом был Адам.

По понятиям Михайлова, молоканство (оно же — христианство) — вневременно. Оно не подвержено истории. Вокруг этой вневременной духовной оси сну-

ют то справа, то слева всевозможные ереси (например, православие) и одни уже ушли, другие уходят в небытие, а ось стоит, как стояла.

Любопытная деталь. Молокане читают церковнославянскую Библию. Чтение Библии на русском языке практикуется, даже учащается, что вызывает у ортодоксальных молокан настороженность и подозрение как уклон в баптистскую ересь. Кое-кто из бакинской общины упрекает и своего пресвитера Варганова за то, что он порой прибегает к русскому тексту Библии. Между тем — Михайлов это подтверждает — большинству молокан церковнославянский язык недоступен. Характерно проявление незавершенности религиозного реформаторства молоканства и консерватизма его идеологов.

Беседа меня не удовлетворила. Испытываю недовольство не собеседником, а собой. Сказалась усталость от напряженного дня работы.

Корытин пришел в назначенное время. Наш путь — в районный центр Джалалабад. На территории района находятся город Пришиб (молоканская и баптистская общины), село Привольное (некогда субботнический центр), наконец, Андреевка (в прошлом населенная «общими»). В конце маршрута — Калиновка, входящая в территорию Масалитинского района.

25 сентября.

Проснулся ночью в поезде. Открыть глаза меня заставила статья Благовидова. Спал, а в голове незаметно продолжалась работа и в какой-то момент потребовала бодрствования. В какой же? Благовидов писал о разветвленной системе иерархии, существовавшей у «общих», что, впрочем, известно было и по предшествовавшей литературе. Это так называемые «чины», ведавшие общественной, хозяйственной, религиозной, семейной и личной жизнью участников общины. Вся ее жизнедеятельность контролировалась и регулировалась «чинами», вся, вплоть до мельчайших деталей. Почему так, чем обусловлено было это «обобществление» не только социальной, но и духовной жизни индивидов, не только их дел, но и слов, даже их мыслей? С этим вопросом я пробудился.

Ну а как же иначе могла существовать и функ-

ционировать эта ассоциация, этот крошечный социальный островок в огромном крепостническом государстве, буквально осажденный, затапливаемый враждебной стихией? Ценой строжайшей дисциплины. Да и самый уклад жизни — общественная собственность, совместность труда, распределение материальных благ — требовал специального института распорядителей, наделенных правами и властью. Кстати сказать, «чины» не выключались из обязательной для всех участников общины трудовой деятельности.

В Джалалабаде в райисполкоме нас встречают очень приветливо. Предоставляют транспорт, и мы отправляемся в Андреевку.

Первая встреча в Андреевке с Василием Афанасьевичем Шевченко — семидесятишестилетним пресвитером местной баптистской общины. Бодрый, подобранный, подвижный человек.

— Да,— подтверждает он,— была такая секция. В Николаевке. Частица у нас. Году в 1905-м их («общих».— *А. К.*) было в Андреевке с третью часть дворов. Тогда, да и потом, в начале революции в Андреевке было три собрания: наше баптистское, молоканское и «общие». Постоянного молитвенного дома «общие» не имели, собирались по хозяевам. Учение «общих»? Стремились иметь все общее. Это они только понятие такое имели. А у каждого хозяйство, и работали каждый на себя. Кое-кто имел наемных работников. Что у них осталось от «общего»? Общественные обеды — устраивали их после молотьбы. Каждый к общему столу угощение приносил. Из Николаевки на обед фургонами приезжали. Везде угощение. Это вот помню. Благодарственный обед у «общих» — это вроде как у нас, баптистов, день жатвы. Мы, баптисты, много беседовали с «общими», спорили с ними. Они водного крещения не признают. Мы, говорят, крещенные по духу. Спорили мы и с молоканами, те поразумнее были, к нам переходили. А «общие» на своем упорствовали. Баптисты к ним не шли. Бывало из молокан кое-кто перейдет. Кто хотел жить по-ихнему, должен был попросить. Его посылали к исповеднику грехов — чин такой у «общих», исповедовались во всем, без утайки, тогда и просили, чтобы люди за них помолились. После того

и принимали в «общие». Да, еще имейте в виду, Андреевка не всегда была здесь. Прежде находилась возле Новогольной станции. Ее затопило в 1896—1897 гг. Наводнение было. После того и переселились. Земля здесь солончаковая, малоплодородная. Много люди потрудились, один другому пособляли, пока с нуждой справились. Выстроили и школу, трехлетнюю, сейчас точно не скажу, может быть, ее «общие» заложили. Вот и все, что припомню. Вам бы с Мамонтовым, с Николаем Савельичем, поговорить. Он-то сам был «общим». Живет здесь. А еще, может быть, что и расскажет брат наш, Федор Ильич Смолянинов. Схожу-ка к нему. Попрошу. Только он очень больной. По старости. Лет будет ему с девяносто.

Шевченко объясняет, где найти Мамонтова, а сам уходит известить Смолянинова о нашем желании побеседовать с ним.

Разыскиваем Мамонтова. Он явно встревожен нашим посещением. Бегают маленькие колючие глаза. Пощипывает бороденку.

— Да что вы, да что вы! Да откуда мне знать? Вы бы кого-нибудь другого спросили.

— А кого посоветуете спросить?

— Да откуда мне знать? Кто ко мне послал, тот пусть и посоветует.

— Знаете что, Николай Савельевич, если неугодно вам говорить с нами, так о том и скажите. Воля ваша, на отказ не обидимся, да еще извинимся, что побеспокоили. А неправдой не унижайтесь. Что же это вы веры своей стыдитесь?

Мамонтов призадумался.

— Не пойму, зачем вам знать это надо.

— Только затем, чтобы знать. «Общие» учили жить по-братски. Своим умом к этому дошли в далекие времена. А люди были неученые, простые крестьяне. Что же в том удивительного, что мы интересуемся учением «общих»?

Поуспокоился.

— Отец мой, Савелий Антонович, рассказывал, что у них у всех общий стол был, общий котел. При его жизни так было. Умер отец в 1920 году, от роду имел восемьдесят пять лет. А когда именно так столовались, не говорил, а может, и говорил, да я поза-

был. В Андреевке у нас общего котла не было. А которые здесь были «общие», так в двадцатых годах соединились с молоканами...

Не было охоты продолжать разговор, в котором собеседника приходилось «тянуть за язык». Извинились, что потревожили, простились. Направились, как нам рекомендовал Шевченко, к дому баптиста Федора Ильича Смолянинова.

С веранды спускался закутанный в байковое одеяло, в «три погибели» скрюченный хозяин дома. Поспешили помочь старику вернуться на веранду. Усадили. Сами уселись.

— Мало что могу вам сказать. Мне девяносто. Плоха голова. Зажился я на этом свете, пора уходить.

Говорит это незлобиво, покорно, членораздельно. Голос глуховат.

— Ну да вот, были «общие» и в Андреевке. Собирались по воскресеньям. На собраниях, кто в чем согрешит, каялись перед народом. Кто не покается, отлучали от братства. Они были общими, это старики рассказывали. Земля у них была общая, вместе работали и хлеб был общий. На работу наряжали, такие-то пойдут хлеб убирать, такие-то — в лес. Вместе питались. Потом братство у них расстроилось. Поделение пошло. Что от прежней жизни осталось — бедным помогать. Кто из них нуждался, Иванов там, Петров, кто еще — помогали. В том отказу не было. Были у них певчие, были и пресвитеры. Пресвитеров сами выбирали. С постоянными молоканами у них не ладилось. С прыгунами побольше водились.

Были здесь и прыгуны. У нас в Андреевке отдельно по улицам расселялись, на одной — «общие», на другой — молокане. Еще скажу, в братстве их были старшие, звались чинами. Судейский чин, значит, правду и мир судил между ними. Жертвенный. Этот даяния собирал, на бедных, на общую пользу. Были и другие чиновные, а какие — сказать не могу, не помню. Их, чинов этих, давно уже нет.

Вероятно, наводящие вопросы помогли бы Смолянинову припомнить и другие черты учения и быта «общих». Я их не задавал. Откровенно говоря, мне хотелось, как ни интересна она была, поскорее закончить беседу, требовавшую от престарелого собе-

седника большого напряжения сил. Мы тепло распрощались.

Три беседы. Что выяснилось? Да, не густо. И все же больше того, что удалось узнать от молокан, с которыми я беседовал в Баку. Но не буду продолжать поиски в Андреевке. Не здесь, а в Николаевке находился центр «общих». И мне теперь ясно, что среди жителей ее я найду знающих и благожелательных информаторов. Но дорога туда лежит через Пришиб. И его миновать не следует. Это в прошлом крупный молоканский очаг на территории Азербайджана.

Вспоминается любопытный исторический факт. В середине минувшего века царские власти создали по соседству с Пришибом селение, наименовав его «Православное». Поселенцам предоставили субсидии и льготы. Цель состояла в том, чтобы «посрамить» молокан, показав, что люди, придерживающиеся православия, достигают большего благополучия, нежели отщепенцы-еретики. Но идейные ценности православия, даже будучи подкреплены льготами и субсидиями, оставались тем, чем являлись на самом деле: освящением крепостничества, темноты, самоуничижения, покорности. Село Православное через несколько лет существования явило обычную картину нищеты и запущенности.

Еду в Пришиб. Но и здесь сосредоточусь не на состоянии молоканской общины. Цель — «общие», и естественно предположить, что пришибские молокане принесут свою лепту воспоминаний о них. В Пришибе кроме молоканской общины давно уже существует баптистская — об этом я узнаю от работника городского Совета. Он не сомневается, что, если я захочу встретиться для бесед с молоканами и баптистами, они отнесутся к этому без всякого предубеждения. Вызывается сам организовать встречу. Я поколебался. Менее всего желательно беседовать в обстановке, чем-либо напоминающей официальную.

Исследователь заинтересован в максимальной раскованности верующих собеседников. Но, с другой стороны, времени у меня мало, и я иду на то, чтобы сделать из правила исключение. Прошу передать мое приглашение не кому-либо из рядовых верующих, а пресвитерам молоканской и баптистской общин. Со-

ображение простое: пресвитеры по тем или иным нуждам своих общин обращаются к представителю власти. Посещение горсовета им будет не вновь.

Проходит немного времени, и я знакомлюсь с баптистом Егором Васильевичем Мухиным и молоканами Николаем Ивановичем Устиновым и Петром Васильевичем Чугуновым. Беседуем. Молокане импозантны. Устинов — высокий, худой, весь в черном, с длинной серебряной бородой. Седые волосы расчесаны на прямой пробор. Сидит за столом величественно, а глаза веселые и в голосе юмор. Ему семьдесят четыре. Чугунову за шестьдесят. Черноглазый и черноволосый, импульсивный, какая-то смесь южнорусского и патриархально-библейского во внешнем облике. Сколько раз мне уже встречался подобный тип среди молокан.

Беседа совместная, непринужденная, и я не в состоянии зафиксировать, кто из них что говорит. «Общие» для них не белое пятно. Узнаю, что «общие» держались более свободных взглядов на брак, нежели постоянные молокане и баптисты. Взаимное чувство молодых было не только единственно необходимым, но и достаточным условием для вступления в брак. Бывало, что молодые из постоянных молокан и баптистов, встречавшие препятствия к браку со стороны родителей, уходили в «общие» и заключали брачный союз. Когда в семье «общих» рождался младенец, старцы собирались на восьмой день для наречения ему имени. Почему не родители, а старцы? Потому, насколько я понял своих собеседников, что младенец рассматривался не только как новый член семьи, но и как новый член всего коллектива «общих». Причастие новорожденного к общине и общины к нему символизировалось церемонией наречения имени ему старцами. Общественный, а не семейный характер придавался у «общих» и обряду похорон. Все члены общины собирались вокруг покойника и так сидели всю ночь. Старцы назначали надзирателей, которым вменялось следить, чтобы никто из общинников не манкировал печальной церемонией и в течение ночи не отлучался.

Спрашиваю, не наблюдалось ли в труде и быту «общих» каких-либо начал коллективизма? В ответ

вспоминают о благодарственных обедах (то же самое, что я уже слышал в Андреевке). Еще говорят, что у них «посуда была общая».

— Разве они столовались не порознь?

— Порознь, а посуда была общая.

— Не предназначалась ли она для благодарственных обедов?

— Может, и так. Не знаем.

Почему здесь, в Пришибе и в Андреевке, так скупы воспоминания моих собеседников о том, что составляло основную особенность внутренней организации «общих»,— их трудовом коллективизме? Не потому ли, что религиозно-бытовые формы пережили формы социальной организации «общих», сохранялись и в то время, когда формы кооперативной организации труда, распределения, быта уже перестали существовать? Ведь собеседники мои говорят о том, чему они были свидетелями и что сохранилось в их памяти. Литературные источники об «общих» им неизвестны (на прямой вопрос, читали ли что-либо об «общих», ответили отрицательно). Сколько же мне надо объездить таких вот населенных пунктов, чтобы из отрывочных, скупых известий составить представление о секте «общих» на последнем этапе ее существования?

Беседа заканчивается. Чугунов приглашает на ночлег. Корытин, участвующий в беседе, смотрит вопросительно. Мы-то уже заказали номер в гостинице. Чугунов повторяет приглашение, очень искренне. Благодарю и соглашаюсь. Отказ обидел бы, а вместе с тем, почему не воспользоваться возможностью обогатить полученную информацию?

Прощаемся с Устиновым и Мухиным. Благодарим за беседу. И уже на улице, когда расходимся по домам, то ли Устинов, то ли Мухин говорит:

— Вы бы в Калиновку к «общим» съездили — они поболе расскажут!

— Как? «Общие»?!

— Ну а какие? «Общие»! Там их собрание, душ с пятьдесят будет.

— В Калиновке?

— В Калиновке!

Вот так-то! Бакинские коллеги утверждали, что я

найду любую секту, шутили: «на выбор», только не секту «общих»! «Общих» я и не искал. Я искал воспоминания о них, в самом счастливом случае надеялся обнаружить какие-нибудь документальные материалы, а предстоит познакомиться не с воспоминаниями, а с самими «общими», с живыми наследниками этой, по выражению Бонч-Бруевича, «удивительной секты»...

Нас радушно принимают Чугуновы. За ужином ведется разговор — я его не запоминаю, разве лишь то, что, по словам хозяина, отношения между молоканами и баптистами в Пришибе вполне добрососедские, без проявлений религиозной вражды. Я внутренне занят предстоящей встречей с «общими», а еще мучит ощущение своего рода embarras de richesses — растерянности от богатства: поблизости от Пришиба Привольное, знаменитое в истории субботнической секты село. Его тоже никак нельзя обойти, хотя это еще на день отсрочит поездку в Калиновку.

Собираясь ко сну, замечаю на столе небольшую рукописную книжку. На обложке: «Беседа доктора баптистов Дадько с атеистом. Бог и природа». Полистал. Книжка содержит телеологическое доказательство бытия божьего, которое «доктор баптистов Дадько» излагает в прямом соответствии с трактатами докторов средневековой схоластики. Для споров с атеистами молокане пользуются сочинениями баптистов. Факт идейного добрососедства.

26 сентября.

В Привольное приехали утром. Село огромное. Дома и постройки впечатляют внушительностью: и ладно скроены, и крепко сшиты. Жители Привольного, как правило, работники совхоза. И хотя население многочисленное, улица, по которой мы идем — она прорезывает вдоль все село,— довольно пустынна. Люди на работе, дети в школе, домашние хозяйки, пенсионеры у себя на дворе, в приусадебных участках. Мы имеем возможность походить по селу. Дает о себе знать осень: хмурое небо, мелкий дождик, запах сырости. Каждый дом окружен садом. Памятный обелиск героям Великой Отечественной

войны. Он поставлен рядом с обелиском героям-партизанам гражданской войны.

Какой-то старик, сразу узнавший в нас гостей Привольного, вызывается быть нашим гидом. Рассказывает, что в прежнее время Привольное делилось на концы. Они назывались Балашня, Черкесс, Балаклея и Мазон. Пояснил, что Балашня заселялась саратовскими субботниками, Черкесс — ростовскими, Балаклея — харьковскими. Селились землячествами. А откуда название Мазон, выходцами из каких мест заселялся этот конец — не знает. Прогулка, однако, длится недолго. Нас находят и приглашают к секретарю партийного комитета совхоза. Он коренной житель Привольного, здесь вырос и окончил среднюю школу, о которой вспоминает любовно.

— Поговорим, а потом поведу вас в школу, а там и походим, познакомимся с селом. Да, село было субботническое, говорю «было» потому, что верующих почти не осталось, да и состав населения изменился. Не за счет утечки из села. Жители наши привязаны к своему селу и от добра добра не ищут. Бóльшую часть населения составляют азербайджанцы. А всего жителей у нас до четырех тысяч. Живем дружно, во взаимном уважении, никто не хоронится в своем углу.

Я рассказываю о своем посещении двух бывших субботнических сел в Воронежской области в 1964 г. Там до сих пор еще дают знать о себе старые традиции, хотя верующих и очень мало. Все же в некоторых семьях практикуется обрезание, среди женской части населения имеются и случаи невыхода на работу в субботние дни. Правда, эти женщины выходят на работу по воскресеньям. А как в Привольном?

— У нас субботней «проблемы» нет. Факты обрезания имеют место, насколько я знаю, случаи эти немногочисленны. Свадьбы и похороны порой сопровождаются религиозными обрядами. Все это на глазах убывает. Я еще помню Привольное, когда в нем было много верующих, строго придерживавшихся обрядов. Но вот что. Вера — верой, а село наше выделялось сознательностью и активностью населения. В годы гражданской войны многие наши ушли в красные партизаны и боролись за победу Советской

власти в Азербайджане. Название «Красный партизан» наш совхоз (до недавнего времени был у нас колхоз) носит по праву. Я не могу вам сказать, сколько жителей находилось в Привольном в 1918 году, когда в нем возникла партийная ячейка. В 1921 году она уже объединяла триста коммунистов — жителей Привольного. Триста. А в 1920 году возникла организация Коммунистического союза молодежи. Вот вам и субботническое село!

Секретарь парткома с гордостью показывает письмо А. И. Микояна, адресованное коммунистам Привольного: «Азербайджанская ССР, Джалалабадский район, с. Привольное. Партийной организации колхоза «Красный партизан».

Прошу принять мои горячие поздравления в связи с 50-летием создания одной из первых коммунистических организаций в Азербайджане — в селе Привольном.

Великие традиции полувековой деятельности организации коммунистов Привольного воодушевляют их на новые успехи в коммунистическом строительстве и обязывают всех коммунистов в день полувекового юбилея поставить перед собой новые, более повышенные обязательства и задачи в деле построения коммунистического общества.

27 мая 1968 г. *А. Микоян».*

Итак, одна из первых коммунистических организаций в Азербайджане. Мелькает мысль, что если заслуженным является название совхоза «Красный партизан», то и исконное название села — Привольное — тоже оправданно. Тут же вспоминаю моих рассказовских собеседников в 1959 г. молоканина П. М. Булгакова, субботника Я. А. Житенева и его сына М. Я. Житенева. Они говорили, что с первых лет Октября среди местных молокан и субботников обнаружилась тяга в Коммунистическую партию и Ленинский союз молодежи. Житель г. Балашова И. М. Зайцев, выходец из молоканской семьи, писал мне в 1962 г., откликаясь на выход сборника трудов тамбовской экспедиции, что в Саратовской губернии молоканская молодежь подавала и групповые заяв-

ления о вступлении в РКСМ. Это было в начале 20-х годов.

Среди тех течений русского религиозного сектантства, которые действительно несли, по выражению В. И. Ленина, политический протест в религиозной оболочке, Октябрьская революция выявила наиболее идейно-зрелые элементы и привлекла их на свою сторону. Но в среде баптистов, евангельских христиан, адвентистов случаи сознательного разрыва с религиозной верой, вплоть до вступления в ряды партии и комсомола, были крайне редкими, составляли исключение.

— Традиции периода гражданской войны,— рассказывает мой собеседник,— воплотились в хозяйственные достижения привольнинцев. Они занимают передовые позиции в развитии сельского хозяйства и славятся как отличные виноградари, хлеборобы и животноводы. Наши привольненские обладают трудовой закалкой, к тому, что делают, относятся совестливо. Есть у нас честное слово, на него можно положиться. Лодыри, любители собственного кармана, пьяницы и в нашем селе встречаются, а голову не очень-то подымают. А теперь о том, за чем вы приехали. Сейчас придут Абрам Ильич Калинин и еще два старика. Я послал за ними. Они верующие, вот и поговорите с ними.

Делать было нечего, опять предстоит встреча в официальной обстановке, в присутствии сторонних свидетелей (в комнате, где мы беседуем, еще четыре человека).

Приходят верующие. Садятся. Двое по одну сторону стола, третий — по другую. Шапок, как требует этого обычай, не снимают.

И тут замечаю, что кроме меня у всех, находящихся в комнате, на голове шапки.

Три старика, представляющие религиозный микромир Привольного, насторожены, замкнуты, односложны в ответах. Мои вопросы к ним все обращены в прошлое: были ли специальные молитвенные дома в дореволюционном Привольном? Существовала ли религиозная школа? Имелись ли среди верующих так называемые геры — разновидность субботничества? Ответы не связаны для моих собеседников ни с

какими актуальными для них как верующих проблемами, что и делает целесообразным именно так начать разговор. Но на вопросы отвечают: «да», «нет», а чаще — «не знаем». Беседа не получается.

Тягостная обстановка. Ее надо разрядить. Достаю свою книгу «Религиозное сектантство и современность».

— Я хотел послушать вас, вижу, стесняетесь. Послушайте, пожалуйста, меня, почитаю вам то, что в этой книге я написал о субботниках.

Кажется, заинтересовались. Но читать мне не пришлось. В комнату входит плотный коренастый человек, подходит к столу, протягивает руку, крепко жмет мою. Где-то Александр Грин писал, что человека можно узнать по рукопожатию. Это было товарищеским. Секретарь парткома представляет:

— Яков Ильич Горбунов, старейший коммунист Привольного.

Горбунову семьдесят шесть лет, пятьдесят два года отдано партии. Был партизаном, активным участником гражданской войны, потом на партийной и хозяйственной работе.

— Ну, много вам рассказали? — обращается ко мне Горбунов.— Может быть, мне ответить вам за верующих и неверующих? Я не хуже, чем вот они,— он посмотрел на отмалчивавшихся стариков лукаво,— удовлетворю ваши интересы.

Я повторил вопросы. Ответы Горбунова содержательны, точны, красочны. Вся религиозная сторона жизни субботников известна ему в деталях. Старики прислушиваются, нет-нет вставляют реплики, дополняют — вот и пошел общий разговор.

Накануне Октябрьской революции в Привольном функционировали две синагоги. Раввины и канторы наезжали сюда из крупных городов. Существовало начальное религиозное училище — хедер. Субботнего дня и праздников иудейского религиозного календаря верующие придерживались неукоснительно. Обряд обрезания имел самое широкое распространение. После совершения обряда родители устраивали званые обеды, на которые собиралось по нескольку десятков гостей. Также широко практиковались религиозные свадебный и похоронный обряды. Свадеб-

ные празднества сопровождались обильным угощением и шумным весельем. После похорон торжественно-траурный ужин, опять-таки с десятками приглашенных. К детям богатых, да и среднего достатка, родителей выписывались в Привольное учителя древнееврейского языка.

Были и свои атеисты, и равнодушные к религии люди. Против них применяли всевозможные санкции, экономические и моральные. Село славилось как богатое, некоторые богачи занимались ростовщичеством, но люди жили очень неровно. Была и бедность, существовали разные формы экономической зависимости и эксплуатации. Эти противоречия, по-видимому, лежали в основе религиозного деления жителей на геров и собственно субботников.

Геры составляли своего рода религиозную аристократию. Их верования и культ тождественны иудейскому. Языком богослужебной практики являлся древнееврейский. Субботники же обычно не знали древнееврейского языка, их религиозные верования и культ были проще. Талмуд вообще не существовал в их религиозном обиходе. Богослужение, как домашнее, так и синагогальное, у субботников проводилось на русском языке. Но те и другие строго придерживались иудейского праздничного календаря и ритуала, в обязательном порядке делали детям обрезание. Те и другие, как правило, давали младенцам ветхозаветные имена.

Со времени Октябрьской революции произошли огромные перемены и в сфере духовной жизни населения. Много ли в настоящее время верующих? Совсем мало! Может быть, десятая, самое большое — восьмая часть населения, причем характер религиозности — обрядово-формальный. Бытовые традиции сохранились больше. А вот добрая традиция трудолюбия, отличавшая с давних пор крестьян и ремесленников Привольного, сохранилась и укрепилась.

Собеседники мои отмечают, что данью старым традициям остается, между прочим, нередкое наречение новорожденных ветхозаветными именами. Обращают мое внимание на то, что среди верующей части населения и по сию пору продолжается деление на субботников и геров. Последних остается все мень-

ше. Кстати, и я оказываюсь свидетелем этого деления, ибо два верующих, сидящих по одну сторону стола, за которым мы беседовали,— субботники, а сидящий по другую сторону — гер. Как только «обнародывается» этот для меня неожиданный факт, по лицам присутствующих, в том числе верующих, пробегают улыбки. Я вспоминаю беседу с субботником Ионой Яковлевичем в Севане и спрашиваю, как в настоящее время обстоит у верующих Привольного со знанием древнееврейского языка. Ответил Горбунов:

— Я, например, язык знаю, а верующие... плохо, совсем плохо, обращаются кое-когда за консультацией в языке ко мне, старому партийцу.

Беседа окончена. Прощаюсь со стариками.

Оставшееся время я употребил для ознакомления с Привольным: посетил школу, культурно-бытовые учреждения, осматривал хозяйственные строения. Между прочим, узнал, что в совхозе существует большая хорошо налаженная свиноферма. Свиноферма?! Это в субботническом-то селе! «Рассубботилось» Привольное, как и бывшая Еленовка, как некогда субботнические села в Тамбовской и Воронежской областях, которые я посетил в конце 50-х — первой половине 60-х годов. Еще одно сектантское божество, «отдавшее душу»!

27—30 сентября.

Калиновка — село большое, хотя и меньше Привольного. Она живописна, чему способствуют пересеченный рельеф, речка, обилие садов. По численности населения Калиновка тоже уступает Привольному. Но выглядит людней. Из одного двора в другой снуют женщины с огородными и садовыми инструментами, по двое, по трое беседуют у околиц. Ребятишкам для их игр явно не хватает двора, то и дело выбегают на улицу. Их никто не останавливает. По главной улице большое движение. Повозки, телеги. Пешеходы и опять ребятишки, носящиеся вдоль и поперек по улице под грозные окрики возниц. Большая часть населения — азербайджанцы.

Захожу в сельсовет. Представляюсь, знакомлюсь. Меня устраивают на жительство в семью. Глава

семьи принадлежит к секте «общих». Семья многочисленная. Взрослые дети. Неженатый пока один сын призывного возраста. Дом хороший, многокомнатный, благоустроенный, с огородом и садом. Скромная, но современная меблировка. Много книг, особенно учебников. Молодое поколение — со средним и специальным средним образованием. Глава семьи — хороший мастеровой. Мог бы по возрасту и не работать. А трудится и в общественном хозяйстве, и по дому.

С самого начала ввожу хозяина дома в курс своих интересов. Слушает внимательно, серьезно и удивленно. Может ли он быть мне полезен? Захочет ли помочь? Пока сказать трудно. Разговор «вокруг да около», а тем временем хозяйка зовет к столу:

— Подкрепитесь с дороги...

Разговор «по существу» состоялся вечером. Обстановка оказалась непредвиденной. Мне пришлось дать отчет о своих задачах и целях сразу шести женщинам и мужчинам, которых хозяин пригласил для знакомства со мной. Все принадлежат к «общим». Собеседники — люди пожилые, но еще не старики.

Разговор оживленный. К концу стола, где я сижу, справа и слева наперебой летят вопросы — только успевай отвечать: почему в Москве вспомнили «общих»; каковы подлинные цели моего приезда, мол, ясно, что наука, сбор материалов и прочее — это так, для отвода глаз; что я сам знаю об «общих», какого о них мнения я лично и «там, в Москве»; зачем понадобились науке «общие», какой науке, и неужели они, «общие», такие важные, что без них не может обойтись сама наука? и т. д.

Отвечаю, но ответ на вопросы о значении «общих» для науки придерживаю. Его черед наступит после того, как будут удовлетворены другие интересы любознательных участников встречи, а они ждут напряженно: что я им скажу, как объясню, зачем науке понадобились «общие»? Именно ответ на этот вопрос должен разрешить сомнения, убедить, приехал ли я в Калиновку подлинно ради науки или имею какие-то посторонние цели.

— Вы мне задали много вопросов и, как умел, я на них ответил. Теперь еще раз скажу, зачем при-

ехал к «общим» в Калиновку. Спасибо, что оказали внимание, пришли для беседы. Задали мне жару — подбрасывали вопрос за вопросом, с вами не заскучаешь. И за это спасибо. Теперь отвечу на самый главный ваш вопрос. Только это потребует терпения, мне надо сказать вам много. Сперва спрошу: фамилию, имя, отчество мои все помнят?

— Помним, для пущей памяти записали.

— Хорошо. А что я не самозванец какой-нибудь, а тот человек, каким себя назвал, верите?

— Верим! Мы-то верующие. Если хотим, чтобы нам верили, и сами должны верить.

Я вынул служебное удостоверение. Им никто не поинтересовался.

— Я покажу книгу, которую написал, прочтите фамилию мою на обложке. И пустил по рукам два экземпляра «Истории религиозного сектантства».

Сгрудились. Прочитали вслух фамилию автора и название книги. Полистали. Кто-то взвесил книгу на руке.

— Вот почитаю, что я написал об «общих», а вы послушайте.

— Просим, пожалуйста!

«Начало деятельности основоположников «общих» Галяева и Попова относится не позднее чем к 1833 году, когда Галяев передал Попову сочинение под названием «Устав Общего упования»... Сочинение это представляло собой проект устройства жизни на началах обязательности труда и общности имуществ и, по мнению его авторов, возрождало пример жизни апостолов.

Михаил Попов подтвердил делом свои убеждения — распределил свое имущество среди бедноты и с большим успехом проповедовал новое учение в молоканских селах Заволжья. Молокане селений Тяглое озеро и Яблонный овраг сплошь примкнули к учению Попова и Галяева...»

Все сидящие за столом придвинулись ко мне ближе. Продолжаю читать, внятно, не спеша, чувствую связь со слушателями; на лицах их особенное, доверчивое и увлеченное внимание.

Читаю об организации коллективного труда в общине Попова, о том, как составлялись общественные

фонды, натуральные и денежные, как распределялись между общинниками, объединенными в трудовые партии, о том, как организовано было общественное питание, о системе администрации, хозяйственной и церковной, так называемых чинах, наконец, о школах: «...существовали школы с пятилетним курсом обучения, где преподавалось чтение, письмо, арифметика и пение. Обучение было обязательным для всех детей, мальчиков и девочек, достигших семилетнего возраста, и осуществлялось повсеместно. В летние месяцы занятия не проводились. Дети участвовали в выполнении производственных заданий... Школа функционировала не только как учебное заведение, но и как организация учащихся с распределением между ними «чинов», соответствующих шкале церковного управления «общих»... Расходы на учебные пособия и бумагу оплачивались из общей суммы».

Слушают, слова не пропускают. Теперь читаю об основных этапах истории «общих», возникших в их среде противоречиях, частнособственнических тенденциях, захватах «чинами» общественного достояния, разложении коммуны, что произошло примерно во второй половине 40-х — начале 50-х годов прошлого века.

Кончаю выдержкой из статьи М. Саяпина: «...описывать жизнь «общих» за последние десять лет (Саяпин, поясняю, пишет об отрезке времени с 1904 по 1914 г.), жизнь, которая прошла на моих глазах, и очень трудно, и очень неинтересно: почти все время придется копаться в мелочах и в дрязгах, которыми только и живут эти отрезвившиеся экстатики... Николаевка теперь тихая заводь, где погибает все жизненное...»

Слушают, внимание несколько рассеивается под наплывом горестных воспоминаний. Глубокие вздохи. Женщины всхлипывают, на глазах слезы. Это не значит, что слушатели согласны с оценками Саяпина жизни «общих». Но что является самым важным для меня: они убеждены в беспристрастности и добросовестности моего труда и мои научные цели больше не ставят под сомнение. Заложен фундамент доверия и доброжелательности, и внешним выражени-

ем этого было то, что собеседники мои завершили встречу хоровым пением.

Перед тем как участники встречи разошлись, я обратился с просьбой — и объяснил, как она для меня важна — поискать, не найдутся ли у кого-нибудь документы, связанные с историей «общих», устройством их коммуны, с верованиями ее основателей и участников. Просьбу выслушали с сочувствием, но никаких посулов не дали.

В тот же вечер представилась возможность познакомиться со списочным составом калиновской общины. У кого-то из верующих нашелся листок, который предназначался для подачи ходатайства о взятии общины на регистрацию. В списке перечислены 47 фамилий. Из них мужчин — 13, женщин — 34. Родившихся во второй половине 80—90-х годов XIX в. — семеро, в первом десятилетии XX в. — 22, во втором десятилетии — 12, наконец 6 человек родились в 1921—1925 гг. Из числа последних четверо работают. Остальные — пенсионеры и домашние хозяйки, однако среди неработающего по престарелости контингента большинство эпизодически участвуют в тех или иных, преимущественно вспомогательных, отраслях общественного производства.

На второй день пребывания в Калиновке начались беседы с «общими», которых я посещал на дому. Сперва с участниками вчерашней встречи. Я приметил еще вчера маленькую, сухонькую женщину, выделявшуюся чистотой пения. Вопросов она не задавала, но реакция на них, на мои ответы, на чтение была чрезвычайно живой. Держал ее в поле зрения и чувствовал, что не обращается она с вопросами не потому, что их не имеет, а потому, что входит в мое положение ответчика, застигнутого коллективной встречей. Я оценил ее такт и пошел к ней первой.

Встретила приветливо. Усадила. Захлопотала на кухне и вскоре появилась с чайником и угощением. Я расспрашивал о недавней истории «общих», о нынешнем устройстве общины. Информация небогатая: дескать, мало помнит, не умеет рассказать. Вот придете к нам на собрание, посмотрите сами. Знает только, как писалось учение «общих»: были старцы-«виденцы», т. е. прозорливцы.

— Бывало, помолятся, отходя ко сну. Заснут и вдруг услышат голос, вроде как человеческий, но очень нежный, певучий. Встанут, помолятся и запишут, чему голос научает. Так и составилось у «общих» их письмо.

— А есть у вас или у ваших сестер и братьев это письмо?

— Да нет, это когда-то там было, старцам по их праведности давалось.

— Что же голос говорил старцам?

— А все, что нужно людям по земноте, по духовности, это все и говорил. Вот скажет: собери двенадцать чинов для рассуждения.

— А какие были чины?

— Судья, молитвенник, жертвенник, распорядитель, видетель, тайник, словесник, мысленник, член. Еще были старшие певчие: двое мужчин, две женщины.

— А рассуждали о чем?

— Обо всем, что потребно народу,— о земноте, о духовности.

— А сейчас есть чины?

— Ну, сейчас они, не знаю, как и сказать вам, и есть и нету. Мало нас, каждый каждому чин. Есть старичок, вроде как жертвенник, есть и старшой, как у молокан пресвитер, он не судья, но если обидел кто кого, то и рассудит.

Я прошу рассказать об учении «общих». Собеседница полностью обходит все, что относится к организации труда и быта, порядкам владения собственностью,— словом, всю социально-экономическую сторону учения. Тщетно пытаюсь я направить внимание собеседницы к тому, что для меня особенно важно: наши стремления явно не совпадают. Она, как бы и не было моих вопросов, говорит о своем — о религиозной вере.

Почему так? Полагаю, по простому незнанию всего того, что некогда составляло «земное ядро» учения «общих». А незнание этого объясняю не замкнутостью собеседницы — она доверчива и словоохотлива, не ее неосведомленностью или забывчивостью — она любознательна и памятлива, а тем, что социальные идеи и практика «общих» давным-давно потеря-

ли актуальность. Для маленькой группы последователей «общих», которую я и открыл-то нечаянно, остается «актуальной» одна лишь религиозная скорлупа, традиция, но не живая, поскольку за ней никакая «земнота» больше не стоит, а мертвая. «Фигура умолчания», таким образом, становится красноречивой. Что ж, пойду и я в фарватере интересов собеседницы, ибо иного объекта исследования в данном случае и не существует.

Между тем материала для научного анализа ее религиозные верования дают много. Меня поражает их своеобразный бытовизм, их чувственно-предметный характер: «небо» моей собеседницы прижато к земле. Она рассказывает, как представляют «общие» загробную жизнь:

— Я скажу вам, как у нас, у «общих», водится. Вот приходит кому-то смертный час. Соберемся возле покойника, то есть он еще не покойник, еще час смертный свой живет, мало-мальски говорит. Ну, что же он говорит? У братьев прощения просит за свои грехи, кого обидел — простить просит. Еще просит помолиться, чтобы помер без муки, если уж нельзя ему выздороветь. Всем завещает жить в мире, праведно. Много говорить не может, тихо, про себя поет: «Сотворите со мною, братья, последнюю любовь, отхожу от вас в дальнюю путинушку, и сам не ведаю куды, и кто меня там встренит, и кто меня позовет. Встренут меня, братия, два ангела, и поведут мою душеньку к самому Христу на престрашный суд. И поведут мою душеньку подле муки вечныя; и глядит моя душенька во царство небесное: отчего моя душа царства небесного лишилася? Она была скупа и богата и немилостива, она жила в гордости и непокорности и еще жила во сне и лености. Стоят две чаши изнаполнены, изнаполнены эти чаши гневомяростью. Кому эти чаши расчерпати? Эти чаши самому Христу воздавать будет: кому что по делам его»...

Собеседница и не заметила, как ее рассказ перешел в пение, такое же наивное и трогательное, простодушное и безыскусственное, как и слова песни. Здесь все принадлежало народному творчеству: слова, мелодия, манера исполнения. Чувствую, что в песне

собеседница как бы в своей стихии. Прошу спеть еще. И только теперь она сознает, что выступала как певчая.

И смущается. И тем, что солировала, на то и «общие», что предпочитают хор одиночному пению, да и «аудитория» в составе одного слушателя не очень-то располагает петь. Петь отказывается, но предлагает познакомиться со «стишком» про всемирный потоп — он у нее записан.

В сущности, это народная баллада, в которой не только наличествуют отступления от библейского сказания о потопе, но и сведен к минимуму религиозный элемент. Я спрашиваю:

— Откуда у вас эта песня?

— Из тетрадочки. У меня тетрадочка есть, в старину писана, я толком и прочитать ее не умею.

Прошу показать «тетрадочку».

Вот и первое увиденное мной рукописное сочинение «общих». Я держу порыжевшие листки с текстом, написанным полууставным письмом приблизительно середины XIX в. Стараюсь не выдать волнения, двою внимание между рукописью и собеседницей, тем временем не оставляющей меня вопросами о Москве, моей семье, подливающей чай и накладывающей на блюдце варенье.

Увы, тетрадочка представлена в немногих уцелевших страницах: начинается со 102-й и кончается 118-й, но и между ними разрыв: не хватает нескольких страниц. Однако нумерация песен идет с первой и заканчивается 31-й. Несомненно, это отрывок большого сборника (не менее 118 страниц), в котором «песням» предшествовали другие сочинения.

Но листки эти — все, что сохранилось у собеседницы. Как они достались ей? Отвечает, что в ее руки они перешли потому, что она певчая, а когда-то тетрадочка принадлежала старцу Николаю Григорьевичу Поминову, умершему в 1898 г., лет семидесяти от роду.

Прошу разрешения переписать песни. Что и говорить, очень хотел бы иметь эту тетрадку, но если с ней моей собеседнице трудно и жалко расстаться, то хотя бы перепишу. Если угодно, то перепишу здесь же, не выходя из дому. Ответ благоприятный:

— Да чего уж-то переписывать, трудиться. Может, и отдам тетрадочку. Потерпите до завтра.

На следующий день, вечером, я получил тетрадь. По-видимому, на дарственный акт требовалась чья-то санкция. Думаю, что и я облегчил получение этой санкции. Дело в том, что с утра я присутствовал на богомолении «общих», происходившем в доме одного из верующих. Присутствовало до двадцати человек. Я не мог отметить в богослужебном ритуале, которому был свидетелем, каких-либо элементов, отличающих его от обычного молоканского. Разве лишь то, что атмосфера собрания была более экзальтированной: больше страсти вкладывалось в моления, молящиеся плакали. Пение напомнило мне о прыгунском собрании, которое я наблюдал в Ереване. Оно не монотонное и заунывное, как на богослужениях постоянных молокан, но, как и у прыгунов, было мелодически разнообразным, ритмически богатым.

И, как это произошло на молитвенных собраниях духоборцев и прыгунов, меня пригласили обратиться со словом к присутствующим. Я знал принятую у «общих» формулу приветствия и с нее начал:

— Мир дому сему!

В ответ хоровое:

— Мир входу вашему!

— Вы сказали «мир моему входу». Спасибо. С чем же я пришел к вам? С пожеланиями здоровья и благополучия вам и вашим семьям. С уважением к вам, пожилым людям, прожившим жизнь в честном труде. Вы уже знаете, что сам я неверующий. И все-таки сказали мне: «Мир входу вашему». Скажу по правде: я этого ожидал. Почему? Потому, что уже познакомился с некоторыми из вас, беседовал и меня хорошо принимали. А еще ожидал от вас доброй встречи потому, что знаю немного проповедь Михаила Акинфиева — он-то проповедовал, что каждый сам выбирает себе то учение, которое ему по сердцу. И запрещал осуждать тех, кто не разделяет учения «общих». Я хочу высказать уважение учению Михаила Акинфиева. Не тому, что он учил о боге, а тому, что он учил о жизни людей на земле. Он был простой крестьянин, а еще 150 лет назад понял, что люди должны жить коммуной, сообща трудиться, а для этого

прежде всего должны покончить с частной собственностью. Этому он учил, и его учение приняли другие простые люди — саратовские крестьяне — и организовали коммуну. Царь их, предков ваших, сослал за Кавказ. Попы их прокляли. Но и за Кавказом мученики царя и попов снова объединились в коммуну.

Все это вы знаете сами. Знаете и то, что коммуна Михаила Акинфиева распалась. Иначе и быть не могло. И время коммун тогда еще не пришло. И Михаил Акинфиев коммуну свою строил не по науке, а по вере, да и не для всех, а для немногих «избранных». А сама мысль о коммуне была светлая. И она достойна уважения. И достойны уважения те далекие ваши предки, которые пошли на муки и страдания ради того, чтобы жить, как подобает людям,— сообща трудиться и владеть тем, что создано их трудом. Это достойно не только уважения, но и памяти народной. Я и приехал сюда расспросить о ваших предках, чему они учили, как жили. Я напишу книгу об этом.

Обманывать вас не хочу. В этой книге я напишу и о заблуждениях, и о многом плохом и тяжелом, что имелось в жизни вашей общины. Просто сказать: напишу так, как оно на самом деле и было. Правду. Люди вы верующие. Это дело вашей совести. А мое дело сказать то, что и я думаю о вере, не глядя на то, понравится это вам или нет. Вот и все. И кончу тем, с чего начал: мир вашим домам, здоровья и благополучия.

Повторно ответили хоровым: «Мир входу вашему!» И с чувством спели песню, которая называется «проводной». Она произвела впечатление красотой мелодии, проникнутой лирическим настроением: лучше всего оно может быть определено по-пушкински: «светлая печаль».

На следующий день после посещения собрания «общих» я вновь встречался с верующими. Одна и та же картина: мало знают о социально-экономической организации и общественных идеалах «акинфиевой секты» и охотно говорят о своих религиозных верованиях.

Когда сейчас я просматриваю сделанные в Калиновке записи бесед, то вижу, что только в своей сово-

купности они могут служить материалом, имеющим познавательный интерес. Попытаюсь суммировать то, что услышал.

Я обратил внимание на то, что в отличие от ряда течений «духовного христианства», будь то христоверие, духоборчество, молоканство в его «постоянной» и прыгунской ветвях, «общие» не ограничиваются аллегорическим толкованием библейских текстов. И для них «священные книги», как и основные религиозные понятия «церковь», «крещение», «образ» и пр., имеют не буквальный, а «духовный смысл». Но не один лишь «духовный». Материальное и духовное различаются, но не противопоставляются. Следуя терминологии моих собеседников, я должен был бы обозначить «материальное» как «видимое» и духовное как «невидимое». «Видимое» и «невидимое» существуют постольку, поскольку они сосуществуют, но не сами по себе. Слово неотторжимо от дела.

— Мы молимся триедино: словами, делами и мыслями; богу служим видимо — по земной части, а невидимо — по духу; без обоего того как же возможно богу послужить?

Или такое рассуждение:

— Друг другу добрыми делами видимо служим, тем и богу невидимому жертву приносим и хвалу воздаем.

«Земная часть» не в пренебрежении, иначе и быть не могло, поскольку основатель секты Попов выступил в качестве преобразователя именно «земной части», приведения ее в соответствие с конечным идеалом, каковым ему представлялось «царство божье». Свое назначение Попов усматривал в том, чтобы осуществить его на земле, превратить «невидимое» в «видимое». В рассуждениях моих собеседников, поскольку они акцентированы на «земноте», на «добрых делах» и служении друг другу, справедливо видеть религиозный отголосок социального реформаторства Попова. Последнее не могло не требовать созвучного толкования религиозной веры. Но от всего дела, которому посвятил себя Попов и его единомышленники, сохранился до нашего времени лишь далекий религиозный отголосок.

В сознании моих собеседников утрачена и связь их верований, их религиозного «слова» с «делами», за которые боролись и страдали давние их предшественники. Может быть, осторожнее было бы сказать, почти утрачена. По словам одной из моих собеседниц, их предки «завещали дружно жить, друг друга любить, не бросать, уважать. Жить — один другого выручать, человеку к человеку ходить — кусок хлеба покушать. И не различать, кто он — азербайджанец, еврей, русский. А если помрет какой человек, не смотреть, кто он по вере, по нации, равно каждому поминки творить». И это все, что удалось мне услышать в ответ на расспросы о социальном учении Попова.

Собрал я кое-какие сведения и из прошлого «общих». Мне рассказали, что в свое время Калиновка (Николаевка) делилась на концы с названиями: Кизлагинский, Замостенный, Мордовский и Чинари. В последнем проживали только «общие», а в других «общие» и молоканє, главным образом прыгуны. Зная, как велико было значение «чинов» в среде «общих», я попытался уточнить, не потому ли конец назывался «Чинари», что он служил местом пребывания «чинов», чем весьма развеселил своего собеседника. Он разъяснил, что «Чинарями» называлась местность около Шемахи, откуда происходит и название этого конца. Что касается Мордовского конца, то он населен был мордвинами — последователями прыгунов и «общих».

Мне удалось установить, что «общие» сохраняли основные черты своего церковного строя вплоть до коллективизации. Существовала иерархия чинов, какой ее предусматривал «Устав Общей секты». Функционировал и общественный «амбар», куда каждый последователь секты вносил зерно от урожая. В среднем вносили ежегодно мешков по десяти с крестьянского двора. Больше не вносили, а меньше — бывало. Из фонда общественного «амбара» оказывали натуральную помощь нуждающимся, в первую же очередь помощь оказывалась сиротам, престарелым и неработоспособным членам общины. Однако, если позволяли фонды, не возбранялась помощь односельчанам, к секте не принадлежавшим. До коллективизации в селе имелось до 140 домов с населением око-

ло 500 душ, принадлежавших к секте. Существовал молитвенный дом. Общину возглавляли «старцы» — Степан Матвеевич Попов и Павел Сергеевич Косицын. Считаю небезосновательным высказать догадку, что первый из них приходился внуком Михаилу Акинфиевичу Попову, сына которого звали Матвеем.

Вспоминали мои собеседники и предреволюционные годы. Все они сходились (одни как бы стыдливо, другие — очень резко) на квалификации деятельности «чинов» как тиранической. Руководящая верхушка секты, чтобы держать в подчинении «паству», создала обстановку взаимной слежки верующих друг за другом, возвела донос в норму отношений, от «виновных» требовала покаяния, которое обставлялось унизительной процедурой ползанья на коленях, плача, вымаливания прощения, публичной огласки «вины», хотя бы она относилась и к наиболее интимным сторонам жизни верующего.

Практиковались порка, помещение в «холодную». Рассказывали о нескольких случаях самоубийства верующих, доведенных до отчаяния тиранией «чинов». «Чины», как оказывается, сумели установить доверительные отношения с полицией и пользовались ее неограниченной поддержкой.

На вопрос, протестовали ли верующие против доморощенных самодуров, последовали ответы, что да, протестовали, разрывали с общиной и переходили кто в прыгуны, а кто и в баптисты. В предреволюционные годы в Николаевке оформилась было баптистская группа, состоявшая сплошь из верующих, отлученных за неповиновение «чинам». И в настоящее время в Калиновке имеются баптисты, но они малочисленны. Были и такие, что порывали с «общими», но не переходили ни в прыгуны, ни в баптисты. В Николаевке им удержаться не удавалось, и они ее покидали навсегда, чтобы избежать бойкота и травли.

Но что же в таком случае заставляло основной контингент последователей секты смиряться перед деспотизмом «чинов»? Назывались разные причины. Общим было мнение, что «чинам» прощали потому, что «как же без чинов, они ведь по Акинфиеву уставу назначались» и слушались их ради устава и веры:

«неправедность чинов на устав не переходит». Одним словом, знакомое: «Не в попа верю, а в ризу его».

Еще объяснение, заслуживающее внимания: «Мы все были с малых лет учебными (т. е. посещали в обязательном порядке школу, содержавшуюся общиной.— *А. К.*), нас приучали послушаться; кто попримернее из учебных, пограмотнее, того над другими девками и мальцами чинами ставили, приказывали никакой тайны не хранить, чинам-детям исповедоваться, наказание и суд от них принимать да за науку благодарить».

В свое время школы «общих» являлись в первую очередь школами социального воспитания детей в духе идеалов коммуны и практической подготовки их к труду в коллективе и участию в управлении религиозно-общественной жизнью коммуны. Но из организаций социального воспитания они превратились в школы муштры безответных участников общины: учили подчиняться и подчинять, дисциплина превращена была в самоцель.

Надо полагать, что и связи «чинов» с полицейскими властями немало способствовали поддержанию «порядка» среди верующих. В беседах удалось выявить некоторые подробности праздничного календаря «общих», детали похоронного, свадебного обрядов. Но место этого материала — в специальном исследовании.

Читатель заметил, что в очерке, посвященном «общим», я избегаю называть имена своих информаторов. Я следую их просьбе, с которой они и начинали, как с условия, предваряющего беседу (за исключением случаев, когда беседы были коллективными). Об этом не просили ни, например, привольнинские субботники, ни пришибские молокане. Меня это наводит на мысль, что нравы, существовавшие на последнем этапе в среде «общих», в какой-то степени еще дают о себе знать.

Последний день пребывания в Калиновке стал для меня самым значительным. После длительного разговора с одним из авторитетов общины я получил в дар от него несколько рукописей, относящихся к концу 30-х — 50-м годам XIX в. Перечисляю их: 1. «Книга 1838 года. Приказы. От высших чинов. От Младе-

нова, и от Признателева, и от Милизгина»; 2. «Устав Общей секты под названием Михаила Акинтьева Попова учения...»; 3. Сочинение против попов и церкви: «И будет день такой, возгорится в человеке дух святой...» 4. Два сочинения религиозно-мистического содержания; 5. Сочинение «Обряд различения видима и невидима»; 6 и 7. Прошения поселянок Андреевки и Николаевки о соединении их с мужьями, отбывающими арестантские роты за принадлежность к акинфиевой секте.

И, наконец, 8. Прошение коллежского асессора Шашина по делу о взыскании денежных сумм с Матвея Попова (сына Михаила Попова) с описанием торгово-денежных операций, произведенных им с Абаканским железоделательным заводом. Документ датирован 1 июня 1872 г. На обороте 4-го листа приведено в копии письмо-доверенность Михаила Попова сыну Матвею.

А накануне, как я уже писал, мной была получена тетрадь, содержащая песни «общих». Все перечисленные документы не были известны исследователям. Исключение составляет «Устав Общей секты...», опубликованный еще в 1864 г. Однако экземпляр, полученный мной, исправнее и полнее опубликованного.

Что сказать о содержании и научном значении этих документов? Их исследование впереди. Во всяком случае, документы эти уточняют и пополняют ранее известные данные об организации управления коммуной, о ее трудовых порядках, постановке воспитания и обучения детей, отношении между полами. Весьма интересны песни и сочинения против попов и церкви. Они интересны тем, что характеризуют мировоззрение и психологию «общих» как уходящие корнями в самую глубину народной культуры. Их отличает образность, шире сказать, поэтичность. А взятые в целом, документы эти позволяют со всем основанием назвать учение «общих» и практику их в 30—40-х годах XIX в. примером народного социального творчества, развивавшегося на путях социалистической утопии.

Печальна была судьба этой утопии, как и других ей подобных. Страницы ее истории, повествующие о разложении и вырождении коммуны, отразились и в

приведенных выше собеседованиях моих с верующими. Такой конец социального начинания Попова и его последователей закономерен. Это были всего-навсего утопические искания, чрезвычайно далекие от научного социализма. Все это так. Тем не менее тот факт, что крестьянская мысль, так сказать, на ощупь, с религиозной повязкой на глазах искала выхода из социального гнета на путях создания социалистических форм жизни,— факт примечательный. Его изучение для исследователя — радостный долг...

Вечером 30 сентября я покидал Калиновку. Пятеро из моих собеседников пришли в дом, в котором я жил, чтобы со мной попрощаться. Спели понравившуюся мне «проводную». Я увозил материалы наблюдений, документы и память о калиновцах, добрую и благодарную.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подошла к концу книга, следовательно, настала пора прощаться с читателем, моим спутником во встречах, беседах, наблюдениях в мире религиозного сектантства.

Если мой исследовательский опыт, который я сделал достоянием читателя, умножил его познания, помог выработать отношение к религии как области мнимых ценностей, способствовал постижению сложных и многообразных процессов, протекавших в последние десятилетия в описанных христианских сектах, то это позволит мне посчитать выполненной поставленную ранее задачу.

В чем убедил меня личный многолетний опыт общения с верующими? В том, что неверующие и большинство верующих — это не «мы» и «они», а только «мы», люди, строящие совместно новую жизнь, новое общество. Нас соединяют общие дела, общий труд. Мы равно делим наши успехи, наши радости и заботы. И хотя у нас есть люди, которые еще находятся в плену отсталых представлений, мы вправе говорить о единстве нашего общества. За линией, отделяющей мир социализма от мира капитализма, у нас есть противники. Они отвергают наши идеалы и нашу практику. Они ведут борьбу с социалистическим строем всеми доступными им средствами, мечтают расколоть наше общество по религиозному принципу, противопоставив верующих неверующим. Но все эти попытки тщетны.

Примечательно, что и тогда, когда еще только закладывался фундамент социализма в нашей стране, во второй половине 20-х годов, основная масса рядовых верующих не про-

тивопоставляла себя интересам, которыми жило советское общество, несмотря на то что этому противодействовали многие религиозные руководители. Как бы ни притупляла религия социальную зоркость трудящихся, они все же видели, что несет им Советская власть.

Многое изменилось с тех пор. Не только рядовые верующие, но, как правило, и религиозные руководители прочно стоят на почве лояльности к Советскому государству. Изменились и представления, чувства, поведение верующих людей. Неизменной осталась, однако, самая сущность религии как фантастической, превратной формы сознания. Поэтому необходима и важна идейная борьба с религией. Залогом духовного освобождения людей, еще остающихся под влиянием религии, является их общее со всем народом участие в строительстве коммунизма. Это и есть почва, на которой зиждется система научно-атеистического воспитания.

Перечитываю слова, начертанные в Программе КПСС: «Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах» [1].

В этих словах ясно и четко изложены цели атеистического воспитания, задачи, которые стоят перед всеми работниками идеологического фронта в деле освобождения от заблуждений тех, кто еще находится в плену религии.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, стр. 121—122.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ 3

Глава первая.
НАЧАЛО 9

Глава вторая.
ВСТРЕЧИ СО СКОПЦАМИ 22

Глава третья.
«БРАТЕЦ» АНИСИМ СМИРНОВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ 69

Глава четвертая.
ПОЕЗДКА К МЕННОНИТАМ 93

Глава пятая.
ЗАМЕТКИ О ТОЛСТОВЦАХ 114

Глава шестая.
ПОСЛЕДНИЕ ХРИСТОВОВЕРЫ 134

Глава седьмая.
СТРАНИЦЫ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА 153

Глава восьмая.
НА СОБРАНИИ У МОЛОКАН-ПРЫГУНОВ 176

Глава девятая.
ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК. МОЛОКАНЕ. СУББОТНИКИ 197

Глава десятая.
ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШЕЙ УТОПИИ 214

ПОСЛЕСЛОВИЕ . 253

Александр Ильич Клибанов
ИЗ МИРА РЕЛИГИОЗНОГО СЕКТАНТСТВА

Заведующий редакцией *А. В. Белов*
Редакторы *М. М. Скибицкий, Т. И. Трифонова*
Младший редактор *Г. И. Жарикова*
Художник *В. В. Ашмаров*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 19 апреля 1974 г. Подписано в печать 23 августа 1974 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 13,44. Учетно-изд. л. 12,52. Тираж 100 тыс. экз. А00192. Заказ № 3452. Цена 53 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

53 коп.